

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИМЕНИ
ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»

На правах рукописи

Финская Таисия Евгеньевна

**ОТРАЖЕНИЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАДЫ «PAIX – GUERRE» В
РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ
ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)**

Специальность: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (романские языки)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
Нелюбова Н.Ю.

Москва 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. Исследование диады «<i>paix – guerre</i>» в лингвоаксиологическом аспекте.....	11
1.1. Аксиология в сфере гуманитарных наук.....	11
1.1.1. Базовые понятия аксиологии: ценность и антиценность	13
1.1.2. Типология ценностей.....	21
1.1.3. Бинарная оппозиция и диада как тип аксиологических понятий.....	24
1.2. Лингвоаксиология как направление современного языкознания.....	26
1.2.1. Оценка и оценочность как базовые термины лингвоаксиологии.....	28
1.2.2. Лингвоаксиологические маркеры	37
1.3. Специфика функционирования аксиологической диады « <i>paix – guerre</i> »	39
1.3.1. Определение основных понятий аксиологической диады « <i>paix – guerre</i> »	40
1.3.2. Отражение символики войны и мира в языке и культуре.....	47
Выводы по 1 главе.....	52
ГЛАВА 2. Типы и особенности дискурсивных практик.....	57
2.1. Дискурс: общие понятия.....	57
2.1.1. Определение дискурса	57
2.1.2. Типология дискурса.....	60
2.2. Специфика фольклорного, песенного дискурсов и медиадискурса.....	62
2.2.1. Фольклорный дискурс.....	62
2.2.2. Паремиологический дискурс как разновидность фольклорного дискурса.....	67
2.2.3. Песенный дискурс.....	74
2.2.4. Медиадискурс.....	81
Выводы по 2 главе.....	85
ГЛАВА 3. Функционирование диады «<i>paix – guerre</i>» во французском фольклорном, песенном дискурсах и медиадискурсе.....	89
3.1. Функционирование аксиологической диады « <i>paix – guerre</i> » в фольклорном дискурсе.....	89
3.1.1. Функционирование компонента <i>paix</i> в паремиологическом дискурсе.....	89
3.1.2. Функционирование компонента <i>guerre</i> в паремиологическом дискурсе.....	94
3.2. Функционирование аксиологической диады « <i>paix – guerre</i> » в песенном дискурсе.....	100
3.2.1. Любовь и война в песенном дискурсе.....	103
3.2.2. Образ солдата на войне в песенном дискурсе.....	113
3.2.3. Функционирование компонента <i>paix</i> в песенном дискурсе.....	125
3.3. Функционирование диады « <i>paix – guerre</i> » в медиадискурсе.....	129
3.3.1. Мир как ценность в медиадискурсе.....	130
3.3.2. Война как антиценность в медиадискурсе.....	133
3.3.3. Кибервойна в современном медиадискурсе.....	137
3.4. Восприятие носителями современного французского языка ценностной диады « <i>paix – guerre</i> »: верификация результатов.....	143
3.4.1. Методика проведения анкетирования.....	144
3.4.2. Результаты анкетирования.....	146
Выводы по 3 главе.....	149
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	154
БИБЛИОГРАФИЯ	160
Приложение	193

Введение

Диссертационная работа посвящена изучению аксиологической репрезентации ценностной диады «*paix* – *guerre*» в различных дискурсивных практиках, а также определению ее места в системе ценностей франкоязычного общества на примере фольклорного, песенного дискурсов и медиадискурса. Традиционно мир рассматривается как ценность, война – как антиценность, однако анализ текстов, созданных в разное время, позволяет говорить об амбивалентном характере исследуемой диады: можно констатировать динамику антиценностного статуса концепта «*guerre*» в сторону его позитивизации в современных медиатекстах.

Л. К. Байрамова выделяет 10 основных аксиологических диад: жизнь – смерть, здоровье – болезнь, счастье – несчастье, родина – чужбина, труд – отдых, богатство – бедность, ум – глупость, правда – ложь, смех – плач, рай – ад [Байрамова 2008: 299; Байрамова 2011; Байрамова, Иванова 2014: 10], первое место среди них занимает диада «жизнь – смерть», к которой ценностная диада «война – мир» имеет самое непосредственное отношение. Исследование, проводимое в рамках данной работы, базируется на постулатах лингвоаксиологии и лингвокультурологии, которые предполагают анализ репрезентации аксиологической диады «*paix* – *guerre*» в текстах пословиц, песен и медиатекстах, рассматриваемых нами в качестве текстов культуры. Лингвоаксиологический вектор определяет направленность работы на анализ ценностей и оценок.

Важные культурологические знания содержат паремии с компонентами *paix* / мир и *guerre* / война, изучение которых позволяет выявить фундаментальные ценностнокультурные знания о мире, закрепленные в языке, реализуемые на основе ассоциативно-образных представлений. Сопоставление результатов исследования фольклорного (паремиологического), песенного дискурсов и медиадискурса является основой для формирования комплексной оценки ценностного значения языковых способов вербализации частей изучаемой аксиологической диады

(мира и войны), представления о которых позволяют дополнить знания о ценностной картине мира, содержащей как общечеловеческие, так и национально-специфические аксиологические доминанты.

Актуальность темы обусловлена влиянием экстралингвистических факторов на ранжирование ценностей в картине мира ряда лингвокультур, в том числе французской, представляющей собой пример европейской культуры. В XXI в., отличающемся отсутствием мировых войн, с одной стороны, и возникновением региональных конфликтов, с другой, имеет место изменение ценностного восприятия понятий войны и мира, которое находит непосредственное отражение в языке. Таким образом, возникает необходимость изучения эволюции и особенностей вербализации диады «paix – guerre» как имеющей самое непосредственное отношение к основной ценностной диаде, связанной с жизнью и смертью, в современном социо-историко-культурном контексте (термин О.В. Ломакиной). Отмечая наличие широкого спектра работ, посвященных лингвокультурным и аксиологическим особенностям фольклорного, песенного дискурсов и медиадискурса, отметим, что отдельного внимания заслуживает ценностное значение паремий, в которых представлено традиционное восприятие и символика изучаемой диады с точки зрения обыденного сознания. Важность фиксации изменений в восприятии данной диады обусловила выбор в качестве материала французских песен разных лет (1960–2015 гг). Востребованность анализа современной актуализации смыслов ценностного восприятия мира и войны объясняет обращение к медиадискурсу, в котором выделяются в качестве самостоятельных концепты «cyberguerre» и «cyberpaix», образующие новую аксиологическую диаду.

Объектом исследования является аксиологическая диада «paix – guerre» и ее отражение в трех видах дискурса: фольклорном, песенном дискурсах и медиадискурсе.

Предметом исследования служат языковые средства репрезентации аксиологической диады «*paix – guerre*» и специфика их функционирования в фольклорном, песенном дискурсах и медиадискурсе.

Целью исследования является анализ особенностей отражения аксиологической диады «*paix – guerre*» в фольклорном, песенном дискурсах и медиадискурсе. Цель обусловила необходимость постановки и решения следующих **задач**:

1) дать представление о месте аксиологии среди гуманитарных наук и базовых аксиологических понятиях, представить типологию ценностей;

2) охарактеризовать понятие лингвоаксиологии как направления современного языкознания, представить главные лингвоаксиологические понятия;

3) выявить особенности фольклорного, песенного дискурсов и медиадискурса с точки зрения возможностей передачи аксиологического смысла;

4) проанализировать французские пословицы, песни и тексты медиадискурса, репрезентирующие диаду «*paix-guerre*», с точки зрения символики, языковых средств выражения и эволюции аксиологического значения;

5) провести верификацию восприятия ценностной диады «*paix – guerre*» представителями современного французского общества путем анкетирования.

Степень разработанности проблемы. Теоретические аспекты проблематики диссертационной работы нашли отражение в публикациях отечественных и зарубежных ученых, однако анализ аксиологической диады «*paix – guerre*», основанный на материале данных трех рассматриваемых видов дискурса, ранее не проводился. **Теоретико-методологической базой** исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых в следующих сферах:

- *лингвоаксиология* (Н.Ф. Алефиренко, Л.К. Байрамова, П. Брешон, А. Вежбицкая,

Л.Г. Викулова, Е.И. Воинова, Е.М. Вольф, М.В. Иванова, А.А. Ивин, М.С. Каган, О.В. Ломакина, Е.И. Манухина, Т.В. Маркелова, Н.Ю. Нелюбова, Е.Ф. Серебренникова, В.П. Синячкин, Л.Н. Столович, Е.Ф. Тарасов, О.В. Томберг);

- *дискурсивная лингвистика* (В.Е. Анисимов, Н.Д. Арутюнова, Н.А. Ахренова, В.В. Богданов, Т. ван Дейк, Дж. П. Джи, Н.В. Зененко, В.И. Карасик, В.Б. Кашкин, Е.С. Кубрякова, С.Л. Кушнерук, Т.В. Ларина, Л.В. Моисеенко, С.Г. Проскурин, Ю.Е. Прохоров, Ю.В. Рождественский, Э.М. Рянская, О.В. Соколова, Г. Уиддоусон, М. Фуко, В.Е. Чернявская, Ф. Эльгорски);

- *фразеология и паремология* (Ш. Балли, Т.Г. Бочина, М.А. Бредис, В. П. Жуков, Е.Е. Иванов, О.В. Ломакина, В.М. Мокиенко, Н.Ю. Нелюбова, Т.В. Романова, Л.В. Савенкова, О.А. Селиванова, Е.И. Селиверстова, Н.Н. Семенов, Н.М. Шанский);

- *семиотика в ракурсе изучения символики* (С.С. Аверинцев, Н.Д. Арутюнова, Э. Бенвенист, В.В. Виноградов, А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман, Ч. Пирс, А.А. Потебня, В.П. Пророков, П. Рикёр, К.А. Свасьян, Ф. де Соссюр, Ц. Тодоров).

В работе используются следующие основополагающие **методы исследования**: описательно-аналитический, лексико-семантический, метод контекстуального анализа, метод семного анализа, сравнительно-сопоставительный метод, анкетирование, прием сплошной выборки, количественный анализ.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые осуществлён анализ аксиологической диады «*paix – guerre*» в текстах разного периода создания, представленных в фольклорном, песенном дискурсах и медиадискурсе, позволяющий проследить эволюцию аксиологической семантики и взаимодействие компонентов изучаемой диады, а также ее символики. Выявлено, что языковые средства отражения исследуемой ценностной диады зависят от типа картины мира соответствующей эпохи.

Теоретическая значимость исследования состоит в представлении и обобщении основных положений аксиологии и лингвоаксиологии, в выявлении и описании механизмов языковых способов отражения и функционирования аксиологической диады «*paix – guerre*» в фольклорном, песенном дискурсах и медиадискурсе. Работа вносит определенный вклад в лингвоаксиологию и изучение различных видов дискурса на материале французского языка.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в процессе подготовки и при чтении курсов и спецкурсов по лингвокультурологии, лингвоаксиологии, паремиологии, межкультурной коммуникации, а также в практике преподавания французского языка как иностранного.

Гипотеза исследования заключается в том, что аксиологическая диада «*paix – guerre*», части которой находятся в отношениях диалектического взаимодействия, реализуется по-разному в разных типах дискурса, репрезентация зависит от времени создания данных текстов. Данные факторы в совокупности определяют специфику ее эволюции.

Материалом исследования послужили 47 пословиц, отобранных путем сплошной выборки из рубрики «*La guerre et les armes*» / война и оружие словаря французских пословиц и поговорок F. Montreynaud, A. Pierron, F. Suzzoni [Montreynaud, Pierron, Suzzoni 2006], а также 25 пословиц из словаря Internaute [L'Internaute], полученных в результате ввода в поисковую строку слова *paix*.

Для анализа репрезентации аксиологической диады «*paix – guerre*» в песенном дискурсе на платформах appleMusic, YandexMusic и в видеохостинге YouTube в поиске были введены слова *guerre* / война и *paix* / мир, в результате чего было отобрано 53 песни, содержащих в тексте лексему *guerre* / война, и 50 песен с лексемой *paix* / мир.

В качестве материала для анализа исследуемой диады в медиадискурсе были выбраны популярные блоги и электронные версии газет (2019–2022гг.):

The Conversation, блог Perrico, блог Marc Lev: le blog, BBC NEWS Afrique и газет Élysée, Le Parisien, Le Monde и Le Figaro. Всего было проанализировано 54 статьи, в заголовках которых содержались понятия, имеющие отношение к исследуемой диаде. В данных блогах в поисковой строке было введено сначала слово *guerre*, а затем слово *paix*. Нами были отобраны те статьи, в заголовках которых присутствовали данные лексические единицы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Языковая репрезентация аксиологической диады «*paix – guerre*» в текстах разных видов дискурса показывает не оппозицию, а динамику диалектического взаимодействия ее компонентов, которые обусловлены типом картины мира, соответствующей времени написания текста.
2. Аксиологический подход к изучению вербальной репрезентации диады «*paix – guerre*» позволяет описать не только данный фрагмент и его функционирование в системе ценностей, но и сопредельные ценности, отраженные в текстах фольклорного, песенного дискурсов и медиадискурса.
3. Вербальные образы и символическое наполнение диады «*paix – guerre*» зависят от типа и соответствующей специфики дискурсивных практик, определяющих преобладающие в них языковые средства выражения оценочности.
4. Анализ исследуемой диады в паремиологическом дискурсе, песенном дискурсе разных лет и медиадискурсе позволяет проследить концептуальную эволюцию и аксиологическую трансформацию понятий *paix* и *guerre*.
5. Анкетирование респондентов подтверждает важную роль диады «*paix – guerre*» в массовом сознании современных молодых французов: в иерархии главных ценностей концепт «*paix*» занимает второе место после концепта «*famille*». Ценностная семантика концепта «*paix*» манифестируется в ярко индивидуалистическом плане, а концепт «*guerre*» воспринимается как исключительно социальный феномен.

Объективность и достоверность. Результаты, полученные в ходе проведенного диссертационного исследования, определяются использованием авторитетной методологической базы, которую составили научные труды российских и зарубежных ученых.

Основные положения диссертации отражены в 7 научных публикациях, одна из которых – в издании, индексируемом международной базой данных Scopus, 2 – в научных журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации, общим объемом 3,7 п.л.

Личный вклад автора является определяющим и заключается в непосредственном участии на всех этапах исследования, начиная с постановки цели и задач исследования и их реализации, проведения самостоятельного анализа, составления картотеки, до отражения результатов в научных публикациях и докладах, а также положениях, выносимых на защиту.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Научные положения диссертации соответствуют паспорту специальности 5.9.6. «Языки народов зарубежных стран (романские языки)».

Структура и содержание диссертации обусловлены кругом исследуемых проблем и отвечают поставленным целям, задачам, объекту и предмету исследования. Диссертационное исследование состоит из Введения, трех глав, в которых последовательно решаются поставленные задачи исследования, а также Заключение, Списка литературы и Приложения.

Библиография включает 292 источника. Общий объем работы – 192 страницы печатного текста.

Апробация работы. Основные положения работы были представлены в виде докладов на международных конференциях:

- VI Международной конференции «Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака» 22–26 марта 2021 г., МПГУ, Москва;

- Международной научной конференции по когнитивной лингвистике «Язык и мышление в эпоху глобальных перемен, 2-4 июня 2021 г., НГЛУ, г. Нижний Новгород;

- Международной научно-практической конференции «V Фирсовские чтения: Современные языки, коммуникация и миграция в условиях глобализации» 20-21 октября 2021 г., РУДН, Москва;

- XI Международной научной конференции «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» 7–9 апреля 2022 г., ЧелГУ, Челябинск;

- XVII Международной научно-практической конференции НОПриЛ «Языки и культуры в современном мире» 13–14 октября 2022 г., МЭИ, г. Москва;

- и круглом столе «Методы когнитивной лингвистики: гордость или предубеждение», дата проведения 29 октября 2021 г., РАЛК, МГЛУ, г. Москва.

Глава 1

Исследование диады «*raix – guerre*» в лингвоаксиологическом аспекте

Междисциплинарные исследования, проводимые на стыке лингвистики, культурологии, философии и других гуманитарных наук, основаны на том, что язык неразрывно связан с культурой того или иного этноса, выступает ее орудием. «Человек живет в контексте культуры, созданной им и ставшей для него объектом познания» [Омеличкина 2013: 26], при этом каждый человек определяет для себя мир по-разному и создает свой образ мира. Однако при создании данного образа человек опирается на общее мировоззрение, передаваемое ему посредством языка, выступающего в качестве инструмента формирования определенной системы ценностей, присущей той эпохе, в которой он живет. Антропоцентрический принцип ставит человека превыше всего, а язык называет одним из основных условий его существования. «Человеческий интеллект немислим вне языка» [Костомаров 2014: 199].

Человек познает мир и совершает различные действия, основываясь на полученном знании о мире, имея довольно четкие представления о хорошем и плохом, добре и зле, что обуславливает его поведение в самых различных бытовых ситуациях. Таким образом «в лингвистике антропоцентрический принцип связан с попыткой рассмотреть языковые явления в диаде «язык и человек» [Кубрякова 1995: 213], в связи с чем необходимо отметить важность исследований, проводимых с учетом принципа антропоцентризма в аксиологии и лингвоаксиологии, поскольку они позволяют расширить рамки лингвистического понимания ценностей. Аксиологическая составляющая ориентирует деятельность человека на достижение определенных целей и часто обуславливает поведение отдельного индивида или социума в целом.

1.1. Аксиология в сфере гуманитарных наук

Термин *аксиология* восходит к древнегреческому языку и происходит от греч. *ἀξιόλογος* – ценный, значимый, значительный и *λόγος* – слово, понятие, термин, смысл, учение [Кузнецов 2005: 4–6]. Как наука аксиология начала развиваться в конце XIX века. Французский философ П. Лапи впервые ввел

данный термин в употребление в работе «Логика воли» в 1902 году [Выжлецов 2015: 55]. Спустя несколько лет после первого упоминания аксиологией назывался уже целый раздел философии, посвященный ценностям. Самый большой вклад в развитие и становление аксиологии как науки внесли зарубежные философы В. Виндельбанд, В. Дильтей, Э. Кассирер, Г. Коген, Ф. Ницше, Г. Риккерт, М. Шелер, а также русские философы И.А. Ильин, Н.О. Лосский, В.С. Соловьёв.

Аксиология является нормативной дисциплиной, которая сосредотачивается на самых базовых вопросах – ценностях и направлена на изучение положительных и отрицательных, постоянных и переменных оценок [Ивин 2006: 3]. Понятие *ценность* для аксиологии было изначально духовным понятием. Ранее аксиология опиралась на постоянные, вечные ценности и ценностные абсолюты, однако под влиянием ряда внешних и общекультурных факторов даже такое стабильное явление, как ценность, может подвергаться изменениям, в связи с чем исследователи говорят о ценностных константах и переменных. Под ценностными константами понимаются «ментальные постоянные, характерные для того или иного народа» [Ломакина, Мокиенко, 2018: 313], под ценностными переменными – ценности, «меняющиеся под влиянием социо-историко-культурного контекста» [Ломакина, 2020: 82].

Главной задачей аксиологии является «прояснение общего понятия (сравнительной или абсолютной) ценности, вне зависимости от его приложений в науке, морали, теологии, повседневной жизни и т. д.» [Ивин 2006: 2]. В целом аксиология представляет собой объемную философскую доктрину ценностей (императивы, идеалы, эталоны, регулятивы, принципы, нормы), анализирующая природу, характер, способы, состав регламентирования смысложизненных позиций, ориентаций, мотиваций человеческой деятельности. В отличие от иных наук, изучающих способы конкретного нормирования поведения (юриспруденция, история, педагогика), аксиология концентрируется на вопросах фундаментального свойства: стихия

человеческого общения и принципы его регуляризации, регламентации, регуляции составляют нерв аксиологического рассмотрения [Ильин 2005: 10].

Аксиология направлена на анализ таких феноменов, как личность и индивидуальность, смысл жизни, стремления и идеалы [Лингвистика и аксиология 2011: 233]. Аксиологическая наука воспринимает бытие как непрерывный «процесс духовно-практического производства, интенсивного воспроизводства человеческой жизни, самореализации личности» [Там же: 11]. Ориентация человека происходит посредством выбора между устоявшимися и принятыми ценностями общества и его личными, в чем заключается положение об аксиологичности человеческого сознания.

1.1.1. Базовые понятия аксиологии: *ценность* и *антиценность*

В процессе описания ценностей встает вопрос о соотношении и взаимосвязи их с человеком и его мышлением, с одной стороны, и объектами окружающего мира – с другой. В данном контексте можно говорить о различных направлениях исследования ценностей. Аксиологический объективизм проецирует ценности на объекты мира, которые их порождают, и уменьшает роль человека в их обнаружении. Идеалисты, от Платона до М. Шелера, рассматривают ценности как автономную норму суждения [Анисимов 2001].

Субъективисты подчеркивают важность субъекта, создателя и носителя ценностей, который – в акте суждения – свидетельствует о его эмоциях, взглядах, отношении к объектам. Наряду с индивидуальным субъективизмом, следует различать социальный субъективизм (представленный Э.Дюркгеймом) и теологический субъективизм, вдохновленный Платоном. Субъективизм Э.Дюркгейма понимает общество как социальную реальность. Субъективизм Платона имеет как личностный, так и безличностный характер понимания мира [Жуков 2010: 130].

Кроме того, следует упомянуть об аксиологии отношений, которая берет свое начало в Справедливой среде Аристотеля, практикуемой Св. Фомой

(также И. Кантом, Г.В. Гегелем, М. Хайдеггером). Данный аксиологический подход понимает этические определения: мудрость, рассудительность, здравый смысл как вышедшие из природы разума и разделяет их на низшие и высшие ценности. Большое внимание Аристотель уделял определению справедливости, считая ее серединой между причинением боли и обид другим людям и терпению к полученным обидам от других людей [Остапчук 2017: 51].

Ценности в мышлении человека являются объективизацией нравственной составляющей, способом «удовлетворения потребностей и характер мотиваций к деятельности относятся, безусловно, к числу определяющих факторов «ценностной ориентации» человека» [Серебренникова 2011: 8]. Таким образом, ценности являются теми установками, с помощью которых человек осознает необходимость чего-либо в жизни. Аксиология выработала представление о ценности как особой категории, а также поставила вопросы о структуре ценностных отношений, их связи со сферами объективного и субъективного, способах воплощения идеальных ценностей в реальности [Филатов 2020: 15].

Ценностный фундамент основывается на мировоззренческих идеях того или иного социума. Человек живет в аксиосфере с момента своего рождения до самой смерти. Субъект постоянно находится в отношениях и постоянно делает выбор, который зависит от его принадлежности к определенному этносу, его ценностей и традиций. Отличие одного этноса от другого состоит не только в существовании или отсутствии той или иной ценности, а в их интерпретации. Именно в этом проявляется взаимодействие языка, мышления и культуры [Палий 2004: 85].

Кроме того, в результате ряда исторических и социальных причин восприятие ценностей может меняться. К таким причинам можно отнести общественный кризис, революции, войны, экономический кризис, миграционные процессы и др., которые получают непосредственное отражение в языке. В условиях подобных изменений восприятия ценностей

важно «научиться определять ценности не только с культурологической точки зрения, но и изучать их с лингвоаксиологической, так как язык – динамично развивающаяся вместе с культурой система, ярче и точнее всего может предоставить нам исторические и современные данные о культуре человеческого общества» [Беккер, Панова 2015: 168].

Термин *ценность* имеет ряд значений и может варьироваться в зависимости от цели исследования. Ценность принято соотносить с чем-то положительным, это «все, что является объектом желания, нужды, стремления, интереса и т.д.» [Дробницкий 1966: 25]. Также ценности понимаются как «объективные качественные феномены, предписывающие человеку нормы долженствования и оценок и образующие царство трансцендентальных надэмпирических сущностей, находящихся вне пространственно-временной реальности» [Шелер 1994: 381]. Ценности обусловлены практическим и эмоциональным опытом людей и оказывают влияние на их установки. Ценности могут меняться в зависимости от места, времени, ситуации.

Важно подчеркнуть, что ценности «могут менять свой характер в зависимости от времени, места и условий, а также под влиянием других культур» [Новикова 2019: 2]. Необходимо отметить такую характеристику ценностей, как амбивалентность: «аксиологический вектор может изменяться в процессе становления и функционирования той или иной ценности» [Байрамова 2011: 7].

Проблема ценностей появляется всегда при анализе любого вида общественного поведения, поскольку в них «проявляются особенности той или иной культуры. С их помощью семиотизируется все пространство общественной жизни, выявляются ее цели, приоритеты и образцы, обладающие особой значимостью и смыслом» [Омеличкина 2013: 95].

Ценности могут развиваться и складываться в систему. Ценности выступают компонентом культуры отдельного общества, народа, этноса, с помощью которого можно узнать отношение его представителей к

окружающему миру. Система ценностей влияет на бытовую и профессиональную деятельность человека. Принимая во внимание тот факт, что «развитие и становление таких непреложных для общества истин проходит несколько этапов, беря свое начало в фольклорных текстах...» [Мартынова 2010: 113]. Можно сказать, что мир ценностей формируется в совокупной деятельности конкретных людей в конкретной социальной среде в конкретный исторический период [Бабаянц 2013: 35].

Ценности представляют собой важный компонент языковой картины мира, а социокультурные установки выстраиваются в стереотипы и образы. Каждый этнос имеет свой набор ценностей, которые могут дублироваться в других культурах, но принимать различные формы. Именно наличие подобных различий отражает уникальность ценностного восприятия у различных этносов и народов.

Восприятие ценностей осуществляется не посредством уже имеющихся теоретических знаний, а с помощью эмотивного оценивания. Философ Г. Лотце отмечал, что ценности определяются людьми только с помощью испытываемого «чувства удовольствия и неудовольствия» [Лотце 2006: 101]. Существование ценностей – это «выражение отношения человека к миру, возникающего из значимости для человека различных его сторон и аспектов» [Нагоева 2011: 286].

Рассмотрим различные определения термина *ценность*. В.И. Карасик понимает ценность как «наиболее фундаментальную характеристику культуры, высший ориентир поведения» [Карасик 2019: 22]. Ценность – это «нечто всепроникающее, определяющее смысл и всего мира в целом, и каждой личности, и каждого поступка» [Лосский 1994: 250].

Кратко определяя понятие ценность, можно привести следующее утверждение: ценность – это результат накопленного человеком опыта. Ценность может эволюционировать так же, как истина, нормы, нравы. Ценность также можно соотнести с характеристиками «сущего» и «должного»: «ценность – отношение между представлением субъекта о том,

каким должен быть оцениваемый объект, и самим объектом. Если объект соответствует предъявляемым к нему требованиям (является таким, каким он должен быть), он считается хорошим, или позитивно ценным; объект, не удовлетворяющий требованиям, относится к плохим, или негативно ценным; объект, не представляющийся ни хорошим, ни плохим, считается безразличным, или ценностно нейтральным» [Ивин 2004].

Ценность стремится быть «синонимом смысла или значения» [Choi 2002: 50], однако само по себе свободное от ценностей бытие вместе с тем лишено смысла и значения [Елишев 2011: 84]. Многое в языке, в этом сложном и многомерном явлении, все части которого взаимодействуют друг с другом, предопределено механизмами социального и внутреннего состояния человека, его отношением к миру. Именно на языковом уровне человек имеет возможность наиболее ярко и образно выразить свое отношение к окружающей действительности во всем ее многообразии, выразить ее оценку. Система языка помогает нам прийти к осознанию ценности, а не смысла, значения, значение ценности происходит из языковой системы, а не наоборот [Choi 2002: 51].

Ценности могут быть рассмотрены как вырабатываемые обществом ограничения, накладываемые на активность членов социума. Любые совместные действия людей, осуществляемые в рамках социальных отношений, соотносятся с категорией должного и, следовательно, получают оценку. Этические правила общежития, с одной стороны, детерминированы качествами человека, присущими ему как человеку разумному, а, с другой, – религиозными регулятивами, всегда имеющими этноспецифическое содержание. Такие ценности могут быть определены как общечеловеческие, о них можно говорить как о «некоторой таксономии правил человеческого общежития, валидной при описании специфики этнического содержания общечеловеческих ценностей. Номенклатура общечеловеческих ценностей в определенной мере является общей для всего человечества, но различающейся

содержанием в каждой за счет этноспецифического компонента» [Тарасов 2012: 12].

Анализ вербального отношения образов сознания, отображающих по-разному феномены культуры и социума, дает возможность понять специфику использования языковых средств в культуре и социуме. «Вся активность человека, и деятельность, и общение, описывается мировоззренческими универсалиями: деятельностное освоение природы (т.е. культура) описывается категориями время, движение, пространство, свойства, отношение и т.д., а социум (т.е. общение) постигается людьми при помощи категорий ценностей» [Там же: 10].

Выделяя ряд различий между философской категорией ценности и соответствующей лингвистической категорией, необходимо отметить, что философия рассматривает преимущественно положительные ценности, тогда как в лингвистике внимание исследователей постоянно обращено как к ценностям, так и к антиценностям. Для лингвиста негативные ценности нередко оказываются даже более притягательными, чем ценности положительные [Слышкин 2004: 78]. Это связано с тем, что через негативные ценности возможно проследить отношение общества к большому числу понятий, а также к самой антиценности, так как людям свойственно больше давать негативные оценки.

Анализируя ценности, необходимо выявить ряд задач, которые могут варьироваться в зависимости от исследования. «Одной из ведущих задач при анализе ценностей является выявление градации проявления ценностной семантики при различных вариантах когнитивной интеграции, что и способствует в конечном итоге преодолению определённой механистичности в разделении когнитивных доминант на «ценности» и «антиценности»» [Семененко 2016: 13]. Когнитивной интерпретацией в данном случае называется коллективное понимание и осмысление взаимосвязи различных элементов культуры.

Важным фактом является то, что ценности существуют на разных уровнях: «человека, общества, этноса и всего человечества» [Казаченко 2021:4]. Ценности образуют определенную шкалу. Сделав вывод о том, что существует как индивидуальная шкала ценностей, так и коллективная, можно констатировать, что индивидуальная шкала ценностей выявляет персональный набор определенных норм и установок, которые определяют его выбор и поведение. Коллективная шкала ценностей – это те установки, которые приняты в обществе. Часто существующим нормам противопоставляются антинормы, которые помогают не совершать необдуманных поступков. Подобно нормам и их оппозициям, существуют также и оппозиции внутри системы ценностей. Большинству существующих ценностей соответствуют их противоположные стороны, которые называются антиценности. Однако в зависимости от контекста, ценность может поменять некоторые характеристики и выступить в качестве антиценности, и наоборот. Данное утверждение доказывает амбивалентный характер ценности и антиценности. Несмотря на то, что в реальной действительности некоторые ценности могут быть представлены как антиценности и наоборот, в мышлении людей остается первичное понимание определенных понятий, которое влияет на представление о мире.

Ценности и антиценности представляют собой две противоположности, даже две крайности, «но именно ценности представляют собой своего рода опорные ориентационные пункты» [Выжлецов 2013: 80]. «Аксиологическая значимость объекта определяется оценкой и, соответственно, может быть положительной, отрицательной или нейтральной» [Гранин 1987: 66]. Эвалюативное значение оцениваемого объекта определяет его положительную или отрицательную характеристики. Кроме *ценности* и *антиценности*, в аксиологии фигурируют такие термины, как *псевдоценность* (или *квазиценность*). Псевдоценности также называются ложными ценностями или квазиценностями. Префикс *псевдо* восходит к греческому слову *pseudês*, что означает «неправдивый, лживый».

Учитывая вышесказанное, заключим, что антиценности – это те негативные установки, которые противостоят тому, что устанавливается этическими и моральными ценностями, которые регулируют и направляют поведение людей в обществе. В таком ключе антиценности приставляют собой ряд отрицательных, а иногда и опасных установок, которые обычно не получают поддержки со стороны общества. Антиценности угрожают ценностям, на которых основана жизнь в обществе, таким как уважение, честность, ответственность, солидарность [Ильина 2022: 48].

Иными словами, негативную ценность в аксиологии принято называть антиценностью. «Существование, которое приближает нас к абсолютной полноте жизни, есть положительная ценность, а то, что отвлекает от нее, – отрицательная ценность» [Лосский 2001: 298]. Большая часть антиценностей имеет тесную связь с социальными отношениями. Следовательно, антиценности препятствуют гармонии и взаимному уважению, необходимым в условиях социальной жизни. Антиценности «представляют собой опасность и вред обществу, несут угрозу деградации и даже уничтожения человечества» [Кадачиева, Абдулкадырова 2018: 59]. В частности, такие антиценности, как война, терроризм, убийство несут настоящую угрозу для общества, имея безграничный ареал распространения, безграничное количество возможных жертв и агрессоров.

Квази- или псевдоценности занимают промежуточную позицию между ценностями и антиценностями [Ефимов, Таланов 2010]. В качестве примеров квазиценностей можно привести ошибки, заблуждения, ненадежную информацию, нумерологию, оккультизм, недостоверные факты, непроверенную информацию и др., а антиценностей – жадность, враждебность, агрессивность, осквернение и разрушение среды обитания и др. [Маслова 2007: 257]. Границы между ценностями и антиценностями очень широки и многочисленны, но несмотря на это «ценности и антиценности входят в содержание лингвокультурных концептов как относительно устойчивое знание о смысле, которым для носителей лингвокультуры

обладают замещаемые концептами объекты реального и идеального мира» [Ничипорчик 2016: 23].

Ценности эксплицируются через оценку и «если ценность ориентирована на эталон, то оценка является результатом сравнения с эталоном» [Гибатова 2011: 130–131]. Данный факт подтверждается многими лингвистами: «доминирующим вербально эксплицируемым маркером ценности служит оценка, она показывает, каких стандартов и норм придерживается индивид, на какие образцы он ориентируется, какие ценности разделяет» [Водяницкая 2022: 52].

В результате анализа основных аксиологических терминов можно сделать вывод о том, что центральными являются следующие понятия: *ценность, антиценность, оценка, оценочность*. Ценности эксплицируются через оценку. Мир ценностей формируется в совокупной деятельности конкретных людей в конкретной социальной среде в конкретный исторический период. Ценности и соответствующие им ценностные ориентации могут быть осознаны или нет, но в любом случае они представляют собой достояние общности и в силу своей психической природы достояние личности, воплощающей в себе эту общность, персонифицирующей ее и реализующей эту общность в своих действиях.

Таким образом, можно утверждать, что та или иная ценность всегда культурно обусловлена, а каждая культура, будучи исторически конкретной общественной формой, может характеризоваться специфическим набором (системой) и иерархией ценностей, выполняющих интегрирующую функцию по отношению к данной человеческой общности. Основываясь на различных принципах, исследователи по-разному выстраивают типологию ценностей.

1.1.2. Типология ценностей

В трудах, посвященных проблемам аксиологии, встречаются различные типологии ценностей, основанные на определенных критериях. «Причина повышенного научного интереса к ценностным ориентациям личностей, объединяемых по возрастному, гендерному, профессиональному,

этническому и другим признакам, кроется в необходимости определения подлинных человеческих ценностей, ориентация на которые может быть положена в основу нахождения оптимальных способов предотвращения разного рода социальных конфликтов, гармонизации межличностных и межэтнических отношений» [Ничипорчик 2016: 1].

Многообразие классификаций ценностей и существование различных принципов и фундаментов классификации ценностей подтверждают факт комплексности данного понятия и амбивалентности существующих ценностей. Ни одна классификация не может полностью отразить весь объем ценностей. Ценности не могут иметь одной определенной классификации, так как они являются объектом различных исследований, которые, в свою очередь, имеют разные цели и задачи.

Морально-духовными ценностями выступают общественные установки, устоявшиеся в обществе, например: помогать людям – это хорошо, но грубить людям – это плохо. Чаще всего люди оперируют пониманием того, что есть добро, а что есть зло, ведь «восприятие мира через бинарные оппозиции актуально и для современного человека, имеющего ту же структуру разума» [Маслова 2014: 153].

В.И. Карасик выделяет общечеловеческие и индивидуальные ценности, но также он разделяет их, основываясь на коллективном опыте, отмечая витальные ценности, например: «жить – хорошо, болеть – плохо»; утилитарные, полезные ценности для человека и окружающего его мира, например: «гулять на свежем воздухе – полезно, дразнить собак опасно». Следующая категория ценности в классификации В.И. Карасика – моральные ценности. Это те ценности, которые связаны с воспитанием и с нравственной составляющей отдельного индивида, которые позитивно или негативно влияют на атмосферу в той или иной социальной группе, например: «следует помогать слабым, нельзя жадничать». Следующая категория – духовные или основополагающие ценности, истины, знакомые всем, например: «нельзя предавать своих, жизнь имеет смысл» [Карасик 2015: 26].

Е.Ф. Серебрянникова выделяет пять областей существования ценностей:

- 1) область Истины (ценность выводится в терминах «истинно/ложно»);
- 2) область Прекрасного (ценность определяется в терминах «прекрасное/уродливое»);
- 3) область Этики (ценность выводится в терминах «хорошо/плохо»);
- 4) область Удовольствия (ценность определяется в терминах «приятное/отвратительное»);
- 5) область Практической пользы (ценность определяется в терминах «полезно/бесполезно/вредно» [Серебрянникова 2011: 29].

Обратимся к типологии первичных ценностей: природные и предметные ценности; собственно социальные ценности, которые возникли в процессе общения между людьми и в процессе человеческой жизнедеятельности. Такие ценности способны представить отношения между людьми, отношение людей к вещам. К вторичным ценностям относятся честность, ответственность, самосознание и т.п. [Сидоров 2009: 69-70].

Т.В. Ларина предлагает выделять коммуникативные ценности – «культурные ценности, которые оказывают решающее влияние на коммуникативное поведение представителей данной культуры, предопределяют его правила и нормы, формируют стиль коммуникации» [Ларина 2017: 68].

В.А. Ильина выделяет в отдельную группу «общечеловеческие (универсальные) ценности»: мир, порядочность, равенство, свобода, смысл, вера, доверие, внимательность (внимание к людям), надежда, Родина, семья, здоровье, достаток, убеждение, природа, уважение, творчество, труд, профессионализм, образование, развитие, успех [Ильина 2022: 47].

Каждая типология ценностей направлена на определенную область знаний. Это доказывает тот факт, что ни одна из существующих типологий не может быть исчерпывающей: «с формальной точки зрения ценности подразделяются на позитивные и негативные, относительные и абсолютные, субъективные и объективные. По содержанию различаются вещные,

этические, эстетические и логические ценности, соотносимые содержательно с терминопонятиями добра, прекрасного, истины» [Серебренникова 2011: 29].

Ценностные ориентации человека могут определяться системой ценностей и норм как стандартом для определения аксиологической значимости явления, то есть его положения на аксиологической шкале. При таком подходе выделяются ценности положительные, отрицательные и нулевые [Мельничук 2017: 16–17].

Таким образом, стоит отметить многообразие классификаций ценностей в зависимости от критериев, лежащих в основе, а также непостоянный характер ценностей, которые могут меняться с течением времени, в зависимости от различных экстралингвистических факторов, в результате чего создаются в том числе противоположные ценностные понятия, которые называются бинарными оппозициями.

1.1.3. Бинарная оппозиция и диада как тип аксиологических понятий

Как уже было отмечено выше, аксиологическое постижение мира осуществляется при помощи бинарных оппозиций, оказывающих влияние на мировоззрение и поведение как отдельного человека, так и небольших социальных групп, так и всего общества в целом. «Актуальной задачей современной лингвистики является ценностное измерение культур, определение специфики ценностей и норм, которая выявляется на базе оппозиций: реализация через признаки хорошо – плохо или правильно – неправильно» [Георгиева 1998: 126].

Термин «бинарные оппозиции» был введен Н.С. Трубецким и понимается как «универсальное средство рационального описания мира, где одновременно рассматриваются два противоположных понятия, одно из которых утверждает какое-либо качество, а другое – отрицает» [Трубецкой 2000: 72].

Бинарные оппозиции применимы к любому виду исследования. «Роль бинарных оппозиций, осознанная в XX веке, не знает границ: они

употребляются в диапазоне от стихотворной рифмы до биологических ритмов дня и ночи, а также культурных ритмов: идеальная культура – материальная культура» [Маслова 2014: 152].

Бинарные оппозиции (от лат. *binarius* – двойной) – это пара связанных терминов или понятий, смысл которых противоположен. Бинарная оппозиция – это система языка или мышления, в которой две теоретические противоположности строго определены и противопоставлены друг другу [Гудкова 2012: 70]. Существующий контраст между двумя взаимоисключающими терминами является фундаментальным для любого социума.

Понимание окружающего мира через призму бинарных оппозиций находит свое отражение в идеях структурализма. К. Леви-Стросс пытался познать мир как целое, опираясь на общественное понимание мира через частное. Представляя реальность и характерную картину мира, общество обращается к существующим бинарным оппозициям. Структуралисты приходят к выводу, что главной функцией общества является «обеспечение познаваемости мира через преодоление его противоречий» [Маслова 2014: 153].

Окружающая человека действительность во многом определяет важность присущих тому или иному противоположному понятию признаков. В данном контексте важно различать понятия бинарной оппозиции и диады. Диада (греч. два) – это группа, состоящая из двух взаимодействующих членов. Использование лексемы *диада* как лингвистического термина вполне оправдано: для обозначения пары языковых единиц близких по значению, обладающих семантикой оппозиционности (бинарности) [Баркович 2015: 38].

Если речь идет об аксиологической диаде, то интерпретация действительности отличается в зависимости от характера аксиологических понятий, находящихся внутри диады. Чаще именно экстралингвистические ситуации обуславливают амбивалентный характер двух элементов одной диады. Человек сам для себя определяет ту или иную диаду и опирается на нее

в самых разных сферах его деятельности. Однако существуют более обширные оппозиции, оцениваемые не только отдельным индивидом, но и обществом в целом.

Аксиологические диады – это всеохватывающее средство познания мира, отражение мнений и осмыслений человеком окружающей действительности. Весь спектр ценностей объединяет именно человек, а точнее – его сознание, в котором они хранятся.

Разные виды ценностей часто образуют ценностные дихотомии. Однако «применительно к дихотомиям Соссюра, получившим развитие в Женевской школе, целесообразно использовать термин «диада», поскольку дихотомия предполагает противопоставление, оппозицию, а диада – диалектическое соотношение, взаимообусловленность, а не разделение двух сторон одного объекта» [Кузнецов 2008: 82]. Л. К. Байрамова приводит 10 важнейших аксиологических диад: *жизнь – смерть, здоровье – болезнь, счастье – несчастье, родина – чужбина, труд – отдых, богатство – бедность, ум – глупость, правда – ложь, смех – плач, рай – ад* [Байрамова 2008: 299], [Байрамова, Иванова 2014: 10]. Характерным признаком систематизации подобных диад является их левую часть считать всегда положительно маркированной, а правую – отрицательно [Сысоев 2010: 270]. Также среди универсальных оппозиций приводят: *добро – зло, радость – горе, реальность – иллюзия* [Маслова 2014: 153]. Аксиологическая диада «жизнь – смерть» занимает важное место в языковых картинах мира различных народов, на основе которой может быть выделена аксиологическая диада «война – мир».

Рассмотренные выше термины и понятия связаны не только непосредственно с аксиологией, но и с лингвоаксиологией, изучающей ценностные ориентации и смыслы с точки зрения их языкового выражения.

1.2. Лингвоаксиология как направление современного языкознания

Язык напрямую отражает систему ценностей, он первый реагирует на настроения в обществе. Язык выступает средством формирования и

выражения ценностей, что прослеживается в антропоцентрической парадигме в языкознании, нацеленной на изучение человека и в целом человеческого фактора в языке. В соответствии с данным подходом, выстраивается и взаимодействие лингвистики с аксиологией – наукой о ценностных отношениях человека к действительности, о его способности постигать ценностную структуру мира и воплощать ценности в разных видах человеческой деятельности [Мирошников 2007: 5].

Первые работы в русле лингвистической аксиологии относят к 40-м годам XX века Н.А. Бердяев, Б. Рассел, В.А. Сорокин, М. Шелер. С конца XX века по настоящее время многие лингвисты занимаются аксиологическими проблемами: Н.Д. Арутюнова, М.А. Бредис, Л.Г. Викулова, Е.М. Вольф, Е.Е. Иванов,

А.А. Ивин., М.С. Каган, В.И. Карасик, Л.В. Коцюбинская, О.А. Кузина, О.В. Ломакина, Е.И. Манухина, Н.Ю. Нелюбова, Т.В. Маркелова, М.В. Петрушина, Е.Ф. Серебренникова, Л.Н. Столович, С. Г. Тер Минасова, О.В. Томберг и др.

Можно выделить два вектора аксиологических исследований. Первый – духовный, относящийся к философским и психологическим вопросам. Будучи отраслью философии, «получив общеполитический статус, аксиология испытала в свой классический период, особенно в первой трети XX в., настоящий бум, активно заработав практически во всех областях социогуманитарного знания» [Выжлецов 2010: 36], одной из которых стала лингвистика. Соответственно, второй вектор – лингвоаксиологический, занимающийся вопросами репрезентации ценностей через призму языка. Лингвоаксиология возникла в междисциплинарном пространстве, это «новое направление науки, предмет которого образуют способы представления ценностей и оценок в языке и речи» [Милованова 2022: 91].

Целью лингвоаксиологического исследования является выделение ценностных констант и переменных различных народов, национального сознания, устоявшихся норм и изучение их воплощения в языке. Язык

является медиатором между человеком и культурой, ведь все существующие нормы и ценностные смыслы осуществляются в языке, а также транслируются с его помощью. «Процесс понимания, усвоения, наследования и передачи ценностных смыслов в истории человеческой культуры осуществляется в языке, посредством языка выражается ценностное отношение человека к миру» [Беккер, Панова 2015: 168].

Важным вопросом лингвоаксиологии, как и в целом аксиологии, является становление и выявление типологии ценностей. «Лингвоаксиология (теория оценки, аксиологическая лингвистика) представляется одним из актуальных направлений современного языкознания в силу того, что человеческое познание, будучи когнитивным процессом, реализуется через присвоение познаваемым феноменам не только объективных смыслов, но и ценностных значений» [Райскина 2020: 53].

1.2.1. Оценка и оценочность как базовые термины лингвоаксиологии

Непосредственно в аксиологии и в лингвоаксиологической науке, в частности, одним из основных терминов является *оценка*. В отличие от ценности, которая «ориентирована на эталон, оценка является результатом сравнения с эталоном» [Гибатова 2011: 131]. Именно с помощью оценивания того или иного поступка, момента, через высказывания люди выстраивают образ, который в свою очередь также оценивается. Как правило, существует две разновидности оценки: положительная и отрицательная [Фомина 2007: 154]

Термины *оценка* и *оценочность* часто выступают синонимами. Понятие *оценка* восходит к слову *ценность*. Оценка служит для того, чтобы выявить отрицательные и положительные характеристики и свойства предмета и определить ценность этого предмета для человека, следовательно, оценка носит субъективный характер: «важнейшей особенностью оценки является то, что в ней всегда присутствует субъективный фактор, взаимодействующий с объективным» [Вольф 1985: 57]. Оценка рассматривается как категория

мышления, фиксируемая в системе ценностей, кодексах и этических предписаниях [Райскина 2020]. Оценка свойственна языку в целом так же, как сам мыслительный акт оценки свойствен процессу познания [Чернявская 2001]. Связь оценки с языковым и внеязыковым поведением человека устанавливается сразу, что прослеживается в вербальном и невербальном поведении говорящего. Оценивая что-то, люди наделяют отрицательными или положительными качествами объект, тем самым повышая или понижая его значимость.

Оценка чаще всего рассматривается в пределах одного этноса и определяется как «отношение носителей языка к объекту, обусловленное признанием или непризнанием его ценности с точки зрения соответствия или несоответствия его качеств определенным ценностным критериям» [Якушина 2003: 6].

Оценка бывает эмотивной и рациональной. Первичная оценка чаще всего является эмоциональной и «предполагает непосредственную реакцию на объект, характеризуется экспрессивностью и обычно выражается междометием или аффективным словом» [Маркелова 1996]. «Эмотивная оценка является более сложным ментальным действием, направленным на отражение, познание и характеристику действительности» [Фомина 2007: 160]. Оценка рациональная является примером логического мышления адресанта и связана с объективными социальными условиями, такими как социальная этика, законы, правила [Ии 2022: 39].

Более общую типологию оценки приводит Т.В. Маркелова, разделяя оценку на внешнюю и внутреннюю: внешняя оценка опирается на принятые в том или ином обществе установки насчет оцениваемого предмета, а внутренняя базируется на самоощущении субъекта. «Любое мыслительное содержание в процессе внутренней речи «перекодируется» во внешнее – в нашем случае оценочное суждение в оценочном высказывании использует как основное, базовое средство среди палитры других оппозиций слов “хороший” – “плохой” [Маркелова 1993: 7].

Как правило, выделяют два типа оценок: общая оценка и частная оценка [Фомина 2007: 155]. Оценка носит субъективный характер, что подтверждается наличием оценочных высказываний, опирающихся на представления субъекта о различных ценностях. В данном контексте можно говорить о частной оценке, так как субъект опирается лишь на свои представления об определенном предмете.

Опираясь на суждения о том, что аксиологические значения представлены двумя типами: общеоценочным (хороший/плохой) и более частными (оценочные значения одной из характеристик объекта), Н.Д. Арутюнова выделяет следующие типы частной оценки [Арутюнова 1988: 192]:

1. Гедонистическая оценка, которая выражается наречиями *хорошо / плохо*. Данные наречия также входят в одну парадигму с такими наречиями как «весело, грустно, радостно, сладко, страшно, скучно, противно, приятно, неприятно, легко, тяжело, стыдно, смешно, обидно, досадно, но не с такими наречиями как грешно, благородно, неприятно, подло». Гедоническая оценка содержит в себе принцип субъективной истины, она не опирается на понятие нормы, а положительные качества предмета четко противопоставлены отрицательным.
2. Оценка фактов. Данный тип оценки призван отображать точку зрения. Оценка фактов всегда мотивирована каким-либо указанием на отрицательную характеристику оцениваемого предмета, такая оценка всегда может быть обоснована. Например: *хорошо, что я плохо себя чувствовал и не стал есть, потому что еда оказалась отравленной*. Такая оценка «базируется на сравнении альтернатив, образуемых совершенностью или несовершенностью некоторого действия или события» [Арутюнова 1988: 203].
3. Оценка, направленная на анализ собственных действий, определяет поведение человека, его выбор в различных ситуациях. «Она задним числом констатирует возможность иного выбора, то есть указывает на

поведенческие колебания: *как хорошо, что я вовремя вернулся домой. Только вошел, как начался ливень*» [Там же].

4. Сенсорная оценка, которая выражается с помощью оценочных наречий, четко ассоциирующихся с оцениваемыми предметами. Оценка процессов созидания соответствует оценке их продукта. Из высказывания, что «Тургенев хорошо писал», вытекает, что он писал хорошие произведения. Такая оценка связана всегда с ощущениями и чувствами человека по отношению к какому-либо предмету.

Представленная классификация полностью основывается на восприятии человека, на его ощущениях, а «в основе интерпретации оценки всегда лежат принятые данным социумом нормы» [Арутюнова 1988: 6].

Исходя из критериев аксиологической интерпретации, Ю.А. Фомина выделяет положительную (мелиоративную) оценку и отрицательную (пейоративную) [Фомина 2007: 154]. Данная классификация носит довольно генерализированный характер, ведь в данном случае важно именно отношение субъекта в оцениваемому предмету.

Второй критерий, на который опирается Ю.А. Фомина при классификации оценки, – наличие эмотивного компонента. Оценивая фрагменты действительности, человек пропускает их через свое сознание, разум, следовательно, оценка рациональна, содержательна. Выражение личного «я» в оценке делает ее субъективной, но не эмоциональной. «Эмоциональное» связано с проявлением чувств, однако человек не может выражать эмоций, не оценивая то, по отношению к чему они выражаются. А это значит, что «эмоциональное» является в то же время «оценочным» (т. е. в «эмоциональном» чувственное сочетается с рациональным). Отсюда общепринятое деление оценок на рациональные и эмоциональные [Фомина 2007: 157].

Еще раз подчеркнем, что оценочность в лингвистике связана с уже существующими в том или ином обществе представлениями о ценности. Благодаря оценочности можно проследить картину мира как отдельного

индивида, так и всего коллектива в целом, поскольку именно «оценочность определяет жизненный спектр человека от наполненной верой в свои силы креативности до инерционности или пассивности в условиях изменяемого им мира, в способах существования человека» [Серебренникова 2011: 9].

Большое количество различных типологий оценки можно объяснить нечеткостью лингвистического структурирования оценочного смысла. Т.В. Маркелова отмечает его языковую и речевую «вездесущность», реализуемую на разных языковых уровнях единицами, объединенными общей семантической ценностной доминантой хорошо / нормально / плохо [Маркелова 1995: 69].

Познавая окружающий мир, «мы оцениваем факты и явления, что находит отражение в языке» [Кабилова 2011: 87], т. е. человек выражает свое отношение к объекту с помощью определенных оценочных языковых средств. В каждом языке существует свой фонд оценочных языковых средств, которые реализуются на всех языковых уровнях: фонетическом, морфемном, лексическом, синтаксическом, «наущной проблемой является систематизация оценочных средств выражения, причем реальные проблемы воплощения этой цели требуют анализа взаимодействия всех трех аспектов функционирования языковых средств в системе семантического, грамматического и прагматического» [Маркелова 2013: 135]. В данном контексте оценочность рассматривается как «потенциал слова или словосочетания, их способность эксплицировать положительные и отрицательные свойства объекта, его фиксацию на оценочной шкале, его место в аксиологическом поле» [Марьянчик 2005: 7].

К изречениям оценочного характера можно отнести различные правила, образцы, модели, идеалы, побуждающие утверждения, пословицы, определения, пожелания, обещания, просьбы, и т. д. [Ивин 2006: 15]. Некоторые понятия имеют эксплицитную оценочную окраску, а некоторые – имплицитную. Даже само понятие ценность восходит к латинскому слову *valere*, которое означало оценку физического состояния человека.

Ограниченные, узкие по своей сути оценки не так часты, как может казаться на первый взгляд. Гораздо чаще встречаются оценки, носящие двойственный характер, «чистые оценки довольно редки, большинство языковых выражений носит двойственный, или «смешанный», описательно оценочный характер» [Ивин 2012: 204]. Кроме того, очень важен ситуативный контекст, ведь оценочные суждения могут либо оценивать, либо описывать, но грань между простым описанием и наличием оценки уловить очень сложно. Описание какого-либо предмета, объекта включает перечисление его признаков, но часто даже при описании возникает имплицитная оценка описываемого.

Каждая из рассмотренных выше типологий построена на выделении одного классификационного признака и, следовательно, позволяет рассматривать оценку в выбранном аспекте. Однако часто для анализа языковых явлений (например, оценочного высказывания) недостаточно какой-то одной отдельно взятой классификации оценок. Оценка может находиться под влиянием различных культурных, социальных, моральных факторов, поэтому для анализа необходимо учитывать все существующие факторы.

Оценочные понятия, как и сама категория оценки, являются социально обусловленными, так как эти понятия исторически сформировались в обществе. Поскольку в оценке отражаются представления социума о ценностях, то нужно признать их наличие ментальной сущностью. Но в то же время оценка является и субъективной, индивидуальной, потому что она дается с позиции самого говорящего.

Оценочные суждения именуется также аксиологическими категориями. Данными понятиями называются те, которые используются для характеристики абсолютной или переменной ценности рассматриваемого объекта. Существует два абсолютных оценочных аксиологических понятия – *хорошо* / *плохо*. Оценки *лучше*, *хуже*, *одинаково* носят переменный, относительный аксиологический статус [Старикова, Колесник 1988: 58].

Оценочные суждения имеют свою систему выражения и «отражают следующие семантико-прагматические и структурно-синтаксические

параметры своего функционального устройства: оценочную ситуацию, структурно-семантические типы высказывания, положение языковых средств, сферу говорящего, сферу адресата, ядерно-периферийную организацию» [Маркелова 2019: 11].

Ценности могут быть определены как глубокая вера, которая движет людьми и которой они оправдывают свои действия [Bréchon 2019:11]. На сегодняшний день многие исследователи понимают ценности как специфические реалии, анализируя при этом их связь с объективными характеристиками индивидов и с социальной стратификацией в целом [Там же: 11].

Одним из проблемных вопросов в теории оценок является существование двойственных высказываний, которые носят название описательно-оценочных. Сложно уловить, как описание и оценивание могут взаимодействовать. В процессе культурного развития объем знаний постоянно растет, однако далеко не все накопленные обществом знания правдивы. В каждом историческом периоде есть такие знания, которые в прошлом считались несомненными истинами, но затем были признаны ложными. Есть также такие знания, которые в одних видах культуры признаны истинными, а в других – ошибочными. «Человеку свойственно соотносить любое высказывание с некоторой структурой знания, нормой, которая обеспечивает контекстные ожидания реципиента» [Андрюхина 2010: 57], именно поэтому характер оценки амбивалентен.

В лингвистике оценка трансформируется из логико-философской категории в семантическую. Она рассматривается в структуре значения языковой единицы и понимается как «суждение говорящего, его отношение – одобрение или осуждение, желание, поощрение и т. п. – как одна из основных частей стилистической коннотации» [Ахманова 1969: 305]. В лексикологии оценка понимается как дополнительное субъективно-модальное значение, которое присоединяется к объективному значению слова. Однако в то же

время существуют языковые единицы, в которых оценка эквивалентна значению: например, хорошо, плохо, отлично [Матвеева 2010: 288].

В аксиологии оценка связана с понятиями *добро/зло*, которые часто оцениваются при помощи бинарной оппозиции *хорошо – плохо*. «Оценка как семантическое понятие может интерпретироваться как А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хорош/плох» [Вольф 2002: 5], допуская, в то же время, возможность оценки по другим критериям (например, истинность/ложность), однако их все можно свести к главному – хорошо/плохо. Оценка в данном случае рассматривается как один из видов модальности, «эмоция задает определенный угол зрения субъекта, провоцирует положительную или отрицательную модальность» [Романова 2008: 22]. «Трактовка модальности в современной лингвистике необычайно широка, к тому же трудно найти двух авторов, которые бы понимали модальность одинаково» [Бондаренко 1990: 67]. Аксиологическая модальность определяется направленностью оценки на принятые нормы и установки. Сутью модальности можно признать оценочные отношения [Попова 1996: 39–40].

В аксиологическом аспекте различают тесную взаимосвязь оценки с человеком, поскольку «оценка выражает личные взгляды и вкусы говорящего, а они отличаются у разных людей. Во внутреннем мире человека оценка соответствует взглядам и ощущениям, желаниям и потребностям, долгу и целенаправленной воле» [Арутюнова 1982: 6]. Оценка всегда включает в себя еще и сравнение, поскольку призвана отделить норму от аномалии на основе сопоставления объекта действительности с идеализированной картиной мира [Там же: 8]. Человек познает и осознает окружающую его действительность посредством оценивания и сравнения.

При рассмотрении оценки также важно понятие коннотации. С конца XIX века коннотация была обозначением всех эмотивно окрашенных единиц, соотносимых с коммуникативным аспектом речи. Коннотация фиксирует сказанное в речи, при этом коннотативный компонент «выражает отношение

говорящего к предмету в форме эмоции и оценки» [Стернин 1985: 45]. Коннотативные элементы делят на два типа: внутриязыковые и внешнеязыковые [Сторожева 2007: 115]. Во внутриязыковые компоненты входит мотивационный компонент, который наполняет значение языковой единицы ассоциативно-образным представлением. Внешнеязыковые компоненты связаны с экстралингвистическими факторами, которые позволяют учесть все условия, в которых происходит речевая коммуникация. Оценка понимается как «знание о ценности обозначаемого», «оценка, не прошедшая через фильтр сознания, не может быть непосредственно выражена в системе языка» [Колшанский 2005: 143].

Классификация Т.В. Маркеловой предполагает три вида оценочных знаков: знаки-функции, знаки-коннотации и знаки-прагмемы [Маркелова 2019: 18]. При знаках-функциях базовыми оценочными семами являются *хороший / плохой*; Знаки-коннотации эксплицируют оценку посредством метафорических переносных значений, например: холодный (перен. равнодушный); «у знаков-прагмем в лексических значениях содержится свёрнутое оценочное суждение (субъект – объект – оценочный предикат – основание оценки)» [Там же: 22].

Оценку также рассматривают сквозь призму коммуникативной лингвистики, отмечая, что семантика (собственно значение языковых единиц) и прагматика (условия реализации процесса коммуникации, оценка языковой компетенции слушателя, отношение говорящего к сказанному, влияние адресанта на адресата и т. п.) в оценке нераздельны. Высказывание является главным объектом исследований коммуникативной лингвистики, так как «оценка приобретает максимально полную актуализацию по меньшей мере на уровне высказывания». Оценочная способность является имплицитным признаком языка, поскольку языковые единицы содержат потенциал не только называть предмет, но и характеризовать его [Приходько 2013: 5–6]. Необходимо отметить, что «передаваемый смысл суперлативных лексем далеко не всегда соответствует лексическому значению и их не следует

понимать буквально, поскольку эмоциональное состояние говорящего, как и высокая оценка действий, качеств адресата может и не отражать подлинных чувств и отношений и иметь иную прагматическую направленность» [Ларина 2015: 151].

В процессе оценивания тех или иных объектов, явлений, ситуаций люди опираются на определенную ценностную основу. «Ценности, сформировавшиеся на базе предметно-практической деятельности, выступают не только критерием (основой) оценки, но и регулятором поведения людей» [Овчарова 2004: 486]. Оценка находит отражение в отношении объекта с ценностью. Оценка, реализуемая в отдельных ценностях, может носить как положительный, так и отрицательный характер, тем самым демонстрируя амбивалентный характер.

Таким образом, оценка носит антропологический характер и ориентирована на существующую в том или ином социуме систему ценностей, оценка напрямую связана с миром оценивающего человека, что делает изучение оценки вопросом многоаспектным и многогранным, обуславливая многообразие средств ее выражения в языке.

1.2.2. Лингвоаксиологические маркеры

В первую очередь необходимо отметить, что «четко выраженная антропоцентрическая направленность современной лингвистики предопределяет аксиологический подход к языку, что предполагает особое внимание к комплексной и многообразной системе оценочных средств и актуальных способов их лингвистической репрезентации на уровне речи» [Старостина 2020: 77].

Термин *маркёр* широко используется в различных науках: психологии, биологии, физике, лингвистике. «Языковой маркер (или диагностический лингвистический маркер) – это общий термин для устанавливаемого экспертом в процессе исследования спорного текста некоторого лингвистического факта, языкового явления, позволяющего эксперту диагностировать что-либо, утверждать, сделать какой-либо вывод, ответить

тем или иным образом на поставленный перед ним вопрос» [Стернин 2018: 244–245].

В контексте аксиологических маркеров необходимо снова упомянуть разделение оценочной лексики в соответствии с функциональной типологией оценочного значения Т.В. Маркеловой, которая выделяет: знаки-функции: хороший, плохой; знаки-коннотации: сказка, осёл; знаки-прагмемы: баламут, гений» [Маркелова 2013: 49].

Знаки-прагмемы и знаки-функции представляют собой важные концепции в области семиотики и языкознания. Они описывают различные аспекты использования языка и других семиотических систем в коммуникации и передаче информации.

Знаки-прагмемы, иногда называемые также «прагмемами», – это семиотические единицы, которые обозначают конкретные коммуникативные действия или акты речи. Они связаны с прагматикой, то есть с тем, как язык используется в реальной коммуникации для достижения определенных целей. Примерами знаков-прагмем могут быть фразы: «пожалуйста», «спасибо», «извините», которые обозначают вежливость, просьбы, извинения и т. д. Эти фразы не только несут смысловую информацию, но и выполняют функцию управления актом общения.

Знаки-функции – это семиотические единицы, которые выполняют определенные функции в языке или коммуникации. Они связаны с тем, как язык структурирован и какие роли выполняют отдельные элементы языковой системы. Примерами знаков-функций могут быть грамматические маркеры, такие как предлоги, союзы, артикли и т. д. Эти элементы не несут самостоятельного смысла, но служат для организации слов и предложений, чтобы передать определенные синтаксические и семантические отношения.

Итак, знаки-прагмемы и знаки-функции являются ключевыми аспектами анализа языка и коммуникации. Первые фокусируются на коммуникативных действиях и прагматике, а вторые – на структуре и функциональных аспектах языка. Обе концепции важны для понимания того, как язык используется в

различных контекстах и для достижения различных целей в коммуникации [Маркелова 2019: 583]

Необходимо отметить термин О.В. Ломакиной *этнолингвомаркёр*, предложенный в контексте фразеологических исследований, который понимается как «компонент фразеологизма / паремии, который отражают национальное своеобразие и может не иметь прямых аналогов в другом языке» [см. подробнее Ломакина 2010: 217]. Этнолингвомаркерами в паремиях О.В. Ломакина называет следующие номинации: «1) имена собственные; 2) этнонимы – названия народов и племен; 3) названия артефактов, присущих материальной культуре конкретного народа: предметы быта, одежда. Среди паремий с компонентом – именем собственным – можно выделить следующие группы: 1) с антропонимом – именем собственным; 2) топонимом – наименованием географических объектов; 3) хрононимами – названиями праздников; 4) зоонимами – кличками животных; 5) этнонимами – названиями народов и племен» [Ломакина 2010: 217-218].

В рамках данного исследования лингвоаксиологический маркёр понимается как весь спектр в первую очередь оценочных языковых средств, используемых для репрезентации анализируемой диады «*paix – guerre*» в различных типах дискурса.

1.3. Специфика функционирования аксиологической диады «*paix – guerre*»

Основные ценности и антиценности, укорененные в сознании индивида, а также в определенном культурном социуме, отражаются и раскрываются в универсальных диадах, одной из которых для многих культур является диада *мир – война*, представляя собой нравственные ценность и антиценность. Данная аксиологическая диада исследуется в большей степени в литературоведении и лингвистике. Она носит прецедентный характер благодаря произведению Л.Н. Толстого «Война и мир». Кроме того, в литературе данную диаду рассматривают на примере произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова,

Н.А. Некрасова, во французской литературе – на примере творчества Ж.П. Сартра, Ж. Пенже, А. Жида.

В лингвистических исследованиях данную диаду рассматривают с позиций аксиологии в различных культурах. В русском языковом сознании данную аксиологическую диаду исследовали Е.А. Голубенко, Л.Г. Кацюба, Е.Л. Калмыкова, отдельно концепт *война* рассматривался в работах М.А. Потапчук [Потапчук 2011], В.В. Волкова [Волков 2017], И.Б. Фоменко сравнивает репрезентацию концепта *война* в русской и китайской языковых картинах мира [Фоменко 2021], в работах Л.Н. Венедиктовой сравнивается концепт *война* на примере английского и русского языков [Венедиктова 2004]. Во французской культуре исследуемую нами диаду анализировали G. Andreani [Andreani 2003], A. Cattaruzza, E. Dorier [Cattaruzza 2015], а также E. Tenenbaum [Tenenbaum 2015], D. Tabone-Weil [Tabone-Weil 2016], A. Leduc [Leduc 2016], N. Loraux [Loraux 2005], тема войны и, частично, мира, была затронута в работе F. Tizot [Tizot: 2015]. Сопоставительный анализ реализации концепта *война* во французской и русской картинах мира проводили О.В. Оришак [Оришак 2008]. На паремиологическом материале во французском языке концепт *война* анализировали Н.С. Андрианова [Андрианова 2018], Н.Ю. Нелюбова [Нелюбова 2021], Т.Е. Финская [Финская 2021], З.А. Юсупова [Юсупова 2010].

1.3.1. Определение основных понятий аксиологической диады «*paix – guerre*»

Война представляет собой вооруженный конфликт между двумя, или более человеческими группами: племенами, городами, общинами, политическими движениями, государствами, империями, альянсами и международными организациями [Tenenbaum 2015: 17]. В ракурсе изучения аксиологической диады «*paix – guerre*», необходимо отметить, что тема войны всегда занимала важное место в сознании каждого народа: история любого этноса полна войн и конфликтов [Потапчук 2011: 48], поэтому представим сначала определение понятия *guerre*.

Поскольку в настоящем исследовании аксиологическая диада «мир – война» рассматривается на материале французского языка, считаем необходимым рассмотреть определения данных понятий, приведенные во французском толковом словаре LeRobert [Le Robert Dico].

Paix:

1. *Rapports entre personnes qui ne sont pas en conflit* / отношения между людьми, не находящимися в состоянии конфликта;
2. *Rapports calmes entre citoyens; absence de troubles, de violences* / спокойные отношения между гражданами; отсутствие беспорядков, насилия;
3. *Situation d'une nation, d'un État qui n'est pas en guerre* / положение нации, государства, которое не находится в состоянии войны;
4. *Accord terminant l'état de guerre* / соглашение о прекращении состояния войны;
5. *État d'une personne que rien ne trouble* / состояние человека, которого ничто не беспокоит;
6. *État de l'âme qui n'est troublée par aucun conflit, aucune inquiétude* / состояние души, не обеспокоенной никаким конфликтом, никакими переживаниями;
7. *Absence d'agitation, de bruit* / отсутствие суеты, шума [Le Robert Dico].

С целью выявления всего спектра дефиниций для последующего анализа диалектического взаимодействия частей аксиологической диады «*paix – guerre*», сравним приведенные определения словаря LeRobert с теми, которые предлагает словарь французской Академии [Dictionnaire de l'Académie française]:

1. *Concorde, tranquillité qui règne à l'intérieur d'un État, entre les divers groupes d'une société* / согласие, спокойствие, царящее внутри государства, между различными социальными группами;
2. *État résultant d'une concertation entre des pays qui visent à créer un ordre international excluant le recours à la guerre; action en vue du développement économique, culturel et social dans le respect du droit et de la justice* / состояние, возникшее в результате взаимодействия стран, направленное на

установление международного порядка без разжигания войны; действия, направленные на экономическое, культурное и общественное развитие при условии соблюдения законодательства и справедливости;

3. *Calme, repos ; éloignement de l'agitation, de la foule, des affaires /* спокойствие, отдых; отдаление от суеты, толпы, дел.

Приведенные определения понятия *мир* носят как традиционный характер понимания, где мир воспринимается как отсутствие конфликтов между государствами, отдельными группами, состояние покоя внутри одного государства, но также определение мира как внутреннего спокойствия человека показывает возможность метафорического употребления.

С той же целью приведем словарную дефиницию понятия *guerre* [Le Robert Dico]:

1. *Lutte armée entre États, considérée comme un phénomène historique et social /* вооруженная борьба между государствами, рассматриваемая как историко-социальное явление;
2. *Les questions militaires; l'organisation des armées (en temps de paix comme en temps de guerre) /* военные вопросы: организация вооруженных сил как в мирное, так и в военное время;
3. *Conflit particulier, localisé dans l'espace et dans le temps /* частный конфликт, происходящий в определенном месте и в данный момент времени;
4. *Lutte n'allant pas jusqu'au conflit armé /* борьба, не доходящая до вооруженного конфликта.

Следующие определения понятия *guerre* дает словарь французской Академии [Dictionnaire de l'Académie française]:

1. *Recours aux armes, dans un conflit entre des pays, des nations, des groupes de populations /* Применение оружия в конфликте между странами, нациями, группами населения;
2. *Suivi d'un adjectif ou d'un complément déterminatif qui caractérise un conflit selon les adversaires en présence, selon la tactique et les fins du combat, selon les moyens mis en œuvre, ou qui situe ce conflit dans l'Histoire /* понятие,

которое сопровождается прилагательным или дополнением, характеризующее конфликт в зависимости от противников, тактики и целей боя, применяемых средств или с точки зрения его роли в истории;

3. *Affrontement organisé qui oppose des nations ou des groupes humains par d'autres moyens que la force armée* / Организованный конфликт, который сталкивает нации или социальные группы без применением вооруженной силы;
4. *Se dit de toute lutte par laquelle on cherche à dominer ou à éliminer un rival* / относится к любой борьбе, в которой кто-то стремится доминировать или устранить противника.

Таким образом, традиционно война понимается как вооруженный конфликт между государствами, странами, социальными группами. Однако современное понимание войны как ссоры и невооруженного конфликта с целью устранения противника находит свое широкое распространение в узусе, что отражается и в словарных дефинициях.

В данном исследовании учитываются все указанные выше значения, что позволяет охватить больший объем материала и наиболее полно представить семантическое поле аксиологической диады «*paix – guerre*» в различных видах дискурса.

Традиционно понятие *война* неразрывно рассматривается вместе с понятием *мир*. Амбивалентный характер элементов данной диады можно проследить благодаря анализу взаимодействия этих двух элементов. Иногда они находятся в отношениях диалектического взаимодействия, ведь часто мир является результатом войны, и без войны, в данном конкретном случае, не может быть мира. Мир иногда выступает в роли утопического феномена, для достижения которого необходимо приложить множество усилий: «война связана с движением, изменением и становлением, а следовательно, с временем и пространством; мир связан с неизменным, покоем и вечностью» [Степанов 2007: 33]. Большинство западных философов, оценивая данные понятия с аксиологической точки зрения, говорили о войне как об абсолютном

зле, а о мире – как об абсолютном добре. Но такие философы, как Ницше, Гегель придерживались иного мнения, что «возможна и бывает хорошая война, возможен и бывает дурной мир» [Соловьев 1990: 651]. Таким образом, «война – это сложный объект, «подлинный хамелеон», в каждом конкретном случае несколько меняющий свою природу» [Клаузевиц 2007: 50].

Еще раз подчеркнем, что война за последние два столетия радикально изменила свое лицо и стала носить также метафорический характер. Вооружение и стратегии претерпели глубокие преобразования: компьютерные экраны заменили шпаги и гранаты, и война в результате этого кажется нереальной, виртуальной, неуловимой. Источники конфликтов также эволюционировали, поскольку к войнам за захват территорий и природных богатств сегодня добавляются войны идеологической конфронтации и общинной идентичности, в ожидании конфликтов, связанных с истощением ресурсов и изменением климата.

Понятия войны и мира, лежащие в основе одноименных частей аксиологической диады, а также важных базовых универсальных концептов, представляют собой фундаментальные понятия для любого социума. Для понимания того, как функционирует аксиологическая диада *мир – война*, на наш взгляд, необходимо отдельно рассмотреть соответствующие концепты, так как концепт, в частности, в когнитивной лингвистике в парадигме философии языка является совокупностью понятия и ценностного представления о нем индивида [Карасик 2008].

Концепт представляет собой сложный «лингвосоциальный конструкт» [Венедиктова 2004: 30] и этимологически восходит к латинскому слову *conceptio* / соединение, сумма. Он транслирует, с одной стороны, словарное значение, а с другой стороны, представляет собой сгусток существующих в обществе мнений [Крюкова 2008: 130]. Таким образом, концепт является более объемным, чем понятие. Ю.С. Степанов писал, что концепт и понятие очень схожи, но концепт намного шире, так как реализуется он в большем

количестве наук – в математической логике, культурологии, лингвокультурологии [Степанов 1997: 40].

Как правило, концепт реализуется в рамках одного социально-культурного пространства [Алефиренко 2004: 63]. Человек мыслит образами, понятиями, концептами. Концепты создают образы, которые потом надолго остаются в сознании человека. Концепт представляет собой «сложное и многоярусное ментальное образование, в состав которого помимо обыденно-понятийного содержания входят еще оценочные и релятивно-оценочные смыслы, показывающие отношение человека к познаваемому объекту» [Алефиренко 2010: 155].

В.И. Карасик выделяет три компонента концепта: образный, понятийный и ценностный [Карасик 1996: 4]. Под образной составляющей концепта понимается когнитивная сторона, «след чувственного представления в памяти в единстве с метафорическими переносами» [Карасик 2005: 27].

Понятийный аспект концепта представлен как «совокупность существенных признаков объекта или ситуации и итог их познания» [Карасик 1999: 39]. Понятийная составляющая имеет пересечения с ассоциативным компонентом. Под ассоциативным компонентом понимается существующая связь между концептом и соответствующим языковым означаемым. «Ассоциации, закрепленные в виде кодифицированных (словарных) значений языковых единиц, составляют ядро концепта» [Слышкин 2004: 159]. «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли определенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов 1997: 269–270].

Ценностная составляющая концепта включает два аспекта: актуальность и оценочность. Актуальность определяется при помощи анализа частотности использования языковых единиц, входящих в конкретный концепт. Оценочность проявляется в ее наличии в самом значении лексической единицы и в сочетании данной единицы с различными оценочными эпитетами [Кононова 2012: 57]. Для глубокого изучения аксиологической диады и

каждого ее компонента, необходимо понимать, что ценностная составляющая представленных понятий зависит от сферы, в которой они функционируют. В разных экстралингвистических контекстах данные компоненты реализуются по-разному. «Ценностная составляющая лингвокультурного концепта зависит от «области бытования» – сферы общественного сознания или дискурсивного употребления, где она модифицируется: утрачивает одни компоненты и приобретает другие» [Зюзина 2014].

Совокупность концептов формирует концептосферу языка. Понятие концептосферы разработал С.А. Аскольдов-Алексеев [Аскольдов 1997]. Любая языковая единица, входящая в концептосферу определенного понятия, содержит в себе свою степень оценочности. Наличие оценочности проверяется «методами компонентного и контекстуального анализа» [Там же: 57].

Концептология отражает определенное видение мира конкретным народом. Ключевыми концептами в познании культуры являются те «семантические образования, список которых в определённой мере ограничен» [Снитко 1999: 46]. Данный список представляет собой список духовных ценностей. Со временем концепт может терять свое первоначальное значение, эволюционировать, меняться. Подобная эволюция значений и понятий внутри концепта меняет и изначальное понимание самого концепта, что влияет также на его изучение и позволяет проследить не только отношение общества к данному концепту через призму традиций, истории, но и актуальное состояние. Изучение многообразия концептов позволяет сохранить знания об этносе, народе, языке, глубже понять национальный характер и культуру изучаемой страны.

Концепт *война* можно назвать «культурно значимым концептом» [Потапчук 2011: 49]. Интересным является и метафоричность понятия войны, ведь вооруженный конфликт, как мы видим из словарного определения, не единственное значение. Война часто во французском сознании заменяет слова *борьба, вражда, ссора, насилие, конфликт, противостояние*. Кроме того, необходимо учитывать, что каждому историческому периоду соответствует

определенное понимание войны, а национальное своеобразие восприятия ценностей и антиценностей в той или иной культуре получает отражение в определенной символике и специфике ее отражения в языковом материале.

1.3.2. Отражение символики мира и войны в языке и культуре

Изначально символ рассматривался с философской точки зрения, но позже стал объектом лингвистических и литературоведческих трудов. Философскую, литературоведческую и лингвистическую природы символов исследовали многие ученые: С.С. Аверинцев, Н.Д. Арутюнова, Э. Бенвенист, В.В. Виноградов, А.Ф. Лосев, Ч. Пирс, А.А. Потебня, В.П. Пророков, П. Рикёр, К.А. Свасьян, Ф. де Соссюр, Ц. Тодоров и др.

Символ представляет собой «социально-культурный знак, содержание которого представляет собой концепцию (идею), постигаемую интуитивно и не выражаемую адекватно в словесных описаниях» [Лосев 1995: 273]. Символ отсылает к другим образам и предметам, соотносится с ними вне зависимости от времени и пространства. Символ имеет устойчивый характер и «спектр значений, способный, однако, пополняться» [Лосев 1982: 176].

В.В. Виноградов определял символы как «простейшие стилистические элементы в составе каждой речевой формы. Эти элементы не есть данность; их необходимо отыскивать путем анализа художественного произведения. Их нельзя вырезать из художественного произведения механически, аналогично словам языка: это не слова, а “символы”» [Виноградов: 1980: 244]. Благодаря изучению символов, «мы можем открыть сокровенную часть культуры – живущие в бессознательной сфере и объединяющие людей в единое лингвокультурное сообщество смыслы» [Федосеева 2015: 99]. Определенная символика присуща и компонентам аксиологической диады «мир – война».

Одним из важнейших символов мира является оливковая ветвь. Использование данного символа в качестве мирной символики восходит к эпохе Древней Греции. Победителям Олимпийских игр дарили оливковую ветвь и надевали на голову невестам. Также, оливковая ветвь была символом окончания конфликта.

Одним из главных символов мира во многих культурах является голубь. Изначально голубь был больше символом личного спокойствия, покоя души и умиротворения. П. Пикассо нарисовал во время холодной войны голубку («*La colombe*»), которая стала символом мирного движения. Позднее, в 1949 году голубка стала эмблемой Всемирного конгресса сторонников мира в Париже. Пикассо заявлял, что «выступает за жизнь, против смерти и за мир, против войны» [Символы мира и их присутствие в моде 2022].

Важнейшее место в нескольких плакатах 70-х гг. XX в. занимает образ скульптуры «Первые ласточки» скульптора Ю. Микенаса. «Первые ласточки» – это скульптура женщины с оливковой ветвью, выпускающей в полет вереницу ласточек. Скульптура, созданная в 1964 г., стала одним из самых известных символов мира [Мамедова 2013: 113].

Символика может проявляться также на уровне невербальной коммуникации, к которой принято относить жесты. Они являются «элементами традиционного поведения определённого народа, обладают национальным колоритом и выражают ситуативные реалии» [Ю 2023: 386]. Самым известным символом-жестом мира является жест «Виктория»: указательный и средний палец образуют латинскую букву V. Данный жест восходит к латинскому слову *Victoria*, которое означает *победа*. Данный жест был предложен бельгийским министром юстиции Виктором де Лавеле. Жест укоренился и начал использоваться бойцами Сопротивления во время Второй мировой войны. Затем жест начал активно использовать в своих речах У. Черчилль.

Еще одним из самых узнаваемых символов мира является знак пацифика. Он был придуман художником и активистом Д. Холтом в 1958 году для марша Комитета прямых действий против атомной войны. Данный символ представляет собой смешение двух заглавных букв из словосочетания *Nuclear Disarmament* / ядерное разоружение. В целом наличие большого количества символов мира демонстрирует потребность в данном состоянии, к которому стремятся люди на протяжении всего существования.

Различным историческим периодам соответствовали определенные атрибуты войны, используемые людьми для достижения своих целей и меняющиеся с каждым поколением в результате развития науки и технологий. Под символами войны мы понимаем отличительные принадлежности войны в ту или иную эпоху.

Символика характеризуется доступностью и понятностью образов. Образ «есть сразу и то, что он есть с точки зрения его буквального обозначения, и то, что он представляет собой в более широком его содержании, скрытом в его буквальном значении...» [Винокур 1991: 28].

Неотъемлемым артефактом войны является меч, а щит и меч представляют собой «воинский сложный символ, существовавший в древнем мире» [Бодриков 2019: 497]. Меч представляет собой вид холодного оружия с прямым клинком, который символизирует силу и мужество, «однако во французском языке символ меч предстаёт не только как оружие войны, но и метафорически – как олицетворение самой войны» [Безкорвайная, Ломакина, Макарова 2017: 8]. «Концепт МЕЧ является культурным феноменом, так как его формирование как концепта происходило в течение длительного периода времени» [Третьякова 2010: 21]. Словарь символов Д. Тресиддера дает следующую трактовку образа меча: «важный символ власти, правосудия, высшей справедливости, всепроникающего разума, проницательности, фаллической силы, света, разделения и смерти. Такой необыкновенно богатый символизм отчасти объясняется тем, что при изготовлении этого грозного оружия использовались тайные знания и навыки, благодаря чему мечи наделялись сверхъестественными свойствами. Отсюда и многочисленные легенды о волшебных мечах» [Тресиддер 1999].

Первые свидетельства о мече появились в XII веке. «Символ меча известен мировой культуре со времен античности...». «Меч символизирует силу, власть, достоинство, лидерство, высшую справедливость, свет, мужество, бдительность. На метафизическом уровне он олицетворяет

всепроникающий разум, силу интеллекта, проницательность» [Тресиддер 1999: 209].

Еще одним атрибутом войны, начиная с XVIII века считается ружье [Leduc 2016]. Многие французские солдаты использовали ружья образца 1754 года. С конца XIX века во Франции одним из атрибутов войны выступает нож. Во времена Второй Мировой войны появляется новый вид ножа – нож для водолазов, который служит орудием для выполнения различных задач под водой [Tenebaum 2015].

Регулярная война характеризуется непрерывным развитием огневой мощи и, следовательно, парадигмы технологической и промышленной войны, от распространения черного пороха в XV веке до появления ядерного оружия в 1945 году. И порох, и ядерное оружие воспринимаются как неотъемлемые атрибуты традиционных войн. В настоящее время, когда война принимает более изощренные формы, появляются новые формы оружия, в связи с чем в современных условиях война не обязательно ассоциируется с началом военных действий.

Одной из новых форм войны, трансформирующих в том числе ее символику, является борьба с терроризмом, а в контексте изучения аксиологической диады «*paix – guerre*» важно вспомнить, что «серия терактов в Европе, произошедших за последние годы, больше других стран затронула Францию и Бельгию» [Ермакова 2018: 69]. На официальном сайте Министерства Иностранных дел Франции [Министерство Европы и иностранных дел diplomatie.gouv.fr] существует документ, который носит название «*La guerre contre le terrorisme*» / война против терроризма [Andreani 2003].

Тема борьбы с терроризмом является объектом исследования многих наук: истории, философии, социологии, психологии и лингвистики. Такое пристальное внимание к феномену терроризма дало толчок к формированию нового направления в науке – террологии. Термины *террор* и *террорист* вошли в узус во время Французской буржуазной революции 1789–1794 годов

[Tenenbaum 2015]. В борьбе с терроризмом главным препятствием к опознанию противника является *маска*, она является одним из отрицательных атрибутов, нацеленных на то, чтобы скрыть лица противников, а не бороться с терроризмом. Неизменными атрибутами терроризма являются *пистолет*, *взрывчатка*, *ружье* и *нож*.

С 2020 года мир находится в эпидемиологической ситуации. Идет регулярная борьба с вирусом COVID-19. Президент Франции, Э. Макрон, в самом начале санитарного кризиса заявил: «*nous sommes en guerre*» (мы находимся в состоянии войны) [Pietralunga 2020], повторив эту фразу шесть раз. «*Jamais la France n'avait dû prendre de telles décisions en temps de paix*» (никогда еще Франции не приходилось принимать подобных решений в мирное время) [Pietralunga 2020]. Глава Государства объявил о переносе второго тура муниципальных выборов и приостановил все реформы. Атрибутами данной войны являются совершенно другие предметы, которые, на первый взгляд, не входят в рассматриваемое лексическое поле. Применительно к контексту борьбы с коронавирусом, *маска* и *антисептик* представляют собой атрибуты защиты, необходимые, чтобы изменить ситуацию в лучшую сторону.

Из-за коронавируса во Франции долгое время был локдаун: людям нельзя было выходить на улицы в целях их же безопасности, так как с каждым днем росло количество заболевших. Именно в этот период слово *семья*, традиционно больше связанное с близостью, доверием и защищенностью, стало ассоциироваться также с местом злоупотреблений, бесконтрольного поведения и насилия. Карантин повлиял на многие семьи, увеличилось не только количество разводов, но и случаев насилия. Франкоязычные СМИ называют это «*guerre dans les familles*» (война в семьях), «*la guerre dans les couples: guerre amoureuse, guerre destructrice*» (война в парах: любовная война, разрушительная война) [Tabone-Weil 2016]. В медиадискурсе именно война в семьях освещается как главная проблема современного общества. Любой член семьи может стать виновником или жертвой насилия в семье, независимо от

расы, возраста, пола, вероисповедания или принадлежности к какой-либо социальной группе. Условными атрибутами такой войны можно назвать бранную лексику, которой парируют участники ссоры или спора. Слова зачастую ранят сильнее всего, тем более, когда речь идет о членах одной семьи.

В целях противодействия угрозе эскалации насилия в семье, генеральный секретарь ООН призвал к созданию условий и средств, позволяющих жертвам насилия обратиться за помощью без ведома своих обидчиков. Например, было выдвинуто предложение о создании специальных устройств, при помощи которых в экстренных ситуациях будет передан сигнал в полицию, их можно будет купить в любом продуктовом магазине или аптеке. Такие средства постепенно появляются в магазинах и аптеках в Париже, они являются одними из главных атрибутов борьбы с насилием в семье [Tabone-Weil 2016].

В целом, символика войны и мира отражает коллективные устремления и надежды на достижение мира, а также память о разрушительной природе войны. Символика войны и мира является мощным средством передачи идей, эмоций и ценностей, связанных с этими двумя важными аспектами человеческой истории. Символы и образы помогают создать глубокие ассоциации и влияют на восприятие и понимание войны и мира. Изучение символики и образов, связанных с понятиями *paix* / мир и *guerre* / война в различных дискурсивных практиках на примере французского языка позволит полно продемонстрировать весь спектр оценочных средств, присущих конкретному типу дискурса, обеспечивая возможность проанализировать не одностороннюю трактовку объекта оценки, а представить комплексный анализ нюансов оценочных отношений.

Выводы по 1 главе

В результате анализа диады «*paix*» – «*guerre*» в аспекте аксиологии и лингвоаксиологии установлено следующее.

1. Аксиология в парадигме гуманитарных наук занимает особое место в плане как своего исторического развития, так и своего внутреннего устройства. Представления о ценностях всегда были неразрывно связаны с философским осмыслением бытия человека, однако оформились в самостоятельную научную дисциплину в связи с проекцией на свою практическую реализацию, в силу чего в аксиологии как разделе философии проявления бытия человека осмысляются двояко: как реальные и как ценностные. В свою очередь, характерный для аксиологии практико-ориентированный ценностный подход к проявлениям бытия человека детерминировал ее выход за пределы философии в область других наук (психологии, социологии, лингвистики) и дальнейшее развитие как междисциплинарной науки (с внутренней дифференциацией соответствующих направлений – собственно философского, социологического, психологического, лингвистического).

Основным понятием и объектом изучения аксиологии является ценность, под которой понимается результат социальной или личностной положительной или отрицательной оценки проявлений бытия человека в виде присваиваемого им свойства важности, значимости, полезности и т.п. Положительная оценка данного предмета или явления формирует собственно ценности, а его же отрицательная оценка – антиценности. Совокупный выбор социумом или индивидом ценностей и антиценностей представляет собой его ценностную ориентацию, а система ценностей и ценностных ориентаций (внутри которых могут быть выделены доминантные и периферийные) формирует ценностную (аксиологическую) картину мира. Ценности и антиценности дифференцируются по различным критериям: по степени своей значимости (общечеловеческие, этнокультурные, социокультурные, индивидуальные); по сфере реализации (духовные и утилитарные, этические и эстетические); по своей сущности (первичные и вторичные, объективные и субъективные, относительные и абсолютные, позитивные и негативные). Ценности и антиценности связаны между собой не простым

противопоставлением, а сложными диалектическими отношениями взаимообусловленности, потому образуют не оппозиции, а диады, отражающие амбивалентность и динамический характер аксиологической картины мира.

2. Наиболее концептуально и методологически оформленной частью аксиологии является лингвоаксиология, поскольку язык является основным средством не только выражения ценностей, но и их формирования и хранения. Предметом лингвоаксиологии выступают способы репрезентации ценностей (и антиценностей) в различных видах речевых текстов и в единицах языка, основным средством репрезентации ценностей в которых является категория оценки, которая формирует аксиологический компонент языковой семантики. Лингвоаксиология тесно связана как с лингвокультурологией, так и с когнитивной лингвистикой, поскольку аксиологическая семантика представляет собой один из компонентов концепта – ценностный (наряду с образным и понятийным). Аксиологическая семантика может иметь эмотивную и рациональную природу, субъективный и объективный характер, прагматическую и констатирующую направленность, коннотативную и конститутивную реализацию, абсолютную и переменную значимость, общее и частное воплощение, первичные и вторичные формы выражения.

Аксиологическая семантика языка отражает систему общенародных ценностей (и антиценностей), соответствует принятым в данном социуме ценностным критериям и образует аксиологически детерминированную часть национально-языковой картины мира. Ценностно обусловленные значения могут как входить в семантику языковых единиц, так и присваиваться им в речи, как отражаться в содержании клишированных текстов, так и включаться в содержание спонтанной речи. Языковая семантика оценки может быть как положительной, так и отрицательной, иметь как бинарный, так и градуальный характер, характеризоваться как эксплицитной, так и имплицитной формой своего выражения. При этом аксиологическая семантика не всегда формально выражена внутри отдельных языковых единиц, однако всегда маркирована в

тексте (в речи). Интерпретация аксиологической семантики основывается на выявлении всего спектра формальных и собственно семантических средств своей реализации в языке и речи, требует обращения как к горизонтальному, так и вертикальному контексту, должна учитывать сферу как говорящего, так и адресата, предполагает получение как однозначного, так и амбивалентного результатов.

3. Аксиологическая диада «мир – война» относится к универсальным, духовным, этическим, объективным, первичным, абсолютным, амбивалентным бинарным ценностным оппозициям, включающим позитивный и негативный компоненты. Входящие в данную диаду концепты являются аксиологически доминантными в кругу общечеловеческих ценностей и антиценностей, однако не обособленными, поскольку детерминированы в общей типологии ценностей аксиологическими концептами более высокого порядка «жизнь – смерть» и «счастье – несчастье». В каждой лингвокультуре аксиологическая диада «мир – война» обретает этнокультурно и социокультурно обусловленные коннотации в плане ценностно ориентированного восприятия и осмысления, языкового и речевого отражения как целиком данной бинарной оппозиции, так и каждого из ее концептуальных компонентов.

В семантическом пространстве современного французского языка концепт «*paix*» определяется многоаспектно (и прямо, и метафорически): как состояние согласия, спокойствия, отсутствия вражды и насилия между отдельными индивидами, социальными группами, народами и государствами; как действия, по соблюдению законодательства и справедливости, обеспечивающие прогресс во всех сферах жизни, как состояние отдельного индивида, не испытывающего внешнего беспокойства; как состояние отдыха вдали от дел и повседневной суетности; как состояние души, не обеспокоенной внутренними конфликтами.

Концепт «*guerre*» в современном французском языке также обладает семантической гетерогенностью (и прямой, и метафорической): как историко-

социальное явление вооруженной борьбы между нациями и государствами; как вооруженный или невооруженный конфликт между отдельными социальными группами, народами, государствами; как решение вопросов по организации вооруженных сил в военное или в мирное время; как любой конфликт между индивидами; как любая борьба, не доходящая до вооруженного конфликта, в которой кто-либо стремится доминировать или устранить противника.

Во французской лингвокультуре ценностное наполнение концептов аксиологической диады «*paix – guerre*» детерминировано как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. В концептах данной диады отражена символика мира и войны, имеющая как универсальный (либо интернациональный) характер, так и свойственная только французской культуре и реализованная во французском языке. В социокультурном и этнокультурном контекстах современной Франции концепты аксиологической диады «*paix – guerre*» приобрели новые смыслы и новые ценностные коннотации, трансформировались как в лингвокультурном, так и в лингвокогнитивном плане под влиянием социально и культурно значимых событий и явлений последних лет (терроризм, пандемия, семейное насилие и др.), их восприятию и осмыслению в французском обществе под влиянием различных культурных, социальных, моральных факторов.

ГЛАВА 2

Типы и особенности дискурсивных практик

2.1. Дискурс: общие понятия

Изучение языковых репрезентаций и функционирования как отдельных ценностей, так и ценностных диад, целесообразно проводить на материале различных видов дискурса в зависимости от конкретных целей исследования. Традиционное понимание ценностной диады «paix – guerre» находит отражение в пословичном дискурсе, который мы рассматриваем как разновидность фольклорного. Эволюцию восприятия данной диады можно проследить в песенном дискурсе на примере произведений разных лет.

Не менее важным представляется изучение актуального состояния указанной проблемы, что позволит предусмотреть перспективы ее развития в будущем. Анализ «ценностей в современном общественном мнении, отражающемся прежде всего в дискурсах критической и валоризирующей направленности, приобретает исключительную важность в своем прогнозирующем значении» [Серебренникова 2011: 15]. Такие характеристики типичны для медиадискурса.

В данной главе будут рассмотрены общие понятия, связанные с типологией и определениями дискурса, а также будут выделены особенности фольклорного, песенного дискурсов и медиадискурса. Рассмотрим основные положения, связанные с теорией дискурса.

2.1.1. Определение дискурса

Дискурс (лат. *discursus* – беседа, разговор) как явление социальное начал рассматриваться французскими учеными-структуралистами, в связи с чем необходимо отметить труды М. Фуко, который развивал идеи Э. Бенвениста. В их понимании дискурс является некой репрезентацией речи (устной или письменной), «совокупностью высказываний, принадлежащих к одной и той же системе формаций» [Фуко 1996: 108], что позволяет выделять различные типы дискурса.

М. Фуко и его последователи выделяют самые важные элементы теории дискурса: идентичность, субъективность, дискурсивное событие, дискурсивные формации, дискурсивные пласты. «Дискурс понимается, прежде всего, как коммуникативное явление» [Соколова 2014: 17], однако «дискурс – не обыденная безразличная речь, не речь, которая уходит, плывет и проходит, не речь, немедленно потребляемая, а речь, которая должна приниматься вполне определенным образом и должна получать в данной культуре определенный статус» [Фуко 1996: 21]. Отметим, что «в постмодернистской науке дискурс рассматривается как процесс познания, в котором одновременно взаимодействуют постоянные (философские, общекультурные, исторические, национально-специфические) и меняющиеся (коммуникативные, социальные, концептуальные) параметры» [Зененко 2023: 42]. Н.Д. Арутюнова определяет дискурс как «речь, погруженную в жизнь» [Арутюнова 2002: 137].

Г. Уиддоусон понимает под дискурсом модель, а под текстом – конкретную реализацию этой модели, считая текст лингвистическим продуктом дискурса, подчеркивая, что тексты создаются с определенной коммуникативной целью: передать сообщение, выразить мысль или убеждение, объяснить что-либо, заставить действовать или думать по-другому. Этот комплекс коммуникативных целей представляет собой дискурс, который обуславливает текст и служит причиной его появления. При восприятии читатели или слушатели должны выделить смысл этого текста, воплотив его в коммуникативную реальность. Другими словами, они интерпретируют текст как осмысленный дискурс. В таком понимании тексты не несут смысл, они выполняют посредническую функцию между дискурсами [Crystal 1994: 6]. Г. Уиддоусон использует термин «дискурс» для обозначения того, что имеется в виду при порождении текста, а также то, что текст обозначает для адресата.

Дж. П. Джи разграничивает дискурс в узком понимании как ситуативное использование языка и собственно дискурс, включающий в себя невербальный

компонент [Gee 2005]. Ядро собственно дискурса составляет идентификация, распознавание. Дискурс реализуется в том случае, если по совокупности языка, действий, взаимодействий, ценностей, верований, символов, предметов, инструментов, мест окружающие идентифицируют индивида как лицо, вовлеченное в определенные действия здесь и сейчас [Рюкова 2016].

Дискурс «обозначает определенным образом организованную речевую деятельность, связанную с некоторой нелингвистической областью (социологический, идеологический, культурный контекст) или с чем-нибудь невысказанным (бессознательным, предполагаемым)» [Helgorsky 1982: 22].

При определении понятия дискурс в зависимости от исследовательской традиции вносятся различные аспекты в понимание того, какие именно составляющие экстралингвистического контекста в большей степени имеют дискурсообразующий характер. «Дискурс понимается как вербализация речемыслительной деятельности, взятой во всей совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов и закрепленная в форме текстов (устных и письменных)» [Красных 2003: 113].

Главную роль в процессе понимания и производства дискурса играют ментальные модели. «Представители одного и того же общества понимают друг друга в том числе благодаря схожим ментальным моделям. То есть для того, чтобы понять дискурс, нужно «истолковать его ментальную модель или интенции (ментальные модели) говорящего» [Дейк 2013: 7].

Помимо ментальных моделей, Т. ван Дейк выделяет модели контекстные. Контекст представляет собой «совокупность знаний о мире – знаний, принадлежащих субъекту высказывания и его адресату» [Фрумкина 1995: 87], а контекстные модели «позволяют носителям языка адаптировать их дискурс к коммуникативной ситуации, а это является важнейшим условием признания их дискурса» [Дейк 2013: 8]. Данные модели можно наблюдать как у говорящего, так и у слушателя и других участников беседы, у людей разного рода деятельности, разных профессий, состоящих в разных типах отношений, с различными интересами и вероисповеданием и т.д. Таким образом, любая

ситуация формирует контекст, который в свою очередь формирует контекстную модель в зависимости от конкретной коммуникативной задачи.

Еще раз подчеркнем, что в рамках дискурсивных исследований связь между языковым явлением и ментальной деятельностью человека является обязательной. Но и эта связь имеет свои характеристики. Е.С. Кубрякова считает, что дискурс – это «... форма использования языка в реальном (текущем) времени, которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее существования и, конечно же, ее целями» [Кубрякова 2004: 525].

Дискурс зависит от типа социальной деятельности индивида, в которой он реализуется [Кубрякова 2004: 527]. Дискурс реализуется в определенном контексте, представляя собой продукт речевой деятельности. В формировании дискурса участвует бесконечное количество факторов, что является доказательством бесконечного количества дискурсов [Заложных 2017: 2].

2.1.2. Типология дискурса

Типологию дискурса разрабатывали в своих трудах такие исследователи, как Н.Д. Арутюнова [1990], В.Г. Борботько [1999], Т. ван Дейк [1988], В.И. Карасик [2015], В.Б. Кашкин [2004], Е.С. Кубрякова [2005], Г.Н. Манаенко [2003], Ю.Е. Прохоров [2006], Ю.С. Степанов [1995].

Поскольку часто в центр дискурса ставят личность, которая «может владеть совокупностью различных приемов и способов создавать дискурс» [Пушкин 1990: 50], традиционно типы дискурса выделяют по сфере общения человека: научный, деловой, политический, профессиональный, бытовой, юмористический и др.

С позиций социолингвистики выделяют следующие типы дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный типы [Купцова 2016:].

В.И. Карасик предлагает выделять два типа дискурса – перформативный и неперформативный. Данная типология основывается на «противопоставлении по признаку “факт – фикция”» [Карасик 2009: 298]. Если текст содержит в себе информацию, которую можно верифицировать, то такой тип дискурса можно считать перформативным, что дает основание считать любое официальное общение перформативным [Данилова 2015: 347].

Одним из частых критериев при составлении классификации дискурса является понимание того факта, на кого ориентирован тот или иной тип дискурса. По данному признаку выделяют следующие типы дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный (статусно-ориентированный).

Лично-ориентированный дискурс, в свою очередь, имеет два подтипа дискурса: бытийный и бытовой. Лично-ориентированный дискурс происходит в момент общения между участниками, готовыми обменяться мнениями [Карасик 2009: 278].

Статусно-ориентированный дискурс – это тот дискурс, при котором общение происходит между представителями разных групп и в какой-то одной роли, например: адвокат – подзащитный [Там же: 278]. Данный тип дискурса также называют институциональным, что означает принадлежность тому или иному социальному институту. «Особенностью институционального дискурса является не сообщение о чем-либо, не семиотическое «отражение» объективности, а конструирование социальных смыслов; дискурс выступает не в качестве инструмента отражения, выражения, означивания, а в качестве «режима работы», или способа бытия института» [Кожемякин 2007: 98].

Среди данных двух типов дискурса личностно-ориентированный является первичным, а статусно-ориентированный – вторичным.

Существует еще одна типология – по прагмалингвистическому критерию, исходя из которого выделяют: одномерный, многомерный; сценарный, несценарный; серьезный, юмористический; этикетный, кооперативный; информативный, фасцинативный; перформативный, аргументативный [Карасик 2009: 320–321].

Нужно отметить, что «разноаспектное рассмотрение типологии дискурса позволяет определить в ней место конкретного тематического типа дискурса; наметить примерную общую схему, по которой могут классифицироваться все типы дискурсов, с перспективой дополнения специфическими моментами» [Карамова 2017:366]. Выбор определенного вида дискурса в качестве источника материала для анализа зависит от целей и задач, поставленных исследователем.

2.2. Специфика фольклорного, песенного дискурсов и медиадискурса

Наличие большого количества типологий дискурса демонстрирует тот факт, что на классификацию влияет большое количество не только лингвистических, но и экстралингвистических факторов. Если рассматривать дискурсивные практики с точки зрения отражения в них ценностных ориентаций и их эволюции, то необходимо, на наш взгляд, обратить внимание на отдельные виды дискурса. К ним относятся фольклорный дискурс, представляющий традиционные ценностные основы; песенный дискурс, позволяющий проследить изменение функционирования ценностей на примере поэтических текстов песен разных лет, а также медиадискурс, содержащий информацию о современном восприятии ценностей.

2.2.1. Фольклорный дискурс

Термин *лингвофольклористика* был введен А.Т. Хроленко для обозначения отдельной области исследований, непосредственным объектом которых является фольклорный текст (общий объект с фольклористикой), а

важнейшей лингвистической задачей – описание языка фольклора. Становление фольклора началось в XIX веке, чему способствовали война 1812 года, восстание декабристов. Эти события объединяли народ, формируя национальный дух, повышая тем самым интерес к устному народному творчеству [Хроленко 2010: 6].

Язык фольклора в XXI веке исследуется с помощью когнитивно-дискурсивного подхода. «Когнитивно-дискурсивное исследование позволяет представить фольклор как познавательную-коммуникативную деятельность, выявить специфику дискурсивного поведения фольклорного индивида, особенности его миропредставления, жанрового миромоделирования» [Эмер 2011: 16].

Язык, а именно «фольклорное слово, будучи перенесенным в инородный текст, не только сохраняет свои свойства, но и преобразует смысловую и художественную ткань новой для себя фразы» [Хроленко 2008: 39]. Фольклор передает не только окружающие факты, но и внутреннее состояние исполнителя того или иного текста. Нередко язык фольклора воспринимают как наддиалектную форму языка: «язык фольклора понимается одной из форм национального языка, описывается в сравнении с другими формами национального языка с помощью лингвистических методов» [Эмер 2011: 13]. Позднее был определен предмет и объект лингвофольклористики как науки. Объектом лингвофольклористики стал, как и объектом фольклористики, фольклорный текст, предметом – язык фольклора.

Фольклор является базовым носителем этнокультурной, исторической и этнографической информации [Теппеева 2020: 246]. «Изучение фольклора представляет собой также большую значимость для культурологии, так как он вбирает в себя культурные смыслы, демонстрирующие коллективную модель мира, принятую в определенной этнической группе» [Овсиенко 2020: 264]. Фольклор – это совокупность устных и письменных народных творческих произведений, таких как сказки, мифы, легенды, песни, пословицы, обряды и другие выражения народной культуры. Он передается из поколения в

поколение внутри определенных культурных и социальных групп. Основные черты фольклора включают:

устное народное творчество: фольклор в большинстве случаев начинает свое существование как устное народное творчество, передаваемое через устное повествование, пение и другие формы устной передачи;

традиции: фольклор является частью национальной или этнической традиции и часто связан с историей и культурой определенного сообщества;

символика и метафоры: фольклор использует символы, метафоры и аллегории для передачи значимых историй и моральных уроков;

социокультурный контекст: фольклор отражает социокультурный контекст и ценности общества, в котором он существует.

На современном этапе можно обозначить три направления в изучении фольклорного дискурса:

1. работа с языком фольклора через его отношение с диалектами;
2. изучение отдельных культурных элементов народно-поэтической речи;
3. функционально-стилистическое использование фактов языка в системе народной поэтики [Хроленко 2011: 8].

Фольклор имеет большое значение для изучения культур и истории разных народов, а также для понимания того, как определенные ценности и верования передаются из поколения в поколение. Фольклорные формы эволюционируют, меняются в соответствии с актуальными тенденциями культуры, что позволяет говорить о фольклорном дискурсе как о дискурсе, в котором «отражается коллективное сознание, ценностные ориентации общества» [Алтруова 2019: 61]. Фольклорный дискурс – это «постоянно возобновляемая речевая деятельность, основанная на культурном опыте, исторически утвердившемся в сознании, которая протекает в контексте ситуации, известном как народное творчество» [Колистарова 2012: 3]. Участниками фольклорного дискурса выступают представители одного социума, внутри которого репрезентанты уже имеют определенный иерархический статус. Фольклорный дискурс «стабилизирует жизнь социума,

предлагая индивиду варианты поведения в стереотипных ситуациях» [Эмер 2011: 50].

При анализе фольклорного дискурса немаловажную роль играет культурный аспект. Стремясь познать и освоить как свою культуру, так и другие культуры, возникает острая необходимость в сохранении национальных особенностей, характера и самобытности. На современном этапе исследователи различных наук целенаправленно обращают свой взор именно к фольклору, ведь он является компонентом культуры, который можно не только сохранить, но и передать из поколения в поколение: вместе с желанием освоить чужие культуры возникает процесс, направленный на сохранение национальной самобытности, возрождение национальной культуры [Пелипенко 2006: 383].

Лингвисты выделяют два измерения дискурса: реальное и потенциальное. Дискурс в реальном измерении является практической деятельностью описания общественных значений посредством текстов, в то время как в потенциальном измерении дискурс является тезаурусом различных знаков, правил использования этих знаков, которые ориентированы на коммуникативную сферу и на совокупность различных текстов [Там же: 123].

В данном случае интересен термин *тезаурус*, который является междисциплинарным понятием, интерес к которому можно наблюдать в различных сферах. На определенном этапе, в конце XX века ученые пришли к выводу о том, что тезаурус является не просто перечнем отобранных с помощью статистического анализа различных текстов, но также тезаурус хранит в себе глубинные знания и отражает их. Любая информация направлена на обогащение тезауруса собеседника. Именно поэтому ученые утверждают, что тезаурус является «информационным хранилищем накапливаемого опыта» [Гинецинский 1992: 58], в том числе информации о ценностях. Данная информация может быть отображена по-разному в различных типах дискурса.

Интерес к фольклору появляется в периоды важнейших исторических событий (становление государства, войны, реформирование государственной системы) [Эмер 2011: 9], что наложило свой отпечаток на сам материал фольклорных текстов, ведь они действительно наполнены культурно-исторической составляющей определенной эпохи.

Целью фольклорного дискурса является передача общего сознания, знания и понимания жизни, сложившихся с течением времени в определенном коллективе. «Участники фольклорного дискурса не могут быть установлены в рамках стандартной оппозиции «адресант – адресат», потому что сама адресация в данном случае распределена на неопределенном множестве коммуникантов» [Алтруова 2019: 4].

Исследователи анализируют как традиционный вид фольклора, так и современный. К фольклору относятся мифы и легенды, сказки, пословицы, обряды, песни, старинные танцы, народные предания, эпос, «некоторые лингвисты относят к фольклору все виды непрофессионального искусства (народные театры, художественная самодеятельность)» [Цахуева 2015: 46].

В фольклорном дискурсе оценочность выражается очень ярко, чему способствует восприятие мира фольклорным сознанием через «бинарные оппозиции: «свой-чужой», «верх-низ», «мужской-женский» и так далее» [Тубалова, Жученко 2002: 20]. Одному компоненту каждой оппозиции, как правило, соответствует положительное значение, а другому – отрицательное.

Фольклорный дискурс характеризуется яркой оценочной составляющей, что обусловлено его природой. Так, «фольклорный материал, функционирующий в частности, в художественном тексте, может быть разделен по принципу использования его в произведении – в буквальном соответствии с фольклорной традицией или в переносном, «метафорическом» смысле» [Мироненко 2008: 81].

Таким образом, фольклор служит средством передачи и укрепления традиционных ценностей, характерных для конкретной культуры или сообщества, и играет важную роль в формировании и поддержании

культурной идентичности. Пластом фольклора, передающим основные ценности в сжатом виде, являются пословицы и поговорки, которые содержат мудрые советы и рекомендации, основанные на ценностях общества.

2.2.2. Паремиологический дискурс как разновидность фольклорного дискурса

Культура и опыт передается из поколения в поколение, люди делятся знаниями и моральными установками общества, часто фиксируемыми в фольклорных текстах, к которым относятся в том числе паремии и, в первую очередь, пословицы, лаконично, но емко транслирующие ценностные ориентации. «Пословичный фонд позволяет идентифицировать систему ценностных констант этноса в их зарождении, развитии и современном состоянии» [Нелюбова 2020: 80].

Обратимся к термину *паремия*, который восходит к греческому «*παροιμία*» – притча, пословица, поговорка. Паремия рассматривается как «единица, репрезентирующая исторический опыт народа-носителя, а также способствующая сохранению, поддержанию и представлению национального менталитета» [Кохан 2019: 264].

Паремии являются объектом лингвистических исследований на протяжении трех веков: «особое внимание к паремиям как вечному жанру фольклора уделяется с XIX в. и до современности» [Антонова 2020: 156]. Вопросом определения единиц, входящих в паремиологический фонд занимаются многие лингвисты: О.Б. Абакумова [2012], А.Ф. Алефиренко [2011], Л.К. Байрамова [2008; 2011], Т.Г. Бочина [2015], М.А. Бредис [2017], М.Л. Ковшова [2013], М.А. Кулькова [2012], Ю.И. Левин [2015], О.В. Ломакина [2019], Н.Н. Меньшакова [2020], В. Мидер [2004], В.М. Мокиенко [2015], Н.Ю. Нелюбова [2020], Г.Л. Пермяков [1988], Л.Б. Савенкова [2002], Е.И. Селиверстова [2010], Н.Н. Семененко [2002], Е.А. Яковлева [2016] и др.

Паремию понимают как «родовое наименование для обозначения различных классов народных афоризмов, прежде всего пословиц, поговорок,

загадок и примет, а также присловий, прибауток» [Бредис 2020: 267], отличающаяся афористичностью, устойчивостью, воспроизводимостью, переосмысленным или буквальным обобщенным значением, в основном поучительным содержанием; языковой знак, передающий специфическую информацию о традиционных ценностях и взглядах, основанных на жизненном опыте народа, обозначающий типичную жизненную ситуацию [Колшанский 2005: 16]. Основная функция паремий – «аккумуляция и последующее хранение, а также передача традиций конкретного этноса [Нурумбетова 2018: 35].

Кроме того, паремии являются дискурсивными языковыми знаками, иллюстрирующими определенную стереотипную ситуацию, событие, факт, которые являются предметами мысли; обобщают свойства и признаки разных индивидуальных событий и объектов, создавая глобальный образ целостного мира, своеобразную схему мироздания. Как языковые знаки, паремии к тому же являются артикуляционными актами, которые воспроизводятся в готовом виде и могут сочетаться с другими знаками [Там же: 24–25].

Исследователи указывают на двусторонний характер паремий (паремия имеет как план содержания, так и план выражения), логическую завершенность (составляет полное выражение), устойчивость и воспроизводимость в речи, способность к обобщению, соотнесенность с актом речи (паремия как единица) языка составляет виртуальный коммуникативный акт), а также системность [Колшанский 2005: 26–27].

Моральные нормы, представленные в паремиологическом фонде той или иной культуры, могут как совпадать, так и отличаться в своей оценке. «Паремии в силу своей композиционной структуры и стилистического оформления являются символическими единствами языковой формы и выражаемого в ней морально-утилитарного содержания» [Венедиктова 2004: 100].

Необходимо отметить, что исследователи применяют в работах как термин паремиологический, так и паремический дискурс. Термин

паремический дискурс был введен В.Г. Борботько [Борботько 1998], в другой работе В.Г. Борботько отмечается, что паремия рождается в дискурсе, а после становится основой для нового дискурса [Борботько 2011: 182]. «Сочетание паремиологический дискурс пока еще крайне редко встречается в исследованиях. В лингвистической литературе со словом паремиологический обычно соотносят фонд, материал, корпус и т.п., подразумевая при этом, как правило, некий объем пословиц, поговорок, присловий, дразнилок и прочих паремических единиц (в широком понимании)» [Горбань 2010: 24]. Нужно отметить, что паремия тяготеет к употреблению в диалогической речи, этот факт указывает на прикладной характер паремий, что дает основание опираться на следующее определение паремиологического дискурса: «коммуникативное событие, коммуникативный акт, в котором используется пословица», имеющий прототипическую диалогическую структуру, хотя он может эксплицитно иметь и монологическую форму высказывания (текст), а диалог с адресатом являться имплицитным и отсроченным во времени [Абакумова 2012: 66].

Паремии отражают представления о жизни конкретного общества, что является главным основанием выделить в качестве основных характеристик паремиологического дискурса «цельность, открытость, связность и общеизвестность» [Гриченко 2021: 113]. Также к специфическим признакам различных «микродискурсов», входящих в паремиологический дискурс, можно отнести клишированность, устойчивость, семантическую автономность паремий [Там же: 112].

Пословица – это всеобъемлющее высказывание, направленное на передачу истины, опыта или практического совета. Пословица является частью коллективной памяти языкового сообщества, представляет собой наследие народной или родовой мудрости. Пословицы содержат предупреждения и дают рекомендации, основанные на опыте поколений. Пословицу отличает краткость и афористичность [Паремиология без границ 2020: 32]. В кратких изречениях содержится поучительный характер, они

вливают на становление и укоренение норм личностного поведения, общения и т.д. В. Мидер обращает внимание на тот факт, что лишь после многочисленного использования на протяжении долгого времени одного выражения при определенных ситуациях, превратит его в пословицу [Mieder 2004: 4–5].

Приведем различные определения пословиц. В.И. Даль дает следующее определение: «пословица – это «коротенькая притча», суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности» [Даль 1861: 13].

Французский лингвист М. Балляр дает следующее определение пословицы: *«le proverbe est un énoncé fi gé complet visant à transmettre une vérité d'expérience ou un conseil de sagesse pratique; il fait partie de la mémoire collective d'une communauté linguistique (ou d'un de ses sous-groupes) et se présente comme un héritage de la sagesse populaire ou ancestrale; il est exprimé en une formule souvent lapidaire»* / Пословица – это исчерпывающее практическое высказывание, направленное на то, чтобы передать истину, приобретенную с опытом, или мудрый практический совет; она является частью коллективной памяти языкового сообщества (или одной из его подгрупп) и представляет собой наследие народной мудрости или мудрости предков; она часто выражается в лапидарной форме [Ballard 2009: 38].

Л.Б. Савенкова приводит следующее определение пословицы: «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное обобщающее изречение, хотя бы часть элементов которого наделена переносным значением и которое пригодно к использованию в дидактических целях» [Савенкова, 2002: 100]. В.М. Мокиенко отмечает, что пословица – это «логически законченное образное или безобразное изречение афористического характера, имеющее назидательный смысл и характеризующийся особой ритмической и фонетической организацией» [Мокиенко 2010: 12].

Таким образом, можно обобщить, определив пословицу как краткое высказывание, которое содержит мудрость и опыт поколений. Пословицы

передают общие истины, нравственные ценности и практические советы, обычно в форме краткой и запоминающейся фразы. Пословицы часто используются для обучения, убеждения или просто для передачи знаний, представляют собой важную часть культурного наследия и являются ценным источником мудрости и знаний, доступным каждому.

Представленные определения указывают на важность общеупотребительности пословиц, на их происхождение (народное изречение) и говорят о передаче опыта из поколения в поколение. Акцент на важности передачи опыта в определении пословицы делает М.А. Бредис: «общеупотребительное краткое обобщение человеческого опыта, стандартизированное для типичных жизненных ситуаций и выраженное в речи законченным устойчивым предложением, чаще всего с переносным смыслом» [Бредис 2017: 86]

В ракурсе проводимого исследования важно отметить, что пословицы представляют собой «застывшее осмысление того или иного концепта, сложившееся на протяжении длительного времени и менявшееся в зависимости от места, времени и условий проявлений концептуальных сущностей в жизни народа, отдельной группы людей, отдельного человека» [Степанов 1997: 41] и «являются непосредственным отражением ценности» [Паремиология без границ: 76], их тематика «довольна разнообразна, однако репертуар ориентирован на человека как центр мироздания, связанные с миром человека ценности» [Бредис 2020: 268].

Самой важной характеристикой пословиц является их общеупотребительность. Люди способны угадать пословицу по первому слову, и пословица способна вызвать образы, совпадающие у многих людей. В пословицах часто отражается взгляд социума на то или иное явление и его оценка: «обращаясь к пословицам и поговоркам того или иного народа, мы не перестаём удивляться точности выражаемых в них оценок» [Ничипорчик 2009: 181].

Пословицы, являясь воплощением языкового менталитета, участвуют в формировании ценностных установок личности [Паремиология без границ 2020: 67] и, следовательно, служат удачным минимальным контекстом для анализа культурных ценностей, поскольку возникают на фольклорной основе. Пословицы выступают основным источником отражения в языке знаний о картине мира ее носителей, в частности, ценностной. Таким образом, в языке реализуются культурно-национальные смыслы, связанные не только с исторической памятью народа, но и с архетипным и мифологическим мировоззрением, а также с национальными стереотипами, сакральными знаниями и ритуалами, нормами поведения, оценкой ситуаций из жизни народа и т.д.

В пословицах ярко выражена оценочность: «именно наличие смыслообразующих слов-компонентов в структуре пословично-поговорочных выражений определяет их особое, промежуточное положение в паремиологическом пространстве» [Жуков 2014: 19]. Пословичные выражения отличаются наличием большого количества маркированных компонентов. В рамках анализируемой нами диады «*paix - guerre*» примером наличия оценочности является пословица *Qui veut la guerre est en guerre avec soi* / (букв.) Кто хочет войны, тот находится в состоянии войны с самим собой. В данном примере представлено негативное отношение к войне, так как война с собой подразумевает отсутствие внутренней гармонии, которое ведет к конфликтам и тем самым к войне внешней, всегда имеющей серьезные последствия. Аксиологическое значение в данной единице усиливается с помощью слова *qui* / кто, имеющего обобщающее значение, то есть речь идет о любом человеке, который хочет войны.

Таким образом, с помощью пословиц можно проследить отношение этноса к какому-либо предмету, объекту, ситуации. Мудрость, отраженная в пословицах, не только позволяет проанализировать отношение социума к какому-либо аспекту, но и помогает человеку или отдельной группе людей при выборе способов поведения и в процессе создания текстов опереться на

пословицу, то есть на опыт других людей. При этом, в различных современных текстах пословица не обязательно воспроизводится дословно, может использоваться только ее метафорическая символика, выраженная с помощью тех же самых лексем [Anisimova 2023: 77].

Важно подчеркнуть, что с функциональной точки зрения пословицы направлены на удовлетворение основных биокогнитивных побуждений (опыта и научений) кодификации и комментирования состояния мира относительно определенного идеала [Goddard 2009: 69], а одним из основных принципов структурирования в пословицах, как и в других фольклорных жанрах, являются бинарные оппозиции, благодаря чему в них находят отражение не только ценности, но и антиценности. То есть пословицы так же, как и ценности могут иметь двойственный характер: «паремии, связанные с системой ценностей, являются амбивалентными, поскольку и сами ценности можно считать амбивалентными» [Паремиология без границ: 145].

Необходимо отметить, что паремиологический фонд языка включает в себя «пословицы, приметы, загадки, присловья, представляет набор ситуаций, отражающих межличностные отношения, несет информацию культурологического и прагматического содержания» [Ломакина 2019: 79]. Спецификой паремиологического дискурса является тот факт, что «сущностная составляющая паремиологического дискурса определяется базовым пониманием дискурса как коммуникативной ситуации во всей полноте ее осуществления, а также детерминируется сложным коммуникативным потенциалом его единиц, рассматриваемых в аспекте функционирования и учета внеязыковых факторов, влияющих на выбор, воспроизводство, восприятие и декодирование высказывания» [Гриченко 2021: 114–115].

О.Б. Абакумова выделяет два типа паремиологического дискурса:

1. совокупность пословичных мини-текстов, объединенных общей темой;
2. Изучение пословиц в актуализованном режиме [Абакумова 2012: 128].

Во втором типе паремиологического дискурса пословица выступает в качестве одной из реплик при осуществлении коммуникативного акта для достижения определенной цели. В данной работе паремиологический дискурс мы понимаем в первом значении и будем рассматривать в основном пословичный дискурс, поскольку из всех паремиологических единиц именно пословицы часто характеризуются как народная мудрость. Паремиологический дискурс «в многообразии полярных конфигураций, градуальных свойств, параллельных ракурсов представляет собой продуктивное поле, изучение которого всегда будет актуальным в силу его поликультурной природы» [Антонова 2021: 106].

Таким образом, в связи с тем, что любой этнос бережно относится к своим традициям и опыту поколений, проследить традиционное отношение к ценностям и антиценностям можно с помощью анализа паремиологического фонда того или иного народа. Как и в паремиях, ценностные ориентации находят отражение в песнях. Кроме того, песенный дискурс также является репрезентацией социокультурного контекста своего времени, отражая актуальные для общества темы и проблемы.

2.2.3. Песенный дискурс

Песенное творчество является актуальным материалом для лингвистических исследований, поскольку представляет собой особую форму, в которой сосредоточены культурно значимые и ценностные установки, преломляются актуальные события, происходящие в стране и мире; песни содержат значимые для этнокультурного сознания представления, смыслы и коллективные оценки [Потапчук 2014: 31]. Песни представляют собой явление не только культуры, но и литературы. Каждой эпохе свойственны определенные тенденции и направления в музыке. Язык в целом, как и язык песен, в частности, будучи явлением социальным, отражает процессы, происходящие в современном обществе [Ломакина, Нелюбова 2018: 36], и характеризует восприятие ценностей, типичное для периода создания того или иного произведения.

Как правило, текст песни предназначен для того, чтобы он сочетался с музыкальным текстом. Несмотря на то, что музыкальная тема отдельно может быть самостоятельным произведением, часто именно текст влияет на восприятие произведения слушателями, которые запоминают слова наизусть. Автор текста песни часто представляет себя эссеистом и провидцем повседневной жизни, который, при правильном слиянии с нотным текстом, воспроизведет на слушателя самое неизгладимое впечатление [Gaulin 1995: 9].

В настоящее время существует ряд работ исследователей в области песенного дискурса: Т.Н. Астафурова [2016], Л.Г. Дуняшева [2012], А.А. Игнатъев [2017], Н.С. Найденова [2013], Ю.Е. Плотницкий [2021], М.А. Потапчук [2013], О.В. Шевченко [2009], А. Gaulin [1990].

Песенный дискурс – это один из основных способов хранения и передачи культурного наследия многих народов, в котором отражаются социальные установки, национальные воззрения, ценности, стереотипы, культурные нормы поведения, передающиеся из поколения в поколение. Ю. Е. Плотницкий рассматривает песенный дискурс как «родовое понятие по отношению к текстам песен, характеризующихся определенными языковыми особенностями, отражающими культуру представителей той или иной страны» [Плотницкий 2005: 88].

Песенный дискурс определяется как «текст в совокупности с контекстами его создания и интерпретации, включая эффект, производимый им на слушающего в определенном историко-культурном контексте» [Дуняшева 2012: 10] и рассматривается как «особый вид передачи информации между участниками социальной группы. Он предполагает свой собственный вид коммуникации как процесс языковой деятельности посредством вокальных нетекстовых произведений» [Скрипко 2023: 281].

Характерными особенностями песенного дискурса являются полифункциональность, связь с традициями культуры, а также стереотипизация [Пысина 2018: 2], что дает основание рассматривать песенный дискурс как компонент национальной картины мира того или иного

этноса. «Песенный дискурс в лингвокультурологии, как правило, рассматривается в качестве богатого ресурса воспроизводства основных концептов и ценностей культуры» [Тепшеева 2020: 246], причем он «не только транслирует основные культурно значимые ценности и антиценности, но и в некоторых случаях навязывает их слушателям» [Янченко 2019: 4].

Песня является одним из механизмов формирования национального характера, единства. Нередко текст песни можно назвать самостоятельным, полноценным художественным произведением, чему способствует выбор рифмованного формата текста, а также интересного, порой вдохновляющего сюжета. Музыкальная составляющая придает тексту наполнение, а помогает в этом заданный темп, интонация, паузы, сила звучания. Музыка способствует передаче смысла и чувства, которые содержатся в тексте. Песенный дискурс является частью художественного дискурса и поэтому своеобразно отражает значимые для этнокультурного сознания представления, смыслы и коллективные оценки.

Песня передает эмоции, а посредством эмоций, она способна вызывать у человека различные ассоциации, образы, воспоминания, переживания, что может способствовать перемене настроения [Кремлев 1966: 35]. По мнению В. Митителло, музыка способна выступать «психологическим стимулятором и средством эмоционально-оценочной коммуникации» [Митителло 1996: 3], что прослеживается в песнях о мире и войне. Например, в песне *Columbine Adieu bientôt / Скоро простимся* (2018) автор говорит о своем детстве, а после передает свои чувства, говоря, что никогда не находился в гармонии и мире с самим собой: *J'me r'garde en face comme vérité, est-ce-que tout ça est mérité? Jamais en paix, pas d'RIP / я смотрю на себя честно, заслужено ли все это? Никогда нет состояния мира, никогда не в состоянии покоя.* В данном примере используется лексема *paix* как синоним внутренней гармонии, потому что она же противопоставляется известному выражению, которое произносят, когда кто-то умирает – *RIP (reste in peace / покойся с миром)*. Но автор говорит о том, что он никогда не сможет прийти к состоянию мира и прочувствовать его.

Музыка способна передать те чувства и эмоции, которые испытывает автор в момент написания произведения. Через текст или через мелодию можно проследить отношение автора и композитора к актуальным событиям современного общества. Можно утверждать, что песенный дискурс напрямую связан с экстрамузыкальными ситуациями, ведь тематика произведений может быть абсолютно разной, также, как и ситуации, при которых эти произведения исполняются.

Признаком понимания и общей признательности является то, что текст песни всегда доступен. В песне текст и музыка всегда дополняют друг друга, что позволяет окунуться в создаваемую атмосферу. Песенный текст является сложным культурным текстом, воплощающимся на вербально-мелодическом, поведенческом и ментальном уровне. Эти уровни взаимосвязаны, они взаимоопределяют и дополняют друг друга.

При исследовании языковой составляющей песенного текста мы обращаемся к среде, которая формирует, объясняет и дополняет содержание словесного компонента (музыкальный компонент, экстралингвистические факторы массовой культуры), а роль песенного текста как среды, в которую погружен адресат, выявляется при исследовании воздействия этого текста на слушателей. В отличие от художественных и стихотворных текстов, в песенном тексте во время взаимодействия музыки и слова образуется поле взаимного притяжения. Именно поэтому, как отмечают исследователи, «музыкальная речь» выражает мышление в известном смысле более совершенное, чем мышление в словах, более совершенное именно в силу своей свободы от слов.

Т.В. Лазутина считает, что музыкальный язык является особой знаковой системой, несущей эмоциональный и семантический типы информации, которой присуща многозначность, так как воспринимаемая музыка пропускается через жизненный опыт слушателя и преобразуется в его внутреннем мире [Лазутина 2009: 248].

Таким образом, в песенном тексте присутствует такой элемент, который легко способен преобразовываться во внутреннем мире его адресатов, влиять на их мировосприятие, и при этом он часто связан с их жизненным опытом, то есть максимально быстро находит точки соприкосновения с реальными событиями жизни своих адресатов. В современном песенном тексте обнаруживаются смысловые элементы, сходные с таковыми в фольклорных, лирических песнях, поэтому некоторые исследователи считают современную песню формой реализации фольклорного жанра [Богомолов 2004: 352].

Текст песни хранит в себе и традиционные текстовые свойства и уникальные характеристики, отличающие его от поэзии и других лирических произведений. «Современная песня, являясь масштабным феноменом музыкального плана, передает эмоции и, воздействуя на эмоционально-чувственный строй человека, способна пробуждать ассоциации, память о минувшем, переживания, способствовать перемене настроения» [Пашкова 2018: 186].

Песенный дискурс существует в пространстве культуры, следовательно, он обладает культурологической устойчивостью. Актуальность в рамках определенной социально-политической ситуации и широкий общественный резонанс той или иной песни являются основными и важными причинами данной устойчивости.

Песенный дискурс включает в себя разнообразные жанры и стили, каждый из которых имеет свои характерные особенности и выражение. Понятие жанра связывают с именем М.М. Бахтина, который определял жанр как «относительно устойчивый тип высказывания» [Бахтин 1996: 159]. Определенный жанр песен «обладает специфическими культурологическими особенностями, отражает языковые характеристики определенной социальной группы и участвует в формировании концептосферы слушателей» [Янченко 2019: 4]. Жанровое пространство песенного дискурса многогранно: «выделение жанров песенного дискурса является в достаточной степени трудной задачей из-за высокого уровня индивидуальности и субъективности

процессов порождения и восприятия песенного дискурса» [Шевченко 2009: 243].

В лингвистике проблемой речевых жанров занимались Н.Д. Арутюнова [1992], А. Н. Баранов [1993], М. М. Бахтин [1986], А. Вежбицкая [1997], Т.Г. Винокур [1993], В.Е. Гольдин [1978], В. В. Дементьев [2015], Е.А. Земская [1988], Г. А. Китайгородская [1999], М. Ю. Федосюк [1997], Т. В. Шмелева [1992] и др.

Под жанром песенного дискурса в рамках данного исследования вслед за В. Цуккерманом мы понимаем «вид музыкального произведения, которому присущи определенные черты содержания, который связан с определенным жизненным назначением и типом исполнения» [Цуккерман 1964: 60–61]. Каждый жанр направлен на реализацию определенных специфических функций, также в каждом жанре «используются специфические способы миромоделирования» [Потапчук 2013: 141].

В песенном дискурсе выделяют несколько основных жанров: рок, реп, поп, панк, метал, классическая музыка, баллада, блюз, фольклор и др. [Шевченко 2009]. Кроме того, песенный дискурс включает в себя также многообразие поджанров, которые отличаются по звучанию, особенностям. Мы будем рассматривать три вида песенных жанров: поп, фольклор, реп.

Для исследования аксиологической диады «раix – guette» в песенном дискурсе, необходимо обратиться к классификации народных жанров песенного дискурса, среди которых чаще всего выделяют «крестьянские песни, хроники о войнах и героях, детские песни, песни различных цехов и гильдий, охотничьи, солдатские и колыбельные песни» [Овсиенко 2020: 264].

Песенный дискурс, как форма выражения искусства, в значительной степени отражает актуальное понимание ценностей и антиценностей в обществе. Языковые средства, используемые в песнях, играют важную роль в передаче и распространении различных ценностей и идеологий. Приведем некоторые факторы, которые в песенном дискурсе влияют на восприятие ценностей.

В первую очередь, это – слова песни, представляющие собой наиболее эксплицитный способ для отражения ценностей. Текст может содержать обращение к важным общественным вопросам, призывы к действию, выражение уважения к определенным ценностям или критику антиценностей.

Метафоры и символика, использованные в песенных текстах, помогают визуализировать ценности и антиценности. Например, символическое изображение «света» может отражать добродетели и положительные ценности, в то время как «темнота» может символизировать антиценности или негативные аспекты общества.

Помимо текста и стилистических средств, важную роль играют музыкальная мелодия и ритм, которые также могут отражать ценности.

Исполнение и реакция слушателей также могут влиять на восприятие ценностей. Исполнители могут придавать песне собственную интерпретацию, что может усилить или изменить аксиологический смысл текста.

Интерпретация и восприятие слушателей может отражать актуальное понимание ценностей и антиценностей общества. Если песня вызывает сильные эмоции или обсуждения, это может указывать на ее значимость в контексте определенных ценностей.

Учитывая вышесказанное, отметим, что песенный дискурс является особым типом дискурса, влияющим на ориентации слушателя, его установки, принимаемые решения: «песенный дискурс глубоко аксиологичен и субъективен, представляя ценности и антиценности молодежной субкультуры через специфические образы, стиль жизни, своеобразие мироощущения» [Астафурова 2016: 98].

Таким образом, песенный дискурс является важным инструментом отражения и формирования ценностей и антиценностей в обществе. Он может служить платформой для обсуждения важных социальных вопросов и вдохновлять людей на действие в направлении ценностей, которые они поддерживают и которые присущи эпохе написания песен, что позволяет проследить не только восприятие отдельно взятых ценностей, но и их

эволюцию. Современное состояние ценностных ориентаций находит отражение в медиадискурсе.

2.2.4. Медиадискурс

С появлением интернета практически вся жизнь, в том числе и жизнь существующих печатных изданий, перенеслась в электронный формат. «Благодаря Интернету возросло не только количество подключенных к сети пользователей, но и также предложение опосредованных компьютером форм коммуникации» [Джабраилова 2019: 57]. СМИ стали объектом пристального внимания со стороны исследователей разных областей. Массмедиа активно используются для убеждения людей при достижении конкретных целей: «средства массовой информации становятся не только носителями культуры, но и средством манипулирования сознанием и настроениями людей с помощью предметов этой культуры» [Желтухина 2016: 293].

На современном этапе именно СМИ «формируют общественное мнение, влияют на различные процессы и создают особые настроения в обществе» [Дубовицкая 2020: 117], обуславливая восприятие человеком отдельных понятий и даже концептов. Средства массовой информации стали не только хранителем культуры, но и способом манипулирования разумом и представлением о мире, настроением людей. Более того, «развитие информационных технологий и становление Интернета как особого коммуникативного пространства коренным образом повлияло на традиционную массовую коммуникацию. Классический текст, понимаемый как законченное, завершённое смысловое единство, в пространстве Интернета претерпевает серьёзные изменения. Он становится гипертекстом, для которого характерны нелинейность, мультимедийность, интерактивность, незавершённость» [Иванова 2017: 121].

Значимые изменения в системе массовых коммуникаций привели к необходимости изучения языка медиа, что положило начало новому направлению в лингвистике – медиалингвистике. В употребление данный

термин был введен Т.Г. Добросклонской в 2000 году в работе «Вопросы изучения медиатекстов» [Добросклонская 2000]. Он был заимствован у британского ученого Д. Корнера, который предложил использовать термин *media discourse* [Corner 1998].

Разработкой понятийного аппарата медиалингвистики занимались такие ученые, как Л.Г. Антонова [2011], Н.А. Ахренова [2013], В.А. Буряковская [2014], Е.Л. Вартанова [2003], М. Войтак [2014], Т.Г. Добросклонская [2012], Л.Р. Дускаева [2014], М.Р. Желтухина [2003], В.И. Карасик [2002], Е.А. Кожемякин [2010], С.Л. Кушнерук [2020], Н.И. Клушина [2013], Н.Н. Оломская [2013], А.В. Олянич [2003], А.В. Полонский [2009], С.И. Сметанина [2002], Г.Я. Солганик [2005], В.Е. Чернявская [2006], Е.И. Шейгал [2000], Т.В. Шмелева [2015], А.А. Ширяева [2016] и др.

Термин «медиа» в широком смысле понимается как «средства осуществления коммуникации между различными группами, индивидуумами и (или) доставки любых содержательных продуктов аудитории. Медиа многочисленны и включают в себя средства массовой информации (газеты, журналы, книги, телевидение, кабельные сети, радио, кинематограф), отдельные носители информации и данных (письма, аудио и видеозаписи на любых носителях, компакт-диски), а также коммуникационные системы общества (телеграф, телефон, почта, компьютерные сети)» [Вартанова 2003: 330].

Основными терминами медиалингвистики являются *медиа́текст* и *медиа́дискурс*. Несмотря на существование большого количества дискурсов, самым актуальным объектом исследования на современном этапе развития общества является медиадискурс: «сегодня, в начале XXI в., все мы являемся свидетелями невиданной информационной мощи, достигнутой человечеством благодаря стремительному развитию информационных технологий» [Буряковская 2014: 15]. Медиапространство стремительно развивается, в связи с этим возрастает интерес к его изучению: «феномен медиа на сегодняшний день является вектором, задающим направление движения человеческой

жизни и отражающим состояние современного общества, поэтому изучение этого феномена становится наиболее популярным» [Гапутина 2021: 15].

Медиадискурс определяют как «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская 2006: 21], как «связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [Желтухина 2016: 293]. Е.А. Кожемякин определяет медиадискурс как «тематически сфокусированную, социокультурно обусловленную речемыслительную деятельность в масс-медийном пространстве» [Кожемякин 2010: 14].

Поскольку дискурс ориентирован на этих получателей, они часто не могут мгновенно реагировать на производителя дискурса, хотя с появлением новых медиатехнологий это становится проще. Сам письменный или устный дискурс ориентирован на читательскую аудиторию или аудиторию слушателей / зрителей.

Под медиадискурсом понимается «связный актуализированный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами, функционирующий в пространстве массмедиа» [Гапутина 2021: 17]. В пространстве медиадискурса выполняется ряд операций: выбор событий для создания новости, определение источников информации, поиск путей обеспечения определенной обратной связи, к которым относятся различные виды опросов, привлечение экспертов. Открывая телевизионные газеты с представленными в них событиями, помещая их в одну из газет и повторяя их в цикле, возникает эффект фокусировки внимания на эти новости, которые проникают в информационное поле, создавая впечатление, что они являются единственными, заслуживающими внимания.

Необходимо отметить, что на данном этапе «социальная действительность существует в сознании людей в виде когнитивных моделей, а в медиадискурсе она оязыковлена совокупностью текстов» [Кушнерук 2020: 94]. Согласно данной концепции, социальная действительность существует в сознании людей в форме когнитивных моделей, тогда как медиадискурс использует тексты для языкового описания этой действительности. Это подчеркивает важность роли языка и медиа в формировании понимания окружающего мира.

В рамках настоящего исследования для понимания отношения общества к различного рода ценностям, важно отметить особый статус комментариев под различными медиатекстами: «с развитием технических аспектов информационного поля и онлайн-журналистики у адресата появилась возможность включиться напрямую в публичный дискурс обсуждения проблем и новостей» [Каминская 2017: 386]. Анализ комментариев позволяет проследить современное отношение отдельного индивида, а также социальных групп к ценностям. В контексте аксиологической диады «*raix - gueghe*» показательным является следующий пример, взятый из комментариев под видео в видеохостинге Youtube: *Les armes sont plus fortes que les écrits / Оружие сильнее текстов*. Данный пример комментария под интервью журналистов на тему борьбы с терроризмом оставил один из зрителей данного видео. Это был ответ на рассуждения журналистов о том, нужно ли применять жестокие меры в отношении к террористам, или это может привести к еще большим последствиям. Таким образом, в комментарии слушатель высказал свою точку зрения, говоря о том, что написание комментариев, а также рассуждения на данную тему проблему не искоренят, а вот оружие способно это сделать.

В различных блогах и электронных вариантах журналов хранится информация, крайне важная для лингвиста-исследователя, ведь комментарий может оставить любой пользователь, потратив на это минимальное количество времени. Вслед за В.С. Джабраиловой и М.П. Фомичевой мы понимаем

медиадискурс как «совокупность различных средств массовой коммуникации и способов передачи информации, образующих медиасреду, которая, вследствие отсутствия информационных границ, обладает способностью меняться, развиваясь вместе с общественными явлениями и подстраиваясь под них» [Джабраилова 2019: 56].

Среди специфических особенностей и признаков медиадискурса выделяют [Желтухина 2004: 132]:

- 1) Групповую соотнесенность (читатель разделяет интересы, ценностные установки и взгляды своей группы);
- 2) Публичность (ориентированность на большое количество адресатов);
- 3) Диссенсную ориентированность (искусственное создание противоречивой ситуации для последующей дискуссии);
- 4) Инсценированность и массовую направленность (целенаправленное влияние на несколько групп одновременно).

Тематика массовой культуры, представленной медиатекстами, реализуется в дискурсообразующих модусах массовой культуры: развлекательный, мистический и воинственный, представленные так называемыми гламурным, магическим и агрессивным дискурсами соответственно [Буряковская 2014: 123]. Для нас важным является агрессивный дискурс, в котором репрезентируется анализируемая нами бинарная оппозиция *мир – война*.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что медиадискурс является самым быстрореагирующим на изменения из анализируемых нами типов дискурса, следовательно, посредством анализа медиатекстов можно проследить современное, актуальное отношение определенного этноса к ценностям и антиценностям.

Выводы по 2 главе

В результате анализа типов и особенностей дискурсивных практик в аспекте аксиологии и лингвоаксиологии установлено следующее.

1. Под дискурсом в его классическом понимании, восходящем к работам французских исследователей, понимается совокупность высказываний, которые порождаются или воспроизводятся в определенных социальных условиях, культурных обстоятельствах, индивидуально-личностных проекциях, в связи с чем обретают определенный социокультурный статус и должны пониматься и описываться вполне определенно. В современном лингвистическом понимании дискурс – это продукт речевой деятельности (текст) во всей совокупности формирующих и детерминирующих его как собственно лингвистических, так и экстралингвистических условий и факторов. Обязательную роль в процессе как порождения, так и понимании дискурса играет ментальная деятельность (в виде ментальных моделей, реализующихся в различных дискурсах).

В зависимости от приоритетного выбора собственно лингвистических и экстралингвистических условий и факторов, а также ментальных моделей, участвующих в порождении и реализации дискурса, дифференцируются его различные разновидности (в рамках тех или иных его типологий). Дискурсы в современной лингвистике различаются по коммуникативной сфере (бытовой, научный, технический, деловой, конфессиональный, массово-информационный, профессиональный и др.), по ориентации на адресата (персональный и институциональный), по прагматическим установкам (информативный, перформативный, аргументативный и др.), по характеру содержания и условиям реализации (административный, военный, политический, юридический, медицинский, спортивный, рекламный, педагогический, художественный, фольклорный, мистический, сценарный, музыкальный и др.).

2. Аксиологически значимое содержание различных видов дискурса предполагает их специфическую дифференциацию, основанную на отражении в них ценностных ориентаций и их эволюционной динамики. В этом плане наиболее репрезентативными видами дискурса можно рассматривать всего

три: фольклорный, массово-информационный (медиадискурс), а также песенный.

Фольклорный дискурс выступает не только основным в традиционном социуме носителем и хранилищем социально, культурно, исторически, этически и эстетически значимой информации, но и средством передачи и консервации менталитета данного этноса (либо его обособленной по каким-либо признакам части), основных парадигм и доминант массового сознания, знания и понимания жизни. В фольклорном дискурсе зафиксированы традиционные (константные) ценности, которые детерминируют культурную, социальную и ментальную идентичность данного народа. Фиксации ценностей в фольклорных текстах способствует как мировоззренческая, дидактическая и морализаторская функции фольклора, так и характерная для народной речи яркая оценочность в передаче фактов действительности. Наиболее типичной разновидностью фольклорного дискурса, в которой сконцентрированы все основные функции фольклора и особенности народной речи, является паремиологический дискурс. Паремии, до настоящего времени сохранившие актуальность своего содержания, наиболее репрезентативно отражают константные (минимально подверженные влиянию времени) ценностные доминанты национальной картины мира.

Песенный дискурс является органичным сочетанием литературных и музыкальных тенденций в культуре данного народа, выражает их историческую динамику. Будучи явлением не только эстетическим, но и социальным, песенный дискурс объективно отражает наиболее значимые социокультурные процессы и их общественную оценку. Песенный дискурс по своему предназначению и содержанию близок паремиологическому дискурсу, поскольку также является общественно значимым способом хранения и передачи социальных и культурных воззрений, установок, стереотипов, норм, передающихся из поколения в поколение и формирующих национальную идентичность. Песенный дискурс является важнейшим инструментом

отражения и формирования ценностей и антиценностей в обществе, характеризует как их актуальный состав, так и эволюцию в данном этносе.

Массово-информационный дискурс (медиадискурс) является основным средством формирования и трансформации общественного мнения по наиболее важным вопросам социальной и культурной жизни. Современный медиадискурс имеет преимущественно электронную форму как своего распространения, так и обратной связи, что порождает медиасреду, для которой характерно отсутствие информационных границ, и которая способна динамично развиваться, отражая актуальные общественные явления и порождая их многополярные оценки различными категориями носителей данной лингвокультуры. Признаки современного медиадискурса (групповая соотнесенность, публичный характер, ориентированность на дискуссию, инсценированность, направленность сразу на несколько групп массовой аудитории) способствуют открытому выражению в нем ценностных ориентаций и предпочтений, что позволяет диагностировать не только парадигму наиболее значимых на сегодняшний день ценностей и антиценностей, но и актуальное отношение к ним представителей данного этноса.

ГЛАВА 3

Функционирование диады «*raix – guerre*» во французском фольклорном, песенном дискурсах и медиадискурсе

В данной главе представлены результаты анализа особенностей репрезентации диады «*raix – guerre*» во французском паремиологическом дискурсе с точки зрения ее традиционного понимания. Эволюция восприятия данной диады была рассмотрена на примере песенного дискурса разных лет. Современное состояние ее функционирования было изучено на материале медиадискурса. С целью верификации полученных данных был проведен социолингвистический эксперимент, результаты которого также представлены в настоящей главе диссертационного исследования.

3.1. Функционирование диады «*raix – guerre*» во французском фольклорном дискурсе

Исследование традиционного восприятия аксиологической диады «*raix – guerre*» было проведено на базе французского паремиологического материала, отобранного путем сплошной выборки из интернет-словаря пословиц [Internaute. www.linternaute.fr] и французского паремиографического источника [Montreynaud, Pierron, Suzzoni 2006]. Данный словарь французских пословиц и поговорок был выбран нами в силу того, что представленные единицы сгруппированы в нем по тематическому принципу, что облегчает выбор материала, поскольку названия тематических объединений в словарях пословиц, построенных согласно данному принципу, отражают основные жизненные концептосферы [Мокиенко, Никитина: 2011:11], относящиеся, в частности, к семантическому полю «*raix – guerre*».

3.1.1. Функционирование компонента *raix* в паремиологическом дискурсе

Для анализа компонента *raix* ценностной диады «*raix – guerre*» нами был выбран интернет-словарь пословиц [Internaute. www.linternaute.fr]. Специальной подрубрики о мире в данном словаре нет. При введении в

поисковой строке слова *paix* был получен результат в 25 пословиц, наиболее репрезентативные из которых представлены в **таблице 1**.

Таблица 1. Общая характеристика пословиц с компонентом «*Paix*»

Количество единиц	Примеры	Перевод
24	1) <i>L'ignorance est la paix de la vie</i>	1) Незнание – жизненный мир
	2) <i>Il n'y a pas d'autre bonheur que la paix</i>	2) Нет другого счастья, кроме мира
	3) <i>La paix nourrit, le trouble consume</i>	3) Мир кормит, разлад поглощает
	5) <i>Où il y a amour, il y a paix.</i>	4) Там, где есть любовь, царит мир
	5) <i>On ne fait la guerre que pour faire enfin la paix</i>	5) Война ведется лишь для того, чтобы наконец наступил мир
	6) <i>Évite les querelles avec les hommes doux et pacifiques, et si quelqu'un frappe à la porte de la paix, ne va pas lui déclarer la guerre.</i>	6) Избегай ссор с мягкими и миролюбивыми людьми, а если кто-то пришел с миром – не объявляй ему войны
	7) <i>Mieux vaut paix que victoire</i>	7) Лучше мир, чем победа

Отметим, что в 19 из 25 пословиц с компонентом *paix* / мир присутствует лексема *guerre* / война, то есть представлены обе части изучаемой аксиологической диады. Например, в пословице *On ne fait la guerre que pour faire enfin la paix* / Войну начинают лишь для того, чтобы потом прийти к миру – можно проследить отношения диалектического взаимодействия, в которых находятся компоненты диады «*paix – guerre*», так как из одного (*guerre*) складывается другое (*paix*), соответственно, второй компонент не может существовать, если не будет первого. Диаметральные противоположные понятия *мир* и *война* зависят друг от друга: люди воюют только ради достижения мира, о чем говорит ограничительный оборот *ne...que*,

обозначающий «только, лишь», усиливающий оценочную семантику пословицы, то есть лишь ради мира идет война. Ради того, чтобы прийти к состоянию мира и начинаются некоторые войны. Подобное диалектическое взаимодействие позволяет говорить именно о диаде, а не об оппозиции противоположных понятий. Важно отметить, что в данной пословице присутствуют грамматические средства выражения общепринятого мнения, выраженные неопределенно-личным местоимением *on*. Стремление к мирному состоянию также выражает использование наречия *enfin* / наконец, а «темпоральная семантика наречия *enfin* чаще всего реализуется в асертивных высказываниях, основные цели которых – информирование собеседника о фактах окружающей действительности в хронологической последовательности» [Парамонова 2013: 89].

В примере *L'ignorance est la paix de la vie* / Незнание – покой в жизни можно видеть метафорический смысл понятия *мир*, который здесь переводится словом *покой*. В русском языке существует эквивалент данной пословицы – *Меньше знаешь, крепче спишь*. В данном контексте уместно упомянуть изречение Д. Оруэлла: «война – это мир, свобода – это рабство, незнание – сила». С одной стороны, то, что не касается напрямую человека, не интересует и не беспокоит его, но в случае с войной все по-другому. Война в традиционном понимании всегда касается каждого человека и игнорирование или незнание не освобождает никого от ответственности. Как писал философ Ф. Бэкон: знание – сила, о чем также говорит русская пословица *Предупрежден – значит вооружен*.

Второй пример: *Il n'y a pas d'autre bonheur que la paix* / Нет другого счастья, кроме мира. Через сопредельную ценность *счастье* данная пословица демонстрирует безусловную ценность мира. Состояние мира представлено в пословице как счастье. Аксиологический смысл усиливается с помощью употребления безличного оборота *il y a*, выражающего общепринятое понимание, оценку, в отрицательной форме, то есть – другого счастья не

может быть. Когда нет мира, не может быть счастья. Мир и счастье в данной пословице тождественны.

В примере *Paix nourrit, le trouble consume* / Мир питает, беда поглощает – говорится о том, что человек способен развиваться только тогда, когда царит мир. Когда царит разруха, разлад, то это ведет лишь к потерям, несчастьям. Здесь использован глагол *nourrir* / кормить, который чаще употребляется с одушевленными существительными. В данном случае человека кормит мир, ведь только в состоянии мира человек имеет возможность и кормить себя в прямом, материальном смысле, и развиваться духовно, что с помощью применения приема контраста противопоставляется второй части предложения, в которой употреблен глагол *consumer* / *пожирать, истреблять, истощать*. Любые невзгоды изнуряют человека, съедают его изнутри. Употребление глагола с такой экспрессивной семантикой указывает на важность мира.

В изучаемом контексте необходимо отметить связь темы войны с темой любви. В Средневековые рыцари демонстрировали свою силу, пытаясь добиться любви прекрасной дамы. Любовь часто спасала солдат на войне, ведь мысли о возлюбленной помогали бороться и не падать духом. В пословице *Où il y a amour, il y a paix* / там, где есть любовь, есть мир – также присутствует сопредельная миру ценность *любовь*. В той семье, где царит любовь, нет места ненависти и войне, там всегда будет мир. В данном примере мы видим использование безличного оборота *Il y a* / есть, имеется, который «присоединяясь к именной группе образует высказывание, в котором утверждается факт существования объекта» [Федоров 2014: 242].

Достижение мира – это сложный и многомерный процесс, который требует совокупности усилий и решений на многих уровнях, о чем говорит следующая пословица: *Évite les querelles avec les hommes doux et pacifiques, et si quelqu'un frappe à la porte de la paix, ne va pas lui déclarer la guerre* / Избегай ссор с кроткими и миролюбивыми людьми и, если кто-то постучится в дверь с миром, не объявляй ему войну. Данная пословица призывает не ссориться с

миролюбивыми людьми, ведь насилие порождает насилие, а добро – добро. Лексема *paix* противопоставлена лексеме *guerre*: данная пословица призывает избегать войну любыми средствами. Призыв выражается с помощью употребления повелительного наклонения, а условное предложение служит средством выражения коллективной оценки.

В ряде пословиц мир выступает как несомненная ценность: *Mieux vaut paix que victoire* / Лучше мир, чем победа. В данной пословице мир противопоставляется победе, которая, бесспорно, является целью любой войны. Однако мир является более ценным. Данный смысл выражен с помощью аксиологического маркера *mieux vaut* / лучше.

Наименования изученных подрубрик раздела «La guerre» и «les armes» тематической рубрики «La guerre et les armes» и пословиц с компонентом *paix* Словаря французских пословиц представляют совокупность образов и ассоциаций, связанных с войной и миром в традиционном языковом сознании носителей французского языка, отраженном в пословичном фонде. Понятия *война* и *мир* реализуются не только в традиционном понимании, но и в метафорическом. Символика войны, часто получающая выражение в языке через наименование разных видов оружия (меч, шпага, нож, лук, кольчуга, знамя, копьё), бывает разной и зависит от типа войны и их ассоциативного восприятия носителями французской лингвокультуры.

Анализ содержания пословиц в аксиологическом ракурсе, в том числе посредством изучения сопредельных ценностей позволил выявить некоторые особенности функционирования элемента *война* и *мир* в рамках диады «*paix – guerre*». В паремиологическом дискурсе прослеживается традиционное понимание мира как ценности и войны как антиценности во французском пословичном дискурсе, где мир воспринимается как самое ценное состояние, к которому нужно стремиться.

3.1.2. Функционирование компонента *guerre* в паремиологическом дискурсе

Пословицы военной тематики собраны составителями Словаря [Montreynaud, Pierron, Suzzoni 2006] в рубрике «La guerre et les armes» / война и оружие, в которой представлено 47 пословиц, содержащих соответствующие ключевые лексемы данного семантического поля. Рубрика состоит из двух разделов: 1. «La guerre» / война 2. «Les armes» / оружие, каждый из которых включает ряд подразбук. Названия подразбук первой рубрики, их количественный состав, примеры и перевод пословиц¹ представлены в **Таблице 2.**

Таблица 2. Общая характеристика пословиц подразбук «La guerre»

Название подразбуки	Количество	Примеры	Перевод
Guerre / Война	10	1) <i>Qui a fait la guerre, fasse la paix</i> 2) <i>Il n'est guerre que de loyaux amis</i> 3) <i>Guerre est marchandise</i>	1) Заключи мир тот, кто развязал войну 2) Война существует только среди верных друзей 3) Война — это товар.
Soldat / Солдат	8	4) <i>Au danger on connaît les braves</i> 5) <i>La crainte [ou peur] du gendarme est le commencement de la sagesse</i>	4) Храбрецы познаются в опасности 5) Боязнь солдата — начало мудрости
Ennemi / Враг	4	6) <i>Plus de morts, moins d'ennemis.</i>	6) Чем больше мертвых, тем меньше врагов
Sièges et batailles / Осады и сражения	4	7) <i>Ville gagnée, château perdu (ville prise, château rendu)</i>	7) Захвачен город – взят и замок
Armée / Армия	2	8) <i>Ou le peuple vit, le camp y peut bien vivre</i>	8) Там, где живет народ, может быть и военный лагерь

Проведенный анализ показал, что в первых 10 общих пословицах данного раздела присутствуют лексемы *guerre* / война (12 раз) и *paix* / мир (4

¹ Здесь и далее перевод автора – Т.Ф.

раза), то есть части исследуемой диады называются напрямую иногда в пределах одной единицы (см. пример 1), причем речь может идти не только непосредственно о войне как о военных действиях. Она может выступать также в метафорическом смысле: *A la guerre comme à la guerre* / На войне как на войне. В данном случае речь идет не только и не столько о ситуации войны, сколько о ситуации принятия важного решения, когда необходимо быстро устранить лишние сомнения.

Важно отметить, что в пословицах данной тематической группы война понимается не как запланированное стратегическое действие. В качестве потенциального врага выступают в основном коварные соседи [Montreynaud, Pierron, Suzzoni 2006: 163], поэтому пословица *Si tu veux la paix prépare la guerre* / Хочешь мира – готовься к войне, которая восходит к античной традиции (лат. *Si vis pacem, para bellum*), не является отражением реальной жизни Франции соответствующей эпохи.

В примере *Qui a fait la guerre, fasse la paix* / Заключи мир тот, кто развязал войну – представлен прием антитезы, «прием противопоставления контрастных по своему характеру словесных образов, раскрывающих противоречивую сущность обозначаемого, несовместимость различных сторон предмета, явления или самих предметов и явлений» [Новиков 1988: 24]. *Мир* как ценность и *война* как антиценность обозначены с помощью соответствующей антитезы, «приема контрастного противопоставления» [Бочина 2023: 74] глагола *faire* / делать (зд. *вести* или *начинать* войну и *заключать* мир, помириться). В первой части пословицы, где речь идет о войне, глагол стоит в прошедшем времени (Passé composé), обозначающем законченное, свершившееся действие или его начало, что говорит о том, что война уже началась, но ее необходимо закончить. Во второй части призыв к миру выражен формой *fasse* (уст. Impératif и Subjonctif présent). Призыв, который представлен использованием повелительного наклонения, является средством выражения оценочности. В данном примере *война*, по принципу антифразы заменена противоположным понятием *мир*. Таким образом, данные

оппозиции строятся на основе контраста, что является одним из наиболее ярких характеристик паремий: «оппозитивность, по признанию многих исследователей проverbsиального пространства, является одним из основных свойств пословицы» [Бочина 2023: 116].

Изучение данной подрубрики позволяет также выявить сопредельные ценности, которые показывают, как именно функционирует исследуемая диада в системе ценностей и языковом сознании носителей французского языка. Это дружба – вражда в следующем примере: *Il n'est guerre que de loyaux amis* / Война существует только среди верных друзей – и *богатство – бедность* (см. пример 3). В примере 2 о войне или вражде, исходящей от друзей, которых считаешь верными, прослеживается амбивалентность пословиц и в целом человеческого сознания, однако, точки аксиологических диад не всегда однозначно противопоставлены друг другу. Иногда ценность может быть представлена как антиценность и наоборот. Проведенный ранее анализ французских пословиц, в частности, показал, что «диада «дружба – вражда» отражает скорее диалектическое взаимодействие данных крайностей, чем пару «ценность – антиценность» [Нелюбова 2020: 120].

В примере 3 война сравнивается с товаром, то есть торговлей, которая предусматривает расходы, выгоду, обогащение одной стороны за счет другой. Действительно, двойственный характер понятия богатства не исключает желание быть богатым [Байрамова 2014: 248], но «при этом пословицы разных народов утверждают, что богатство должно быть заработано честным трудом» [Бредис 2016: 71].

Подрубрики носят названия, отражающие образы, связанные с войной. Подрубрика «soldat» включает 8 пословиц. Данные примеры отражают отношения между простыми солдатами и командирами: *Bon capitaine, bon soldat* / Хорош капитан, хорош и солдат; *Le soldat combat et c'est l'officier qui porte les galons* (пословица Мартиники) / Солдаты сражаются, а галуны достаются офицерам; *Cartes et dés, table de capitaine* / Карты и кости – капитанский стол. В приведенных примерах мы также можем наблюдать

амбивалентность оценок: в первом случае подчеркивается важная роль командира, а в двух последних смысл сводится к тому, что победа держится на простых солдатах, тогда как все почести достаются старшим по званию, которые, к тому же, могут проводить время не в боях, а за азартными играми. Положительная оценка выражена с помощью прилагательной оценочной семантики *bon* / хороший, которое, согласно терминологии Т.В. Маркеловой, можно отнести к знакам-функциям.

Среди сопредельных ценностей, не всегда эксплицитно выраженных, отметим *смелость* (пример 4), которой традиционно противопоставляется *трусость*, хотя в определенных ситуациях *страх* может быть первым шагом на пути к *мудрости* (пример 5), которая также выступает как сопредельная ценность, помогающая прийти к миру. Последний пример показывает, что смелость не должна граничить с безрассудством, которое может создать дополнительную угрозу для жизни. Таким образом, аксиологическая диада *жизнь – смерть* также тесно взаимодействует с диадой «*paix – guerre*», что нашло отражение и в подрубрике «*ennemi*» (4 единицы), о чем свидетельствует пример 6. В данном примере *Plus de morts, moins d'ennemis* / чем больше смертей, тем меньше врагов – используется контраст *plus* (больше) – *moins* (меньше) для передачи динамического противопоставления двух частей пословицы.

Подрубрики «*sièges et batailles*» / осады и сражения и «*armée*» / армия включают 4 и 2 пословицы, отражающие различные ситуации, возникающие в ходе войн (примеры 7, 8). В примере *Ville gagnée, château perdu (ville prise, château rendu)* / захвачен город – взят и замок – продемонстрирована военная ситуация, при которой произошла оккупация всего города, а соответственно и всех объектов, находившихся в нем. Пример *Où le peuple vit, le camp y peut bien vivre* / Там, где живет народ, может быть и военный лагерь – говорит о том, что война может разразиться где угодно, потому что у людей всегда достаточно поводов для войны. Данное утверждение усиливается благодаря использованию наречия *bien* / хорошо во второй части пословицы,

передающего смысл, что формирование военного лагеря может произойти довольно быстро и легко.

Результаты изучения подрубрики «Les armes» / *оружие* раздела представлены в **таблице 3** и дополняют приведенные выше данные и комментарии посредством изучения традиционной военной символики.

Таблица 3. Общая характеристика пословиц подрубрики «Les armes»

Название подрубрики	Количество единиц	Примеры	Перевод
<i>Arc (лук)</i>	4	1) <i>Débander l'arc ne guérit pas la plaie</i>	1) Снять лук – не значит залечить рану
<i>Couteau (нож)</i>	4	2) <i>Le couteau n'apaise pas l'hérésie</i>	2) Нож не остановит ересь
<i>Armure (доспехи)</i>	3	3) <i>Maille à maille se fait le haubergeon</i>	3) Петля за петлей – так создается кольчуга
<i>Étendard (знамя)</i>	3	4) <i>A l'étendard tard va le couard</i>	4) Трус поздно идет к знамени
<i>Lance (копье)</i>	2	5) <i>Qui a la lance au poing tout lui vient à point</i>	5) У кого копье в руке – к тому все приходит вовремя
<i>Épée (шпага)</i>	2	6) <i>A vaillant homme courte épée</i> 7) <i>L'épée use le fourreau</i>	6) Доблестному человеку – короткая шпага рус. Храброму длинная шпага не нужна 7) Шпага изнашивает ножны

Проведенный анализ показал, что в названиях подрубрик и в самих пословицах присутствуют наименования различных орудий (*arc* / лук, *couteau* / нож, *lance* / копье, *épée* / шпага), а также прочих образов и атрибутов,

связанных или ассоциирующихся с войной (*доспехи, знамя*) и являются ее символами в традиционном понимании. Данные образы служат метафорической базой для описания различных жизненных аксиогенных ситуаций, к которым В.И. Карасик относит аксиогенную (ценностнопорождающую) ситуацию «в виде концептов» [Карасик 2014: 65], которые могут быть представлены совершенно разными ситуациями: «удивительные, героические, жестокие, смешные, глупые и другие происшествия, оставшиеся в памяти людей» [Там же: 65].

Пример 1 говорит о том, что отказ от оружия или сожаление о содеянном не могут исправить причиненное зло и боль. В указанной единице комментария требует глагол *débander*, который означает не только *снять лук, ослабить тетиву*, но и *enlever une bande ou un bandage d'une partie du corps, d'une plaie* / снять повязку или бинт с какой-либо части тела, раны. Таким образом, он семантически соотносится как с первой, так и со второй частью пословицы, подразумевая, что с незалеченной раны нельзя снимать повязку. Данная пословица посредством военных образов подчеркивает ценность и важность *мира* и позволяет выделить в качестве сопредельных ценностей *жизнь* и *здоровье*.

Призыв к миру содержится и в примере 2, в пословице *Le couteau n'apaise pas l'hérésie* / **Нож** не остановит ересь. Нож в данном случае выступает символом войны и агрессии, которая не искоренит ереси. В примере 7 в пословице *L'épée use le fourreau* / **Шпага** изнашивает ножны также присутствует сопредельная ценность *здоровье*: метафорические образы шпаги и ножен, показывают, что излишняя активность *здоровье* изнашивает.

Некоторые пословицы порицают трусость (примеры 4, 6): *à vaillant homme courte épée* / доблестному человеку – короткая шпага. Долгие годы люди воевали друг с другом, для защиты нужны были отважные бойцы, готовые на отчаянные поступки, память о таких храбрецах, была запечатлена в подобных пословицах. Таким образом, данные единицы выявляют сопредельную аксиологическую диаду «храбрость – трусость».

В то же время, в ряде пословиц репрезентируется важность наличия оружия (образ *копья* в примере 5) или других атрибутов (*кольчуги* – в примере 3) для защиты от опасности. Таким образом, в пословицах данной тематической группы, как и многих других, присутствует указанная нами выше амбивалентность, причиной чего является следующий факт: «паремии в силу своей нравоучительной функции, усиливают выражение ценностно значимых смыслов, заостряют их в форме прескрипций, при этом в противоречивости этих прескрипций явлен весь сложившийся спектр точек зрения на то или иное явление, показана вся сложность жизненных ситуаций и их многомерность» [Ковшова 2016: 94].

3.2. Функционирование диады «*paix* – *guerre*» в песенном дискурсе

В данном разделе представлены результаты анализа репрезентации аксиологической диады «*paix* – *guerre*» во французском песенном дискурсе. Материалом послужили французские песни военной тематики разных лет, что позволило изучить эволюцию исследуемой ценностной диады в сознании носителей французского языка. Для достижения данной цели на платформах *appleMusic*, *YandexMusic* и в видеохостинге *YouTube* в поиске были введены слова *guerre* / война и *paix* / мир. Поиск выдал 102 песни (1960–2015 гг.), в которых присутствуют исследуемые лексемы. Всего песен, в которых фигурировало слово *guerre* было 52, со словом *paix* – 50.

Также отдельно был проанализирован сайт, под названием *lesartistespourlapaix.org (ALPL)*, на котором представлены рубрики из мира искусства, где артисты делятся своим творчеством, выступая за мир. Лозунг данного сайта – *faites de l'art, pas la guerre* / занимайтесь искусством, а не войной. В рубрике «*musique*» / «музыка» данного сайта представлено 50 песен, в текстах которых фигурирует как лексема *paix*, так и лексема *guerre*. Всего в зафиксированных текстах всех представленных произведений начала XX века по XXI век было обнаружено 192 случая употребления лексемы *guerre* и 214 – лексемы *paix*. Далее нами были исследованы контексты употребления данных

единиц с целью выявления аксиологической составляющей рассматриваемых концептов.

В первую очередь среди песенных произведений, которые можно отнести к военной тематике, необходимо упомянуть гимн Французской Республики *La Marseillaise* / Марсельеза, написанный в конце XVIII века. Его исполняют на всех матчах сборной Франции (во всех видах спорта), на национальном празднике 14 июля (день взятия Бастилии). Республиканским гимном Марсельеза стала в 1946 году. Песня, написанная композитором Р. де Лилем, изначально была создана для того, чтобы побудить бойцов отправиться в бой против Австрии в 1792 году. Сегодня она олицетворяет французский революционный дух и мощь республики: *Aux armes citoyens, formez vos bataillons* / К оружию, граждане, постройтесь в батальоны. В первом предложении подразумевается фраза с глаголом *prendre* / брать: *prenez vos armes* / возьмите свое оружие, также эффект прямого призыва подчеркивается повелительным наклонением, в котором употреблен глагол *former* (Imperatif: *formez*).

Призыв к оружию вызван тем, что против Родины был поднят флаг тирании: *Contre nous de la tyrannie, l'étendard sanglant est levé* / против нас поднят кровавый флаг тирании. Флаг определяется прилагательным *sanglant* / кровавый, что является экспрессивным оценочным средством с отрицательной коннотацией, эксплицитно выражающим враждебное намерение. Необходимо отметить, что «концепт *Patrie* несёт в себе в основном положительные коннотации для представителей французской лингвокультуры» [Анисимов 2021: 336], что можно проследить в гимне. Сопредельной ценностью в данной песне является любовь к Родине и к свободе:

<i>Amour sacré de la Patrie</i>	Святая любовь Отчизны,
<i>Conduis, soutiens nos bras vengeurs</i>	Проведи, поддержи нашу руку мести,
<i>Liberté, Liberté chérie,</i>	Свобода, дорогая свобода,

<i>Combats avec tes défenseurs!</i>	Борись вместе с твоими защитниками!
<i>Sous nos drapeaux que la victoire</i>	Под наши флаги пусть победа
<i>Accoure à tes mâles accents,</i>	Спешит громогласно,
<i>Que tes ennemis expirants</i>	Пусть твои поверженные враги
<i>Voient ton triomphe et notre gloire!</i>	Видят твой триумф и нашу славу!

Свобода сопровождается прилагательным *chérie* / дорогая, которое обычно используется по отношению к близкому, любимому человеку. Солдаты уверены в победе, которая представляется им возможным только благодаря любви Родины и любви к Родине. Использование сослагательного наклонения Subjonctif (*que tes ennemis voient*) выражает также желание победить врага, и чтобы враги почувствовали славу французского народа.

Для выявления основных тем военных песен, мы обратились к методу контекстуального анализа, представляющего собой процедуру «организации и обработки результатов исследования, основывающаяся на учете различных внешних и внутренних контекстов, в которых может проявляться исследуемый феномен» [Щербакова 2006: 41]. Отбор фактического материала (102 текста песен) проводился поэтапно:

1. Выбор жанра и эпохи: чтобы проследить эволюцию восприятия ценностей, нами был выбран период с начала XX века по сегодняшний день. Песни военной тематики чаще исполняются в жанрах фольклора, попа, репа, что обусловило наш выбор.
2. Составление списка песен: был составлен список песен (102), которые соответствуют выбранным параметрам. Были использованы базы данных музыкальных текстов, выбор песен обоснован их популярностью и важностью в контексте темы.

Проведенное исследование позволило выявить основную тему и основной образ французских песен:

- 1) любовь и война;
- 2) образ солдата на войне.

3.2.1. Любовь и война в песенном дискурсе

Об истории любви во время войны поют многие французские авторы, ведь «одним из традиционных концептов, воспроизводимым в песенной лирике о войне, выступает любовь» [Потапчук 2013: 141], поскольку герои войны, как говорится во многих песнях военной тематики, жили этим чувством. Любовь помогала им преодолеть трудности войны, найти силы, чтобы выстоять в бою, преодолеть страх ради любимого человека. В данных произведениях в качестве ценности выступает любовь, а война противопоставляется ей как антиценность. Приведем ряд примеров песен разных лет, представляя их в хронологическом порядке (с 1960 по 2015 гг.).

Тема любви была затронута в 49 из 102 проанализированных песен. Например, тема любви освещается в песне, исполненной Ш. Азнавуром (Charles Aznavour) *L'amour et La Guerre / Любовь и Война* (1960 г.) автора Б. Димея (Bernard Dimey):

<i>Pourquoi donc irais-je encore à la guerre</i>	Зачем же мне опять идти на войну,
<i>Après ce que j'ai vu, avec ce que je sais</i>	После всего того, что я видел, со
<i>?</i>	всем тем, что я знаю
<i>Où sont-ils à présent les héros de naguère ?</i>	Где сегодня бывшие герои?
<i>Ils sont allés trop loin chercher la vérité</i>	Ради правды они ушли слишком
<i>Tout ce que l'on apprend dans le regard des femmes</i>	далеко
<i>Ni le feu, ni le fer n'y pourront jamais rien</i>	То, что мы узнаём в отражении
<i>Car l'amour, et lui seul, survit parmi les flammes</i>	женских глаз
	Ни железо , ни огонь не изменят
	вновь

<i>Je ferai ce qu'il faut pour défendre le mien</i>	Лишь любовь способна выжить в пожарах , как раз
	Любой ценой защищу я свою любовь
<i>Pourquoi donc irais-je offrir ma jeunesse</i>	Так зачем я буду дарить кому-то свою молодость
	Когда счастье , быть может, от меня в двух шагах?
<i>Alors que le bonheur est peut-être à deux pas</i>	Я здесь, чтобы любить тебя, я хочу
<i>Je suis là pour t'aimer, je veux t'aimer sans cesse</i>	любить тебя постоянно
	Чтобы путь наш светился в прекрасных лучах.
<i>Afin que le soleil se lève sur nos pas</i>	

Автор пишет о том, что он уже был на войне, о чем свидетельствуют слова *Pourquoi donc irais-je encore à la guerre / зачем же мне опять идти на войну*. Глагол *aller* / идти употреблен в условном наклонении Conditionnel Présent, которое используется для выражения сомнения. Таким образом автор демонстрирует непонимание того, зачем ему возвращаться туда, где он видел ужас и смерть.

В данном тексте войне противопоставляется счастье: *le bonheur est peut-être à deux pas / счастье, быть может, от меня в двух шагах*, которое для автора заключается в любви, он говорит, что живет ради любви, что прослеживается через повторение глагола *aimer* / любить: *Je suis là pour t'**aimer**, je veux t'**aimer** sans cesse / Я здесь, чтобы любить тебя, я хочу любить тебя постоянно*. Однако автору приходится жертвовать своей молодостью ради из-за войны, это тревожит его, он задается вопросом, почему необходима эта жертва: *Pourquoi donc irais-je offrir ma jeunesse / почему же должен я дарить свою молодость*.

Автор говорит, что любой ценой готов защитить (*défendre*) свою любовь, которая выживает, пройдя через огонь (*flammes*) войны. Для героя песни Ш. Азнавура война выступает в качестве антиценности, потому что именно

война забирает у него возможность быть счастливым, а счастье проявляется в любви, которой его лишает война.

Тема любви неразрывно связана с образом солдата, что подтверждает большое количество песен, в которых говорится о том, что солдата спасла именно любовь или мысль о возлюбленной.

В проанализированной песне Ш. Азнавура можно проследить подобную связь, где любовь для солдата выступает как абсолютная универсальная ценность, способная остановить все самые тяжкие невзгоды, боль и даже войну. Например, в тексте песни, автором и исполнителем которой является М. Матье (Mireille Mathieu) *En rang soldats de l'amour / Стройтесь, солдаты любви* (1973 г.), есть следующие строки:

<i>Soldats en rang</i>	Стройтесь, солдаты!
<i>En rang soldats de l'amour</i>	Стройтесь, солдаты любви!
<i>Chantez soldats chantez dans le vent</i>	Пойте, солдаты, пойте на ветру,
<i>Partez soldats</i>	Идите, солдаты!
<i>Au nom de l'amour allez soldats en avant</i>	Во имя любви идите вперед, солдаты.
<i>Soldats en rang</i>	Стройтесь, солдаты!
<i>En rang soldats de l'amour</i>	Стройтесь, солдаты любви!
<i>Sauvez l'amour sans perdre de temps</i>	Спасите любовь, не теряя времени.
<i>Soldat la vie s'ennuie sans amour</i>	Солдат, жизнь тоскует без любви.
<i>Allez soldats en avant</i>	Вперед, солдаты любви!
<i>Un jour viendra le ciel nous entendra</i>	Придет день – небо услышит нас
<i>Et l'amour renaîtra enfin sur notre terre</i>	И любовь, наконец, возродится на нашей земле.
<i>Et ce jour-là nous aurons des enfants</i>	И в тот самый день у нас будут дети,
<i>Les enfants de l'amour n'iront pas à la guerre.</i>	Дети любви не пойдут на войну.

Солдата к победе ведет именно любовь, что демонстрирует фраза *Au nom de l'amour allez soldats en avant / Во имя любви идите вперед, солдаты*. Также

солдат сражается, чтобы любовь снова воцарилась на земле, их призывают вернуть любовь, используя глагол *sauver* / спасти – в повелительном наклонении *Impératif* (*Sauvez l'amour sans perdre de temps*/ спасите любовь, не теряя времени). Мир, за который борются солдаты, победит все невзгоды, в том числе войну, и следующее поколение уже не будет воевать, так как оно будет рождено в любви: *Les enfants de l'amour n'iront pas à la guerre* / Дети любви не пойдут на войну. Глагол *aller* / идти – употреблен в будущем времени *Le Futur Simple*, которое указывает на то, что это лишь предположение, нет четкого указания времени, ведь глагол не употреблен в *Le Futur Proche* (ближайшем будущем времени), которое обычно используется в случаях, когда нужно подчеркнуть, что действие произойдет скоро.

В песне Э. Роллес (Hélène Rollès) *Un an d'armée* / Год армии (1994 г.) написан Ж.-Ф. Порри (Jean-François Porry) рассказывается история о двух влюбленных, которые были разлучены на целый год. Автор пишет о том, что в 20 лет есть более интересные занятия, чем *apprendre à préparer la guerre* / учиться воевать. Именно прилагательные чаще всего являются оценочной лексикой: «любая категория оценочных слов ведет свое происхождение от прилагательного» [Балли 1955: 271]. В данной песне присутствует прилагательное отрицательной оценки *malheureux* / несчастный, цель которого показать, что война и армия делают людей несчастными:

<i>Un an d'armée c'est long</i>	Один год армии – это долго
<i>Pour deux amoureux</i>	Для двух влюбленных
<i>De quel droit nous a-t-on</i>	По какому праву
<i>Rendus malheureux?</i>	Нас сделали несчастными?

Образ солдата, пережившего ужас войны, раскрывается за счет употребления лексем оценочной семантики, значение которых указывает на эмоциональную подавленность: *malheureux* / несчастный. «Эмоционально окрашенные слова несут в себе положительную или отрицательную оценку, не просто обозначая предметы и явления, но и наделяя их дополнительным смыслом, формируя определенную эмоциональную атмосферу в контексте» [Ермолина 2015: 136].

Отрицательную коннотацию несет здесь и прилагательное *long*, показывающее, как долго длится год разлуки для влюбленных.

Среди песен о любви одной из самых известных является песня *La Lune Est Claire / Луна светла* (1999) – это песня Иностранного легиона неизвестного автора, в которой рассказывается о войне и надежде на любовь:

*La ville dort. J'ai rendez vous avec celle que j'adore / город спит, у меня встреча с той, кого я люблю. Легионер хочет увидеть свою возлюбленную. В данном предложении автор использует глагол *adorer* / обожать, что показывает его отношение к возлюбленной, обожаемой. Любовь в данной песне противопоставляется смерти:*

<i>Les légionnaires, les plus vaillants,</i>	Легионеры, самые доблестные
<i>Tombent sous le feu, le feu.</i>	Падают под огонь, огонь.
<i>Mais ton amour Jeanine m'a protégé.</i>	Но твоя любовь, Жанин, защитила меня

В данных строках прослеживается сопредельная диада «жизнь – смерть», реализуемая на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. На уровне лексики по отношению к любви употреблен глагол *protéger* / защищать. Из грамматических форм использована превосходная степень прилагательного *les plus vaillants* / самые доблестные, но наш герой, по отношению к которому не употреблено данное прилагательное, смог спастись во время этой войны лишь благодаря любви: *Mais ton amour Jeanine m'a protégé* / но твоя любовь, Жанин, защитила меня. Данное противопоставление на синтаксическом уровне также выражается в использовании противительного союза *mais* / но.

В песне автора и исполнителя Т. Янна (Tri Yann) *Guerre, guerre, vente / Война, война, дует ветер* (1999 г.) мужчина испытывает радость от того, что наконец вернулся домой:

<i>Bonjour ma mie qui m'est chère</i>	Здравствуй, моя милая, самая дорогая,
<i>revoilà ton cher aimant</i>	вот и я, твой любимый,
<i>Bonjour ma mie qui m'est chère</i>	

<i>revoilà ton cher aimant</i>	Здравствуй, моя милая, самая дорогая,
<i>Je suis las de trop de guerres sans</i>	вот и я, твой любимый.
<i>voir grandir mes enfants</i>	Я слишком устал от войн, я не видел,
<i>Je suis las de trop de guerres, guerre,</i>	как выросли мои дети,
<i>guerre, vente, vent.</i>	Я слишком устал от войн, война, война, дует ветер, ветер.

Солдат, говоря о том, как он устал от войны, использует прилагательное *las* / усталый –, которое обозначает сильную физическую усталость, то есть помимо моральной усталости, в первую очередь его тело измучено от большого количества войн: *je suis las de trop de guerres* / я устал от того количества войн. В данном предложении также использован интенсификатор *trop* / слишком, который служит для усиления эмоционального контекста. Солдат провел много времени на войне, что подтверждают следующие слова в той же строке: *sans voir grandir mes enfants* / не видя, как росли мои дети.

Вернувшись, автор планирует сделать все то, что ему было недоступно: *après tant d'années de guerre, j'aurai tant et tant de temps* / после стольких лет войны, у меня будет время. Самыми главными ценностями для него выступают семья и дружба: *mes amis plus que naguère vous me verrez bien souvent* / мои друзья, вы будете видеть меня чаще, чем раньше. Наречие *naguère* / недавно, в недавнем прошлом – показывает, что за короткий период времени все может измениться.

Тема любви и войны также прослеживается в песне исполнителя Зази (Zazie) *Adam et Yves* / Адам и Ева (2001), написанной автором Д. Копфом (Joël Kopf):

<i>Ils ont commis le péché originel</i>	Они совершили первородный грех
<i>Ils n'auront pas d'héritiers</i>	У них не будет наследников
<i>Mais quel amour est idéal ?</i>	Но какая любовь идеальна?
<i>Qui est normal ?</i>	Кто сейчас нормальный?

<i>Ils vont de fêtes en défaites</i>	Они переходят от праздников к поражениям
<i>Glamour toujours</i>	Гламур всегда
<i>Pourtant la guerre, ils l'ont faite</i>	Однако это война, которую они
<i>Pour oser s'aimer au grand jour</i>	начали
<i>S'aimer d'amour.</i>	Чтобы осмелиться открыто любить друг друга
	Любить друг друга любовью.

Под войной в данной песне автор подразумевает сложные отношения влюбленных друг с другом. За основу автор берет библейский сюжет Адама и Евы, которые совершили грех (*Ils ont commis le péché originel* / Они совершили первородный грех). Они сами начали эту войну: *Pourtant la **guerre**, ils l'ont faite* / однако они начали эту войну. Война понимается в данном примере как *вражда* в паре. Но также автор говорит, что не бывает идеальной любви (*Mais quel amour est idéal?* / Но какая любовь идеальна?) и призывает просто любить друг друга, повторяя два раза глагол *s'aimer* / любить друг друга (*Pour oser s'aimer au grand jour, S'aimer d'amour* / *Чтобы осмелиться любить друг друга откровенно, любить друг друга с любовью*), чтобы прекратить эту никому не нужную войну. Автор призывает героев не стесняться любить друг друга, используется выражение *au grand jour*, которое помимо первого значения – *при дневном, ярком свете* имеет второе значение – *открыто, откровенно*. Также большое значение, придаваемое любви, прослеживается в троекратном употреблении слов с семой «любовь» в одном предложении: *s'aimer* / любить друг друга (2 раза), *amour* / любовь.

Текст песни исполнителя Н. Сан-Пьер (Natasha St-Pier) – *A l'amour comme à la guerre* / *В любви как на войне* (2006 г.) написан автором Э. Эсме (Elodie Hiesme). В ней автор затрагивает другую, не менее важную проблему. Женщина страдает от любви, а мужчина не отвечает взаимностью, он выбрал другую женщину, и автор песни считает, что любовь – оружие на поле боя.

<i>Attendre la peur aux entrailles</i>	Ждать со страхом в душе,
<i>Que tu viennes nous achever</i>	Что ты придешь покончить с нами
<i>Nos vies comme un champ de bataille</i>	Наши жизни – как поле для битвы
<i>Et l'amour pour s'entre-tuer</i>	И любовь, чтобы убить друг друга
<i>Et l'amour pour s'entre-tuer.</i>	И любовь, чтобы убить друг друга.

Женщина по-настоящему боится и видит любовь как поле битвы, сравнивает любовь с войной:

<i>A l'amour comme à la guerre</i>	В любви как на войне,
<i>A l'amour comme à la guerre</i>	В любви как на войне
<i>Du paradis à l'enfer</i>	Из рая в ад –
<i>C'est l'amour comme à la guerre.</i>	В любви, как на войне, все средства хороши.

Автор сравнивает жизни двоих людей с полем битвы (*Nos vies comme un **champ de bataille*** / Наши жизни – как поле битвы), на котором оружием выступает любовь (*Et l'amour pour s'entre-tuer* / И любовь, чтобы убить друг друга), но такое оружие будет направлено не на кого-то одного, а на обоих партнеров, на что указывает возвратный глагол *s'entre-tuer* / убить друг друга. В данном примере прослеживается смежная диада «ад – рай», присутствует троп сравнения, в котором автор сравнивает жизнь с полем битвы, местом, где обычно происходит настоящий бой, сражение. Такое сравнение строится на сопоставлении двух явлений по общему признаку, соответственно, автор считает, что жизнь действительно представляет собой место для боя.

Далее автор обращается к пословице *à la guerre comme à la guerre* / на войне как на войне, изменяя первую лексему *guerre* / война на *amour* / любовь: *à l'amour comme à la guerre* / в любви как на войне. В конце рефрена автор прибегает к приему обобщения, применяя оборот *c'est* (это есть) рядом со словом *amour* / любовь: *C'est l'amour comme à la guerre* / досл. это любовь как на войне. Это выражение является устойчивым и переводится как «в любви и на войне все средства хороши». Эта фраза используется для описания поведения людей, которые не следуют предписанным обществом правилам,

что также означает, что во время войны люди не соблюдают правила честной игры.

Также тема любви прослеживается в песне исполнителя Люка (Luke) – *c'est la guerre* / Это война (2015), написанной С. Нобиле (Cyrille Nobillet), Ф. Бонне (François Bonnet) и Т. Буларом (Thomas Boulard). В тексте данной песни много раз повторяется строка *ici c'est la guerre* / здесь война. Строка *y'a plus d'amour, plus de salive, y'a que des corps qui se chevauchent* / больше не осталось ни любви, ни слюны, а только лишь тела, которые соприкасаются друг с другом. В данном примере видно, что для персонажа любовь больше не важна, он не может больше испытывать подобные эмоции, на войне нет места чувствам. Отрицание *ne...plus* / больше не – указывает на то, что любовь жила в его сердце, но теперь ее больше нет. Сразу после отрицания (*ne...plus*) употребляется ограничительный оборот *ne...que* / только, лишь, который усиливает тот факт, что не осталось ничего, кроме лежащих бесчувственных тел. Лексема *salive* / слюна – употреблена также с отрицанием, что может отсылать к устойчивому выражению *perdre sa salive* / говорить попусту. Это означает также нежелание говорить бесцельно о чем-либо, тратить драгоценное время и слова, ведь на войне это не имеет смысла.

В песне исполнителя и автора Ж. Армане (Juliette Armanet) *A la guerre comme à l'amour* / На войне как в любви (2017 г.) девушка поет о том, как ей тяжело видеть любимого человека, который уходит на войну, как тяжело с ним расставаться:

Doucement, je vois tes yeux

Медленно я вижу твои глаза

Qui s'éloignent de moi

Которые отдаляются от меня

Наречие *doucement* / медленно – показывает нежелание девушки прощаться с любимым, она пытается замедлить время.

В первом припеве автор говорит о том, что на войне, как и в любви, ты всегда выигрываешь, также используя за основу аллюзию к половице *à la guerre comme à la guerre* / на войне как на войне, заменяя вторую единицу *guerre* / война на *amour* / любовь:

<i>À la Guerre comme à l'Amour</i>	На войне, как и в любви
<i>Ah, tu gagneras toujours</i>	Ты выиграешь в любом случае

Автор использует глагол *gagner* / выигрывать – с наречием *toujours* / всегда, применяя его и к войне, и к любви. Также интересно, что слово *amour* / - любовь - написано в тексте песни с большой буквы, что говорит о важности данного чувства, оно важно в любой ситуации, а особенно – на войне.

Но в конце, после ее размышлений, она понимает, через что ей пришлось пройти, сколько слез ей пришлось пролить и поет следующие строки:

<i>À la Guerre comme à l'Amour</i>	На войне, как и в любви
<i>Ah, on perd, un peu, toujours</i>	Мы все всегда немного проигрываем

В конце песни автор прибегает к антониму глагола *gagner* / выигрывать – *perdre* / проигрывать, что показывает разочарованность в любви, ведь все, в итоге, оказываются в проигрыше.

Анализ песен о войне и любви были выявлены сопредельные ценности аксиологической диаде «*paix – guerre*»: *amour* / любовь, *patrie* / родина, *famille* / семья, *bonheur* / счастье, *amitié* / дружба. Удалось проследить эволюцию понятия любви в песнях военной тематики (1994–2017 гг.), где в начале любовь на войне была чувством, ради которого солдат готов был бороться дальше, ведь именно любовь его возлюбленной давала ему сил продолжать бой.

Эволюция темы любви на войне связана с эпохой, в которой были написаны песни. Большое количество войн в XX веке обусловило традиционное понимание войны в песнях того времени, где солдаты воспринимались всегда как герои, готовые защитить родину, семью, близких. В XXI в., отличающемся возникновением региональных конфликтов, война стала выступать синонимом понятий *ссора*, *спор*. Образ солдата также претерпел изменения, ведь в XXI в. внешняя политика Франции сильно изменилась, что повлекло за собой также и социальные изменения, направленность на индивидуализм стала проявляться все более четко.

Подобный индивидуализм, а также стремительное развитие технологий стали причиной восприятия солдата как человека, который решил бросить свою семью и уйти воевать.

Таким образом, характер войны эволюционирует на протяжении веков: изменился военно-технический облик, оружие, масштаб, характер разрушений, воздействие на жизнь общества. Логика войны, тем не менее, остается неизменной.

Проведенное исследование показало, что важную роль в создании аксиологического смысла песен военной тематики о любви играют средства выражения оценки. Наиболее обширный пласт оценочной лексики в нашем исследовании составляют прилагательные, так как они присутствуют в большинстве оценочных предложений.

3.2.2. Образ солдата на войне в песенном дискурсе

Главным действующим лицом любой войны является солдат. Образ солдата нам встретился в 100 из 102 проанализированных песен.

Одной из самых известных первых французских солдатских песен стала песня *Adieu Vieille Europe* / Прощай, старая Европа – это военная песня Иностранного легиона из фильма 1931 года «Сержант Х». В нем рассказывается история солдата, вступившего в батальон в Алжире. Чтобы придать смелости и надежды солдатам, в песне можно увидеть множество отсылок к природе, солнцу и смене пейзажей:

<i>Adieu vieille Europe</i>	Прощай, старая Европа.
<i>Que le diable t'emporte,</i>	Черт тебя возьми.
<i>Adieu vieux pays,</i>	Прощай, старая земля
<i>Pour le ciel si brûlant de l'Algérie</i>	Ради столь знойного неба Алжира.
<i>Adieu souvenir, notre vie va finir</i>	Прощайте, воспоминания, нам скоро не жить
<i>Il nous faut du soleil, de l'espace,</i>	Солнце и пространство нам нужны,

Pour redorer nos carcasses.

Чтобы вновь стали бронзовыми наши
тела.

Солдаты прощаются со своим домом, используя слово *adieu* / прощай, а не *au revoir* / до свидания, что передает исчерпанность действия. Также в данном фрагменте на первый план выходит мотив прощания с родной землей, который выражается на грамматическом уровне в использовании ближайшего будущего времени *Le Futur Proche* (*notre vie va finir* / наша жизнь скоро закончится), которое указывает на скорую реализацию какого-либо действия. Таким образом, солдаты уверены в том, что они больше не вернуться домой.

Nous les blessés de toutes les guerres, Мы, раненные всеми войнами

Nous ne pouvons pas oublier Мы не можем забыть
Un malheur, une honte, une femme Несчастье, стыд, обожаемую
qu'on adorait женщину

Автор использует существительное *les blessés* / раненные, говоря больше о душевных ранах, которые наносит война каждому солдату, ведь они никогда не смогут забыть ужасы и несчастья, которые им пришлось пережить (*Un malheur, une honte* / несчастье, стыд). В данном фрагменте используются существительные с эксплицитно выраженной отрицательной коннотацией: *blessés* / раненные, *malheur* / несчастье, *honte* / стыд.

Говоря о выборе, те солдаты, которые отказались участвовать в военных действиях, назывались дезертирами. Самыми известными строками о таком «выборе» стали строки Бориса Виана *Le déserteur* / Дезертир, написанные во время Индокитайской войны (1946–1954 гг.). Композиторами данной песни выступили Гарольд Берг и сам Борис Виан.

Je viens de recevoir Я только что получил военную
Mes papiers militaires повестку
Pour partir à la guerre О том, что я должен пойти на войну
Avant mercredi soir До вечера среды

<i>Monsieur le Président</i>	Господин Президент,
<i>Je ne veux pas la faire</i>	Я не хочу этого делать
<i>Je ne suis pas sur terre</i>	Я живу на этой земле
<i>Pour tuer des pauvres gens</i>	Не для того, чтобы убивать бедных людей
<i>C'est pas pour vous fâcher</i>	Это не сказано для того, чтобы обидеть вас,
<i>Il faut que je vous dise</i>	Но я должен сказать
<i>Ma décision est prise</i>	Что я принял решение.
<i>Je m'en vais désertier.</i>	Я буду дезертиром.

В данной композиции сопредельной диадой выступает *жизнь – смерть*, или *убийство – спасение*, так как именно из-за нежелания причинять боль другому человеку, Виан принимает решение о дезертирстве. Негативно окрашенный глагол *fâcher* / злить – в данном случае использован не по отношению к войне, а по отношению к президенту, автор говорит, что он не хочет никого сердить, просто не может убивать. Также, глагол с негативной оценкой *tuer* / убивать – использован здесь с благими намерениями, показать, что он отказывается от убийств. Глаголы с ярко выраженной отрицательной коннотацией использованы автором для того, чтобы передать весь ужас войны, то, от чего автор отказывается в пользу мира, демонстрируя свое пацифистское намерение. Он не хочет идти на войну (*je ne veux pas la faire*). Даже это письмо, адресованное президенту, он пишет не с целью обидеть или разозлить главу государства (*c'est pas pour vous fâcher*), а для того, чтобы честно сказать, что он будет дезертиром. Использование лексики с отрицательной коннотацией в качестве противопоставления своей гражданской позиции является еще одним доказательством амбивалентности понятий *ценность* и *антиценность*.

Чувство, которое солдаты испытывают на войне – любовь к родине. Патриотизм – это любовь и преданность своей Родине, своему народу. Тема патриотизма прослеживается в песне *Les Aigles Triomphales* / Триумфальные

орлы (2010 г.) – это песня, которую часто исполняет хор Сен-Сира и которая получила одобрение от первой Французской империи: действительно, Наполеон I изменил древки флагов с пики на орла из-за имперских амбиций. Титул Наполеона – Император Франции и король Италии, что подразумевало важность итальянского королевства для наполеоновской империи, а бронзовые орлы являлись военными атрибутами Римской империи. Орел также символизирует силу и военную победу. Она похожа на песню *L'enfant de Strasbourg* / Дитя Страсбурга, которая повествует о войне 1870 года и, следовательно, о Второй империи. Это наследие прошлого – исторические музыкальные произведения, которые французы стремятся сохранить. Они также входят в репертуар песен французской сухопутной армии. Вот начало песни *Les Aigles Triomphales*:

<i>les aigles de bronze,</i>	Бронзовые орлы,
<i>emblèmes des victoires</i>	символы побед,
<i>qui dorment sous l'ombre des drapeaux,</i>	которые дремлют под сенью флагов,
<i>réveillez-vous pour la gloire future;</i>	проснитесь для будущей славы;
<i>La France est prête</i>	Франция готова
<i>pour de nouvelles batailles sous le</i>	к новым битвам под солнцем,
<i>soleil,</i>	где бродят мечты,
<i>où les rêves errent,</i>	когда в определенные дни звучит
<i>quand certains jours sonne le klaxon</i>	Горн «на полях»
<i>"dans les champs"</i>	разве мы не говорим, что наши герои
<i>ne disons-nous pas que nos héros</i>	сражаются за свою Родину?
<i>se battent pour leur Patrie?</i>	

Военные придают большое значение образу орла, поскольку орел является одним из древнейших символов вечной жизни, мужества, силы. В данной песне образ бронзового орла также связан с победой (*les aigles de bronze, emblèmes des victoires* / бронзовые орлы, символы побед), лексическая единица *emblème* может переводиться не только словом *эмблема* на русский язык, но и обозначать *знак, символ*.

В песне исполнителя Ф. Паньи (Florent Pagny) – *Le soldat / Солдат* (2003 г.) автора М. Бастид (Marie Bastide): *mais je suis un soldat, je serai bientôt là et tu seras fière de moi* / но я солдат и скоро я буду там, а ты будешь гордиться мной. Солдат, представляя, как им будут гордиться, лелеет надежду в сердце и сражается за свою страну. Здесь использовано наречие *bientôt / скоро*, которое показывает уверенность солдата в своем возвращении домой, но при этом, использование простого будущего времени (Le Futur Simple) говорит нам о том, что солдат не знает, когда именно будет дома, но знает, что это произойдет.

Военная песня *Ô douce France / О, милая Франция* (2003 г.) – это песня Иностранного легиона, а также традиционная французская военная песня, которую регулярно можно услышать на военных парадах или торжествах в честь солдат, особенно павших в бою. В песне подчеркивается красота Франции и утешение, которое она может дать солдатам, которые там не находятся, в связи с их миссией за границей. Это песня, которая позволяет лучше пережить временное изгнание из Франции, нахождение за границей. Вот как она начинается: *Ô douce France, Mon beau pays, Lieu de mon enfance, Du bonheur des chansons et des rires, Ta souvenance, Berce ma dolence, D'un chant d'espérance*» / О, милая Франция, Моя прекрасная страна, место моего детства, счастья песен и смеха, память о тебе, укрой мою болезнь песней надежды.

В данном случае также прослеживается сопредельная ценность – любовь к Родине, ведь автор использует эпитеты, которые выражают нежное отношение к Франции: *douce* / мягкая, нежная, *beau* / красивая. Для автора пребывание на Родине и есть счастье, ведь он пишет о проведенном на Родине детстве, которое было счастливым, используя для выражения эмоционально окрашенные существительные с положительной коннотацией: *bonheur* / счастье, *rires* / смех. Также автор обращается к Родине за помощью, просит дать ему надежду, укрыв от всех невзгод. Глагол *bercer* / - убаюкивать, укачивать - часто используется для ситуаций, в которых мать укладывает и убаюкивает своего ребенка, соответственно можно предположить то, что

автор говорит о Родине с таким же трепетным чувством, будто сравнивает ее со своей матерью.

Несмотря на то, что война выступает в качестве антиценности, традиционный архетипический образ *солдата* может положительно оцениваться в песнях. В данном контексте важно отметить, что характерными особенностями песенного дискурса являются полифункциональность, связь с традициями культуры, а также стереотипизация [Пысина 2018: 2]. Кроме того, «героическая личность по своей природе не может ограничиться следованием предписаний и ролевых стратегий, совершая подвиг, она выходит за рамки шаблонов поведения и переходит в разряд исключительной» [Омеличкина 2013: 37], что может быть отнесено и к образу солдата. Вспомним, что стереотипные представления входят в понятие «лингвокультурный типаж», так как он является обобщением» [Карасик 2009: 183]. Любое поколение нуждается в героях, а песни, будучи культурным текстом, который сильно воздействует на слушателя, безусловно призваны вдохновлять мужчин воспитывать в себе героизм солдата. Тем не менее, в оценке образа солдата присутствует амбивалентность. Кроме того, отметим, что солдат может выступать и в качестве символа войны.

В песне исполнителя Ж. Сериес (Jaque Serieys) *Ne joue pas au soldat* / Не играй в солдата (1968) автора П. Дальбера (Paul Dalbert) оружие противопоставляется детским игрушкам:

<i>Ne joue pas aux soldats</i>	Не играй в солдатиков
<i>Mon cher petit bonhomme</i>	Мой дорогой человек
<i>Les sabres et les fusils</i>	Сабли и ружья
<i>Ne sont pas des jouets.</i>	Это не игрушки.

Автор сравнивает настоящих солдат с игрушечными солдатиками (*jouets* / игрушки). Он делает это для того, чтобы показать, что настоящая война – это не игрушки, что настоящее оружие, которое применяет в бою солдат (*sabres* / сабли, *fusils* / ружья) сделано для того, чтобы убивать. Данное противопоставление игры и настоящей войны дано с целью

продемонстрировать тот факт, что в любой игре в конце объявляется победитель, игра заканчивается мирно, и все расходятся. В настоящей войне проигрыш может стоить людям жизни.

Амбивалентность оценки образа солдата показана в песне исполнителя Франс Галь (France Gall) *Mon petit soldat* / Мой маленький солдат (1970), написанной Жаком Монти (Jacques Monty):

<i>Mon petit soldat est mort</i>	Мой маленький солдат умер.
<i>Il jouait du tambour</i>	Он играл на барабанах.
<i>Mon petit soldat est mort</i>	Мой маленький солдат умер.
<i>Il me parlait d'amour</i>	Он говорил мне о любви.
<i>Il jouait à l'amour à la guerre</i>	Он играл в любовь на войне
<i>Il mettait des fleurs à son fusil</i>	Он подносил цветы к своему ружью.
<i>Mais il n'a pas écouté mes prières</i>	Но он не внимал моим мольбам
<i>Et j'ai pleuré quand il est parti.</i>	И я плакала, когда он ушел.

В данном отрывке прослеживается вся боль от потери любимого человека на войне, его возлюбленная просила его вернуться, но он не слышал этих просьб, в итоге он причинил страдания своей любимой, но смело стоял за свою родину на войне. Также, важно отметить, что настоящее оружие противопоставляется здесь игрушечному, так как использован глагол *jouer* / играть (*jouer à l'amour à la guerre*).

Двойственный характер образа солдата в связи с чем нужно отметить песню исполнителя и автора И. Монтана (Yves Montand) *Le Roi Renaud de guerre revient* / Король войны Рено возвращается с войны (1992), в которой есть такие строки:

<i>Le roi Renaud de guerre vint</i>	Король Рено с войны пришел
<i>Tenant ses tripes dans ses mains.</i>	И в своих руках он несет свои внутренности.

Солдат утверждает, что ему больше недоступны обычные человеческие эмоции и чувства, так как он увидел и испытал слишком много горя на войне: *Je ne saurais me réjouir* / я не смогу радоваться, он вернулся с войны, все

считают его победителем, называют его королем, но он говорит о том, что больше не сможет радоваться, так как страхи и потери, которые он пережил, еще свежи в его памяти.

Состояние солдата после возвращения с войны показано в песне исполнителя Ика (Ika) *Pauvre soldat* / Бедный солдат (2014) автора А. Сантамария (Arno Santamaria) и А. Кампос (Amandine Campos):

<i>Pauvre soldat revient de guerre</i>	Бедный солдат возвращается с войны,
<i>Tout doux,</i>	Все спокойно
<i>Pauvre soldat revient de guerre</i>	Бедный солдат возвращается с войны,
<i>Tout doux,</i>	Все спокойно
<i>Tout fatigué, tout mal vêtu ...</i>	Очень уставший, очень плохо одетый...
<i>– Pauvre soldat d’où reviens-tu</i>	– Откуда ты, бедный солдат? –
<i>Et tout doux.</i>	И все спокойно.
<i>S’en va trouver dame l’hôtesse</i>	– Мадам, с войны я возвращаюсь,
<i>Tout doux,</i>	Все спокойно,
<i>S’en va trouver dame l’hôtesse</i>	Мадам, с войны я возвращаюсь,
<i>Tout doux,</i>	Все спокойно,
<i>Qu’on apporte ici le vin blanc</i>	Пусть принесут сюда белое вино
<i>Que le marin boive en passant</i>	Пусть моряк выпьет, проходя мимо
<i>Et tout doux.</i>	И спокойно.

В данном фрагменте использовано прилагательное *pauvre*, которое в позиции перед существительным означает *бедный (несчастный)*. После возвращения новой жизни у него уже не будет, но и прошлую жизнь уже не вернешь. Война нанесла солдату непоправимые раны, он чувствует себя очень уставшим, о чем свидетельствует повторение наречия *tout* / совсем, совершенно, употребленное вместе с прилагательным *fatigué* / уставший – и словосочетанием *mal vêtu* / плохо одетый. *Dame l’hôtesse* / хозяйка, которая принимает солдата потеряла мужа на войне, что также способствует ее желанию помочь солдату, накормив и напоив его.

Образ солдата напрямую зависит от социума, ведь для коллектива, для нации, солдат выступает с положительной стороны, являясь героем, в случае отдельного индивида – наоборот, солдат выбрал защищать большое количество людей, а не оставаться дома с семьей.

Например, в песне исполнителя А. Накамура (Aya Nakamura) *Soldat / Солдат* (2019 г.) автора Харистоуна (Haristone) есть следующие строки: *tu sais que le temps passe, Plus de souvenir quand je suis loin de toi / ты знаешь, что время идет, и когда ты не рядом, я забываю о тебе. Девушка страдает от того, что ее любимого, солдата нет рядом, ведь все, о чем она просит – время, которое он не может ей дать: J'veux la totalité d'ton temps / я хочу все твое время.* Таким образом, мы видим, что образ солдата носит двойственный характер. С одной стороны, солдат – человек, который защищает свою родину, близких, герой, внесший значительный вклад в историю своей страны, а с другой стороны – человек, который ушел на войну, на фронт или в армию, оставил своих близких, которые страдают без него.

Образ солдата в песенном дискурсе связан с образом врага. «Наличие в массовом сознании мифологизированного образа врага помогает сплотить нацию перед лицом реальной или мнимой угрозы общецивилизационного, этнического или национального масштаба» [Хоруженко 2001: 4]. В стихах современного автора С. Бурона (S. Bouron), которые были положены на музыку (2020 г.) есть строчка: *il y a deux trous; dans les trous – deux soldats, ils sont ennemis / есть два окопа, в них – солдаты, они враги. То есть солдат, который для нации является героем, является также врагом для другого такого же солдата.* В данном примере хорошо прослеживается амбивалентность понятий, образов и ценностей / антиценностей, которую отмечали многие исследователи, например В.А. Маслова: «ценности устойчивы и подвижны одновременно..., относительность обусловлена не столько объективными свойствами предметов, сколько именно гибкостью, подвижностью, изменчивостью индивидуальных и общественных потребностей. Из-за этого

при известных условиях предмет способен из ценности превратиться в неценность или антиценность» [Маслова 2010: 67].

Эмотивно окрашенные слова можно встретить в строках песни автора и исполнителя М. Ривар (Michel Rivard) *Parlant de paix* / Говоря о мире (1992). В песне речь идет о двух влюбленных, которые громко спорят на улице, обзывая друг друга, но в какой-то момент автор слышит такие слова:

Fiche-moi la Paix! Оставь меня в покое! (x4)

Sacre-moi la Paix!

Fous-moi la Paix!

Câlisse-moi la Paix!

В данном фрагменте автор использует устойчивое выражение *fiche-moi la paix* / оставь меня в покое, заменяя глагол *ficher* разными глаголами: *sacrer* / посвящать, ругать, проклинать, *foutre* / делать, вызывать, швырять, а также использован квебекский глагол *câlisser* / бросать, кидать, так как автор песни родом из Квебека.

Автор говорит о том, что использование обценной лексики неизбежно ведет к ссоре, к войне между людьми: *On se sert de gros mots, Des mots de la guerre* / Мы используем бранные слова, слова войны. Война в данном случае используется в качестве синонима слова *ссора*. Во французском языке для обозначения напряженных отношений и сильных ссор между людьми часто используется лексема *guerre*.

Война в песенном дискурсе представляется как антиценность, она неразрывно связана с ранами и смертью. «Смерть как элемент культуры проинтерпретирована в искусстве и фольклоре» [Эмер 2012: 59]. У солдата, который был вынужден пойти на войну, также нет выбора и ему приходится видеть смерть товарищей, и убивать самому. В песне автора и исполнителя К. Миоссек (Christophe Miossec) *La Guerre* / Война (2011) автор, вспоминая о войне, пишет следующие строки: *Là où je suis je n'ai plus vraiment le choix* / там, где я, у меня нет выбора. Он говорит о том, как несчастен, когда видит страх в

глазах тех, кого он должен лишить жизни. В данном прослеживается сопредельная диада *жизнь – смерть*:

<i>Leurs yeux sont pleins de peur</i>	Их глаза полны страха
<i>Leurs yeux sont pleins d'effrois</i>	Их глаза полны ужаса
<i>Alors je ne regarde que leur cœur</i>	Поэтому я смотрю только на их сердца
<i>Qui explose au bout de mon bras</i>	Которые разрываются у меня
<i>Ils voudraient avoir encore une</i>	на руках
<i>heure.</i>	Они хотели бы иметь еще один час.

В данных строках используется эмотивно окрашенные существительные с негативной коннотацией: *peur* / страх, *effroi* / ужас – для усиления отрицательно-оценочного характера понятия война. Этот страх он видит как в глазах тех, чьи жизни ему приходится прерывать, так и в своих глазах. Также для придания большего акцента тому факту, что автор не может смотреть на их глаза, в которых он видит только ужас и страх, а смотрит лишь на их сердца, использован выделительный оборот *ne...que* / только, лишь.

Несмотря на то, что образ солдата ассоциируется всегда с мужчиной, в современных реалиях солдатом может быть и женщина, что затрагивает тему феминизма. На сегодняшний день также актуальна тема феминизма во всех сферах жизни, в том числе, данная тематика находит свое отражение в изменениях языковых форм. Слово *féminisme* вошло во французский язык в 30-е гг. XIX в. для обозначения течения, которое направлено на расширение прав женщин в обществе [Загряжская 2014: 11]. Тема феминизма является актуальной для французов, например, на сайте Министерства Европы и иностранных дел в разделе «Внешняя политика – Права человека – Права женщины» можно увидеть следующий заголовок: гендерное равенство – один из приоритетов Франции [Ministère de l'Europe]. Эта острая тема находит свое отражение и в песенном дискурсе, особенно в песнях начала XXI века.

Например, песня исполнителя Ализе (Alizée) *La guerre en dentelles* / Война в кружевах (2003 г.) автора Антуана Барэйе (Antoine Barrailler) и

Фредерика Ларж (Frédéric Large) речь идет о войне женщин. Традиционно образ солдата ассоциируется в умах людей с мужским полом, что можно увидеть в песне исполнителя и автора Жана Лелу (Jean Leloup) *L'oiseau-vitre /* Стеклоптица (2019 г.): *les hommes font la guerre et les femmes les enfants /* мужчины воюют, а женщины делают детей. В песне *La guerre en dentelles* можно наблюдать то, как понятие *война* расширяет границы традиционного понимания, и в роли солдата на этапе современной войны может также выступать и женщина:

<i>Entre filles ça dézingue</i>	Девочки поднимают кипиш
<i>Ça se règle à coups de flingue</i>	Это решается выстрелами из пистолета
<i>Et ça en fait du Bang Bang</i>	Пиф-паф
<i>Entre filles ça se dégingue</i>	Девочки грызутся
<i>Et c'est la loi de la jungle</i>	И таков закон джунглей
<i>Poupée vaudou, coups d'épingles</i>	Кукла Вуду, уколы булавками
<i>Entre filles c'est dingue.</i>	Девочки доходят до безумия.

В данном фрагменте используется много арготических выражений и слов: *flingue /* пистолет, *bang-bang /* пиф-паф, *se déginguer /* грызться. Использование арго также показывает метафорический, «приземленный» образ войны. В представленной песне война идет скорее между девушками за сердце одного мужчины, а в качестве оружия выступают *poupée vaudou /* кукла вуду, *épingles /* булавка, но в то же время присутствует и такое орудие как *flingue /* пистолет. Сам автор данного текста иронизирует над тем, что девушки конфликтуют, используя морской глагол *tanguer /* испытывать килевую качку, которая ухудшает условия работы механизмов и приборов судна: *entre les filles ça tanguer /* - между девочками всегда не все гладко -, но все же добавляет данную строчку: *mais c'est la guerre quand même /* но это все же война. В последней строчке мы видим использование одного из самых распространенных наречных выражений во французском языке *quand même /* все-таки, вопреки всему, которое также добавляет иронию в слова автора.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что образ солдата носит амбивалентный характер. Существует два подхода к восприятию данного образа: коллективный и индивидуальный. На первый план выходит то, что солдат – герой, который принял мужественное решение защищать Родину, семью, любовь, друзей. С другой стороны, существует индивидуальное восприятие, которое имеет место с самого начала создания военных песен, о чем свидетельствует текст Бориса Виана – *Дезертир*. Если принимать войну за настоящее зло, антиценность, то и образ солдата, являясь «ядерным» символом войны, будет выступать в качестве антиценности. Двойственный характер данного образа ярче всего репрезентируется через тематику любви, ведь любимая женщина с одной стороны верит в солдата, гордится им, ждет, но с другой стороны, у нее отсутствует идеализация образа солдата, так как он оставил свою семью.

3.2.3 Функционирование компонента *paix* в песенном дискурсе

В большинстве проанализированных песен (52 из 102) нам встретилось употребление лексемы *paix* / мир. Во многих песнях (38) использовались лексемы *guerre* и *paix* как взаимодополняющие и взаимообъясняющие, участвующие в построении в основном двух семантических моделей: без войны не может быть и мира; для того, чтобы прийти к состоянию мира, нужно пройти через что-то страшное.

Мир часто представляется чем-то несбыточным, например, в песне исполнителя Suprême NTM *Paix / Мир* (1991) автора Дидье Морвиля (Didier Morville), Бруно Лопес (Bruno Lopes) и Фредерика Алуэ (Frederic Allouet) мир называется утопией:

<i>Paix</i>	Мир
<i>L'odeur concentrée de poudre</i>	Запах пороха
<i>N'est-elle pas signe d'utopie?</i>	Не это ли настоящий знак утопии?

В данной песне автор также упоминает атрибут-символ войны – порох (*poudre*), запах которого повсюду, что знаменует продолжение войны, а не ее окончание. Также автор использует инверсию для построения риторического

вопроса: *N'est-elle pas signe d'utopie?* / Не это ли настоящий знак утопии? Нужно отметить, что «инверсия в совокупности с другими средствами экспрессивного синтаксиса образует синтаксические стратегии посредством следующих тактик: тактики эмоционального и логико-коммуникативного выделения членов предложения, ритмообразующей тактики, тактики связи между предложениями и тактики стилизации» [Еливанова 2012: 393]

В песне исполнителя и автора Ж. Ферра (Jean Ferrat) *La paix sur Terre* / Мир на Земле (1999 г.) припев состоит из данных повторений:

<i>Nous ne voulons plus de guerre</i>	Мы больше не хотим войны
<i>Nous ne voulons plus de sang</i>	Мы больше не хотим крови
<i>Déclarons la paix sur terre.</i>	Давайте объявим мир на земле.

В данном рефрене прослеживается нежелание продолжения войны (*nous ne voulons plus de guerre* / мы больше не хотим войны), которая всегда сопровождается пролитием кровопролитием. Из языковых средств отметим прием контраста, с помощью которого война представлена как антиценность: войне противопоставляется мир, к которому призывает автор, используя глагол *déclarer* / объявлять – в форме повелительного наклонения (*Déclarons la paix sur terre* / Давайте объявим мир на земле).

В песне автора и исполнителя МРК (MRC) *Paix sans guerre* / Мир без войны (2016) есть такая строчка: *у a jamais de paix sans guerre* / не бывает мира без войны.

В песенном дискурсе чаще всего, когда речь идет о мире, его характеризует лексика с положительной коннотацией. Мир – то, к чему человек стремится. Так, в песне исполнителя и автора Ван Эли (Van Elie) *Paix* / Мир (2019) есть следующие строки:

<i>J'irais trouver la paix</i>	Я бы отправился на поиски мира
<i>C'est la seule chose qui m'omnubile</i>	Это единственное, что меня вдохновляет

Автор стремится к этому состоянию мира, он готов отправиться на его поиски, так как именно это состояние вдохновляет его. Семантика

положительной оценки усиливается за счет употребления превосходной степени *la seule chose* / единственная вещь – с лексемой *paix*, то есть это основное состояние, к которому стремится автор. Также в тексте песни мир сравнивается со светом (*J'vois comme une lumière dans cette anarchie* / я его (мир) вижу светом в этом хаосе), и именно состояние мира дарит автору энергию, смех и улыбки.

В своей песне Б. Канта (Bertrand Cantat) сравнивает мир с молнией, это становится понятно из названия *Paix éclair* / Мир – молния (2020). Мир также неуловим, как и молния, состояние мира может быстро наступить и также мгновенно закончиться:

Et nulle part est amour qui hurle en tout lieu le temps d'une paix éclair И нигде нет той любви, которая кричит всюду о времени молниеносного мира

В данном фрагменте также использован прием контраста: *nulle part* / нигде – *en tout lieu* / - повсюду - для «подчеркивания противоположности противоположного» [Бочина 2010: 27].

В песне исполнителя Ф. Франсуа (Frédéric François) *Paix sur la terre* / Мир на земле (2009) авторов Б. Мейнунгера (Bernd Meinunger) и Р. Сьегеля (Ralph Siegel) о мире говорится следующее:

<i>Paix sur la terre</i>	Мир на земле
<i>Paix dans nos cœurs</i>	Мир в наших сердцах
<i>Que l'univers reprenne en chœur:</i>	Пусть вселенная споет в один голос:
<i>Paix sans frontière</i>	Мир без границ
<i>Paix sans couleur</i>	Мир без цвета
<i>Que tous espèrent</i>	Пусть все надеются
<i>Des jours meilleurs</i>	На лучшие дни

Лучшие дни для автора – дни вне войны, проведенные рядом с близкими, и именно это время он называет состоянием мира. Автор призывает всех людей забыть о несчастьях и посвятить себя миру во всех его проявлениях: без цвета, без границ. Состояние мира прекрасно в любом виде. Также, в песне

исполнителя и автора Мирей Матье (Mireille Mathieu) *Mille colombes* / Тысяча голубей (1982) также говорится о том, что люди больше не хотят войны: *Demain c'est nous, et demain plus de guerres* / завтра будем мы, завтра больше не будет войны. Люди выбирают себя (*demain c'est nous* / завтра будем мы), а не войну.

Песни с лексемой *paix* позволяют сделать вывод о том, что контраст является одним из самых ярких языковых средств репрезентации отношений диалектического взаимодействия аксиологической диады «*paix – guerre*».

С помощью песен отношение к войне в обществе может измениться, потеряв статус «антиценности», ведь традиционные символы и образы войны, как например, образ солдата, меняют восприятие всей концептосферы *война*.

Война реализуется в песнях по-разному, что объясняется эпохой написания текста. В начале XX века война чаще всего воспринималась в традиционном понимании, то есть как военные действия. В данном случае репрезентация аксиологической диады «*paix – guerre*» представляет собой бинарные понятия, где *война* выступает как антиценность, а *мир* как ценность.

В начале XXI века война стала носить также метафорический характер: война в семьях, война как ссора, а ее атрибуты и символы изменились: солдат стал восприниматься не только как герой и защитник, но и как человек, который бросил свою семью, родных, любимых, традиционное оружие сменилось на более новые формы.

Специфика реализации аксиологической диады «*paix – guerre*» в песенном дискурсе разных лет связана с социальным и историческим контекстом. В зависимости от эпохи и условий исследуемая диада воспринимается по-разному: в одних случаях *мир* может ассоциироваться с гармонией, благополучием и надеждой, в то время как война может интерпретироваться как страх, разрушение и утрата. Также, в разные исторические периоды война может ассоциироваться с разными конфликтами и событиями, что влияет на способ ее представления в песнях. Например, она

может рассматриваться как борьба за свободу и справедливость или как результат разрушительных конфликтов и трагедий.

Таким образом, диада «*paix – guerre*» в песенном дискурсе служит важным индикатором динамики социокультурных изменений и позволяет сделать вывод о том, что восприятие и значения, связанные с этой диадой, меняются от эпохи написания текстов, отражая эволюцию общественного сознания и ценностей.

Современное понимание компонентов аксиологической диады «*paix – guerre*» находит отражение не только в современных песнях, но и в медиадискурсе, который является одним из наиболее авторитетных и доступных способов воздействия на общественное мнение и формирования ценностей.

3.3. Функционирование диады «*paix – guerre*» во французском медиадискурсе

В данном разделе рассмотрена языковая репрезентация аксиологической диады «*paix – guerre*» во французском медиадискурсе с целью выявления современного восприятия французами функционирования исследуемой ценности и антиценности. «Эффективность восприятия новостных текстов обеспечивается их информационной значимостью и аттрактивностью» [Рянская 2022: 2013], что обусловило выбор медиатекстов для анализа исследуемой диады.

3.3.1. Мир как ценность во французском медиадискурсе

При вводе лексемы *paix* в поисковой строке в блоге The Conversation выдал 16 статей, в которых присутствовала данная лексическая единица, блог Pettico выдал 5 статей, блог Marc Lev: le blog – 2 статьи, BBC NEWS Afrique выдал 12 статей, газета Le Parisien – 27 статей, Le Monde – 14, Le Figaro – 11. Всего было проанализировано 87 статей, содержащих лексическую единицу *paix*.

Дискурсивный метод и количественный анализ позволили выявить следующие лексемы, связанные с семантическим полем *мир*: *paix* / мир,

prospérité / процветание, *accord* / соглашение, *victoire* / победа, *liberté* / свобода, которые составляют концептосферу французского медиадискурса и относятся к антиценностям современного общества.

Контексты репрезентации выявленных лексических единиц в порядке убывания частотности их употребления представлены в таблице 5.

Таблица 4. Общая характеристика медиатекстов с лексическим компонентом *paix*.

Компоненты -концепты	Лексические средства репрезентации концептов	Кол-во употребле ний
<i>Paix</i> / мир	1) <i>RDC : comment ramener la paix dans l'est du pays?</i> (ДПК: как вернуть мир на востоке страны?) (<i>Le Monde</i>) 2) <i>La Colombe de la Paix ne peut que constater les dégâts</i> (Голубь мира может лишь констатировать ущерб) (<i>Perrico</i>)	27
<i>Prospérité</i> / процветани е	3) <i>Ramsès II : un règne de paix et de prospérité</i> (Рамзес II: царствование мира и процветания) (<i>Le Figaro</i>) 4) <i>Jubilée : le pape souhaite à la reine et son pays «unité, prospérité et paix»</i> (Юбилей: Папа Римский желает королеве и ее стране «единства, процветания и мира ») (<i>Le Figaro</i>)	16
<i>Accord</i> / согласие, соглашение	5) <i>Brexit: l'UE et Londres font la paix: la Commission et la Grande-Bretagne ont trouvé un accord à Windsor sur le différend nord-irlandais.</i> Брексит: ЕС и Лондон заключают мир: комиссия и Великобритания достигли соглашения в Виндзоре по североирландскому спору) (<i>Le Monde</i>) 6) <i>Au centre du Mali, un «accord de paix» sans illusion entre Peuls et Dogon</i> (В центре Мали, « мирное соглашение » без обмана между Фульбе и Догонами) (<i>Le Monde</i>)	21
<i>Victoire</i> / победа	7) <i>La «victoire», ou le chemin complexe vers la paix</i> (« Победа » или сложный путь к миру) (<i>Le Monde</i>)	13
<i>Liberté</i> / свобода	8) <i>«En toute liberté, une radio pour la paix»: sur les ondes, des Irakiens prônent le vivre-ensemble</i> (« Полная свобода , радио – за мир »: в эфире иракцы выступают за совместную жизнь) (<i>Le Monde</i>)	10

Анализ статей, в которых нашел отражение концепт «*paix*», позволил установить, что во французском медиадискурсе с ним коррелируют концепты «*prospérité*», «*accord*», «*victoire*», «*liberté*». С лексемой *paix*, имеющей самую высокую частотность употребления, тесно связаны в оценочных контекстах единицы *ramener* / вернуть, *revenir* / возвращать, *souhaiter* / желать, которые указывают на стремление вернуть мир, надежду на его возвращение восприятие его как желаемого (примеры 1, 4). Использование данных глаголов демонстрирует отношение к миру как к универсальной ценности. Важно отметить, что пожелание мира звучит в примере 4 от имени главы римской католической церкви, представляющего бесспорный авторитет с точки зрения права трансляции аксиологических доминант, во время поздравления с юбилеем королевы Англии Елизаветы. Другое пожелание Папы Римского – *prospérité* / процветание. Выраженный данной лексемой одноименный концепт вступает в корреляцию с концептом «*paix*» / мир. О царствовании мира и процветания речь идет и в примере 3, где также упоминается известная историческая личность – Рамзес II – один из самых известных фараонов Древнего Египта, который смог завоевать многочисленные территории, и чья империя славилась своим процветанием.

В плане сочетаемости лексемы *paix* / мир отметим также случай употребления устойчивой единицы с символическим значением *La Colombe de la Paix* / голубь мира (пример 2), поскольку голубь является одним из главных символов мира во многих культурах, а также *accord de paix* / мирное соглашение (пример 6). В данном случае речь идет о необходимости подписания договора о мире между двумя враждующими этносами в Республике Мали: фульбе и догонами, который ознаменует окончание военных действий. Кроме того, единица *accord* используется также в значении *согласие*, представляя соответствующий, концепт, находящийся в тесной корреляции с концептом «мир». К согласию пришли стороны, которые заключают мир: *font la paix* (пример 5). В указанных примерах подчеркивается

ценность мира как в рамках взаимодействия между государствами и сообществами, так и внутри отдельно взятых стран.

Необходимо отметить также связь концепта «*paix*» с концептом «*victoire*». В сочетании с лексемой *victoire* / победа употребляется прилагательное оценочной семантики *complexe* / сложный (пример 7), которое показывает сложность достижения мира. Кроме того, была выявлена корреляция концепта «*paix*» с концептом «*liberté*» (пример 8), так как в мирное время существует большая степень свободы. В данном примере интересно употребление глагола *prôner* / пропагандировать, прославлять, превозносить в сочетании с существительным *vivre-ensemble* / сосуществование: таким образом радиостанция доносит до слушателей идею о необходимости мирного сосуществования.

Таким образом, проведенный анализ показал, что мир во французских современных проанализированных нами медиатекстах выступает в качестве ценности. Во всех 87 статьях состояние мира ценится превыше всего, мирное время ассоциируется у людей со свободой выбора в любом контексте. Языковые средства выражения оценки в большинстве случаев представлены эмотивно окрашенной лексикой с положительной коннотацией и выражают потребность в мире. Их активное употребление подтверждает мысль о том, что «добиться новизны и нестандартности при подаче медийного материала можно лишь при наличии максимального разнообразия репертуара языковых форм, что позволяет быстро переключаться между негативной и позитивной ценностными модальностями буквально одного и того же высказывания, или положительной и негативной оценкой самого объекта высказывания» [Пищина 2019: 6]. В проанализированных статьях наиболее частотными языковыми средствами репрезентации отношения к компонентам исследуемой диады «*paix – guerre*» являются глаголы и прилагательные.

Потребность в мире прослеживается на всех каналах медиа: в газетах, блогах, журналах, радио, что также связано с распространением такой войны, как информационная война, или кибервойна.

3.3.2. Война как антиценность во французском медиадискурсе

Материалом для анализа послужили 96 статей, отобранные из франкоязычных блогов The Conversation, блог Perrico, блог Marc Lev: le blog, BBC NEWS Afrique и газет Élysée, Le Parisien, Le Monde и Le Figaro за 2019–2023 гг. с аутентичными новостями. Во всех блогах представлена поисковая строка.

В процессе анализа был применен дискурсивный метод, который предполагает детальное изучение текстов и их контекста, включая социокультурные, политические и исторические факторы, которые влияют на их интерпретацию. В поисковой строке анализируемого печатного издания вводилось слово *guerre*. При вводе данной лексемы, блог The Conversation выдал 18 статей, в которых присутствовала данная лексическая единица, блог Perrico выдал 7 статей, блог Marc Lev: le blog – 3 статьи, BBC NEWS Afrique выдал 9 статей, газета Le Parisien – 20 статей, Le Monde – 22, Le Figaro – 17.

Дискурсивный метод и количественный анализ позволили выявить следующие лексемы, связанные с семантическим полем *война*: *guerre* / война, *violence* / насилие, *terrorisme* / терроризм, *victim* / жертва, *attentat* / теракт, покушение, *attaque* / нападение, *crime* / преступление, *assassinat* / убийство, *lutte* / борьба, которые составляют концептосферу французского медиадискурса и относятся к антиценностям современного общества.

Контексты репрезентации выявленных лексических единиц в порядке убывания частотности их употребления представлены в таблице 4.

Таблица 5. Общая характеристика концептуально-коррелятивных связей компонента *guerre* в медиатекстах.

Компоненты-концепты	Лексические средства репрезентации концептов	Количество употреблений
<i>Guerre</i> / война	<p>1) <i>Le monde est en Guerre contre le Covid-19 (Мир находится в состоянии войны с COVID-19) (Perrico)</i></p> <p>2) <i>Les émeutes, ça ne sert à rien. Ça va plus aggraver le problème, ça va provoquer une nouvelle guerre». (Мятеж бесполезен. Он еще больше усугубит проблему, спровоцирует новую войну) (The Conversation)</i></p> <p>3) <i>La guerre 14-18: Première guerre mondiale (Война 14-18: Первая мировая война) (BBC NEWS Afrique)</i></p> <p>4) <i>La Corée du Nord promet de déclencher une guerre nucléaire totale (Северная Корея обещает развязать всемирную ядерную войну) (Marc Lev: le blog)</i></p> <p>5) <i>USA-Russie: Retours de guerre froide? Non, prémices de guerre chaude (США-Россия: возвращение холодной войны? Нет, предчувствие горячей войны) (Perrico)</i></p> <p>6) <i>Esthétique: les hommes et la guerre des boutons (Косметология: мужчины и война с прыщами)</i></p>	36
<i>Violence</i> / насилие	<p>7) <i>La violence terroriste au nom du prophète: ce que les jeunes Français musulmans en pensent vraiment (террористическое насилие во имя пророка: что на самом деле об этом думают молодые французы мусульмане) (The Conversation)</i></p>	21
<i>Terrorisme</i> / терроризм	<p>8) <i>Alors, pourquoi Samuel fut-il tué? Pourquoi? Vendredi soir, j'ai d'abord cru à la folie aléatoire, à l'arbitraire absurde: une victime de plus du terrorisme gratuit. (Так почему же Самюэль был убит? Почему? В пятницу вечером я поверил во временное помешательство, в абсурдный произвол: еще одна жертва беспричинного терроризма) (Élysée, 21.10.2020)</i></p>	17
<i>Victime</i> / жертва	<p>9) <i>«Je savais qu'il était dangereux», explique-t-elle, notamment. Victime de ce mari violent, elle assure avoir prévenu les autorités («Я знала, что он опасен» - пояснила она. Жертва жестокого мужа уверяет, что предупредила ответственных должностных лиц) (Le Figaro)</i></p> <p>10) <i>Covid-19 confinement: des filles et des femmes victimes de violences domestiques (Covid-19 локдаун: девочки и женщины, ставшие жертвами насилия в семье) (BBC NEWS Afrique)</i></p>	7

	11) «Je croyais qu'il nous tuerait tous». L'ex-épouse de l'homme qui a tué trois gendarmes lors d'une opération de secours d'une femme victime de violences conjugales s'est exprimée jeudi 24 décembre («Я думала, что он убьет нас всех». Бывшая жена человека, который убил трех полицейских при исполнении операции по спасению женщины, пострадавшей от насилия в семье, рассказала свою историю в четверг, 24 декабря) (Le Figaro, 26.12.2020)	
Attentat / теракт, покушение	12) Ce soir, je ne parlerai pas du cortège de terroristes , de leurs complices et de tous les lâches qui ont commis et rendu possible cet attentat . (Сегодня я не буду говорить о террористах , их сообщниках и всех трусах, которые совершили и сделали возможным этот теракт) (Élysée)	5
Attaque / нападение	13) Les djihadistes s'attaquent à la France en espérant des réactions des identitaires d'extrême droite, des attaques contre des mosquées, des repréailles, destinées à provoquer une guerre civile et à sortir le pays des règles démocratiques (Джихадисты нападают на Францию, надеясь на реакцию ультраправых, нападения на мечети, репрессии, призванные спровоцировать гражданскую войну и вывести страну из демократического образа жизни) (Le Parisien, 30.10.2020)	3
Crime / преступление	14) Le lendemain, le procureur de Clermont-Ferrand, Eric Maillaud, évoquait une véritable «scène de guerre » et qualifiait les faits d'«horreur criminelle ». (На следующий день прокурор Клермон-Феррана Эрик Майо напомнил настоящую «сцену войны » и назвал факты « криминальным ужасом ») (Le Figaro)	3
Assassinat / убийство	15) L'attentat commis par les frères Kouachi contre la rédaction du journal satirique Charlie Hebdo et, plus récemment, l'assassinat d'un professeur d'histoire-géographie, Samuel Paty... (Террористический акт в редакции сатирической газеты Charlie Hebdo, совершенный братьями Куачи, и, совсем недавно убийство 16 октября 2020 года преподавателя истории и географии Самуэля Пату) (The Conversation)	3
Lutte / борьба	16) Trois attentats islamistes en quelques semaines. C'est le constat d'échec de notre politique de lutte contre le terrorisme ? (Три исламистских теракта за несколько недель. Означает ли это, что наша политика по борьбе с терроризмом провалилась?) (Le Parisien)	2

Исследование показало, что с концептом «guerre» во французском медиадискурсе коррелируют концепты «violence», «terrorisme», «attentat», «victime», «attaque», «crime», «assassinat», «lutte», которые по-разному распределены в оценочных контекстах (первые четыре отождествляются с войной, а последние четыре с ней только соотносятся). С лексемой *guerre* в

аксиологических контекстах связаны единицы *criminel* / преступный, *assassinat* / убийство и *lutte* / борьба (примеры 14, 15, 16), репрезентирующие соответствующие концепты.

Проведенный анализ выявил самую высокую частотность употребления среди приведенных выше лексем единицы *guerre* / война и фразеологизмами с данным компонентом, актуализирующими, в первую очередь, одноименный концепт (примеры 1, 2, 3, 4, 5, 10, 13, 14). Важно отметить широкий контекст ее употребления: *мировая* (пример 3), *ядерная* (пример 4), *холодная* (пример 5), *война с COVID-19* (пример 1). Одна из необычных разновидностей войны, выявленная в нашем анализе – *la guerre contre les boutons* / война (борьба) с прыщами (пример 6), которую ведут мужчины.

Материал позволил также выявить социальную проблему насилия в семье, усугубившуюся в связи с ситуацией пандемии (примеры 9, 10, 11). Единица *violence* / насилие, вторая по числу употреблений, входит одновременно не только в тематику войны в семьях, но и войны с терроризмом. Отметим, что концепт «terrorisme» представлен как существительным, так и прилагательным *terroriste* / террористический. Данные единицы находятся на третьем месте по употребительности в нашем материале (примеры 7, 8), реализуя соответствующий концепт только в контексте борьбы с терроризмом. Сочетание *violence terroriste* обозначает проблему террористического насилия, которое может носить различные формы: прямое, структурное (унижение по социальному статусу), культурное (религиозные и идеологические гонения).

Следующей на шкале частотности является единица *victime* / жертва (примеры 8, 9, 10, 11), реализующая соответствующий концепт. Контексты ее употребления: насилие в семье и терроризм. Другой концепт «attaque» реализован данным существительным и однокоренным глаголом *s'attaquer* / нападать (пример 13). Концепты: «crime», «assassinat», «lutte» (примеры 14, 15, 16) представлены в меньшей степени и выражены соответствующими существительными и однокоренными лексемами. Важно подчеркнуть

аксиологически значимый контекст употребления двух единиц оценочной семантики в сочетании *horreur criminelle* / криминальный ужас, использованного для характеристики сцен войны.

Учитывая полученную шкалу частотности употребления лексем, относящихся к понятию. *Война* в материале проанализированных нами современных французских медиатекстов, можно сделать вывод о том, что его ядром концептосферы являются единицы *война, терроризм, насилие, жертва, убивать, теракт*, а *нападение, преступление, убийство, борьба* составляют его периферию. Все обозначенные лексеммы выражают отрицательную оценку даже вне контекстуальной репрезентации, которая может усиливаться в контексте за счет антитезы, метафоры, сопровождающих ярких эпитетов, противопоставлений, а в лингвоаксиологическом плане выступают как антиценности современного общества.

3.3.3. Кибервойна в современном французском медиадискурсе

В последние годы усиливается интерес со стороны лингвистов к информационной войне в интернете с точки зрения изучения языковых средств, применяемых с целью манипулирования сознанием читателя. Проводя исследования в области данной проблематики, «необходимо соблюдать баланс между изучением функциональных особенностей языка интернета, его когнитивных характеристик и коммуникативного воздействия и взаимодействия» [Ахренова 2013: 23]. К тому же, подобные исследования позволяют отследить новые тенденции и явления в языке, так как «современный газетный текст вне зависимости от выбранного канала передачи отражает трансформации, относящиеся к социально-политической сфере общества, и является маркёром происходящих в языке изменений» [Ломакина 2022: 73].

Термин *information war* / информационная война был введен в 1976 году Т. Роном. В то же время употребляется и термин *cyber war* / кибервойна, который обозначает ведение боевых действий в интернет-пространстве.

Информационная война обычно связана с проблемами цифровой безопасности: от защиты персональных данных до государственных дел, новых правил для правоохранительных органов, а также избытка хакеров и проблем, связанных с инфраструктурой будущего и др. Интернет-пространство и ИТ стали полем битвы, в котором смешиваются государственные и частные вопросы. На первый взгляд, кибервойна носит только риторический и метафорический характер, но в ней, как и в войне традиционной, существуют жертвы, вредоносное оружие, столкновения и поле боя.

Специфика кибервойны заключается в том, чтобы сосредоточиться там, где не действуют военные силы. Информационная война всегда относится к конкретному событию и призвана оказывать сильное эмоциональное воздействие на противника для успешной реализации своих задач [Baud 2012: 307]. Ярким примером такого события являются избирательные кампании. Часто для манипулирования мнением избирателей используются социальные сети, позволяющие всем людям участвовать в общественно-политической жизни страны, воздействовать на различные проекты в том числе национального уровня.

Для современной эпохи характерен тот факт, что практически любой человек может стать причастным к информационной войне, поскольку имеет доступ в интернет и может завести аккаунт в различных социальных сетях. С увеличением количества каналов связи и подключенного оборудования становится все проще вносить беспорядок в избирательный процесс. «Человек, слепо доверяющий информации из Интернета, легко может стать объектом манипуляций, широко распространенных в ходе информационных баталий» [Емельяненко 2016: 30]. Целями кибератак могут быть: размещение ложной информации, манипулирование общественным сознанием, вербовка сторонников, искусственное создание напряженных отношений между избирателями, подрыв авторитета отдельного индивида или целого государства [Акопов 2011: 88]. Администрации мировых держав пытаются

решать проблему с кибератаками, запрещая и блокируя многие сайты, но это не всегда ведет к прекращению их деятельности, ведь существует много возможностей обойти блокировку.

В связи с вышесказанным нам представляется актуальным провести в обозначенном ракурсе анализ языковых средств на материале источников, освещающих президентские выборы во Франции, которые прошли в апреле 2022 года и по итогам которых президентом был переизбран Э. Макрон. Президентские кампании каждого из кандидатов на несколько месяцев стали главной темой в различных СМИ.

Материалом исследования послужили статьи о президентских выборах апреля 2022 года во Франции, взятые из франкоязычных блогов, журналов и газет. Кандидатов в президенты было 12: E. Macron, M. Le Pen, J-L. Mélanchon, N. Arthaud, N. Dupont-Aignan, A. Hidalgo, Y. Jadot, J. Lassalle, V. Pécresse, P. Routou, F. Roussel, E. Zemmour. Всего было проанализировано 38 новостных статей из франкоязычных газет (*Le Monde, Le Figaro France24*), журналов (*numerama, liberation, ladepeche.fr*) и блогов (*scaleway, afmsp*), а также были изучены свыше тысячи комментариев к двум видео из видеохостинга *youtube*, примеры, взятые из комментариев, приведены с авторской орфографией. (<https://www.youtube.com/watch?v=SSauaiwAJ2E>).

На современном этапе развития общества проводить избирательную кампанию, не заходя в социальные сети, невозможно. Они стали инструментами общения, даже влияния, и политические взгляды всех сторон сталкиваются именно в социальных сетях. Правила демократической игры часто игнорируются. По мере приближения дня выборов президента Франции представители СМИ искали возможности для того, чтобы манипулировать мнением в социальных сетях. В интернете можно было встретить хештег *#presidentielle2022*, который также использовался и в новостных статьях.

Во всех проанализированных статьях встретились лексические единицы военной тематики с приставкой *cyber-*. Важно отметить наличие лексической единицы *cyberpaix* / кибермир в оппозиции единице *cyberguerre* / кибервойна,

что показывает существование новой формы исследуемой аксиологической диады, например, в заголовке: *En quête de la cyberpaix: gérer la cyberguerre par la coopération internationale* / в поисках кибермира: борьба с кибервойной посредством международного сотрудничества. Авторы данной статьи демонстрируют важность мира для интернет-пространства, подчеркивая, что для достижения данного состояния возможно даже обращение к международному сообществу.

Та же мысль подтверждается и в примерах, в которых используются другие лексические единицы, относящиеся к семантическому полю *война* также с приставкой *cyber-*: *Dans le contexte de la cybersécurité, le besoin de coopération internationale entre les États, les organisations internationales et régionales et d'autres entités est souligné par la nature de plus en plus sophistiquée des cybermenaces qui évoluent sans frontières* / В контексте кибербезопасности необходимость международного сотрудничества между государствами, международными и региональными и другими организациями подчеркивается все более изощренным характером киберугроз, которые беспрепятственно увеличиваются.

Киберугрозы нарастают, приобретают новые формы и становятся настоящей проблемой на пути достижения кибермира. Угрозы в интернет-пространстве – это оружие, которым может завладеть любой интернет-пользователь, а анонимность подобных угроз является дополнительным препятствием к их устранению. Угрозы на политической арене реализуются с помощью таких лексем как *cybermenace* / *киберугроза*, а такие лексемы, как *cyber-harcèlement* / *кибертравля* реализуются, как правило, в небольших социальных группах, чаще всего, среди подростков. Во французском медиадискурсе кибертравля осуществляется, в основном, с помощью телефонов, мессенджеров, форумов, онлайн-игр, чатов, электронной почты, социальных сетей, различных сайтов и др. Поле для такого рода запугиваний в интернет-пространстве безгранично.

Лексическая единица *cyber-harcèlement* / кибертравля часто употребляется наряду с *cyberviolence* / кибернасилие: *La cyberviolence et le cyber-harcèlement ont des conséquences graves sur le bien-être et la santé mentale des victimes mais aussi des agresseurs et des témoins* / Кибернасилие и кибертравля имеют серьезные последствия для благополучия и психического здоровья жертв, а также лиц, совершивших насилие и свидетелей. Кибертравля также является новой формой атрибута-символа информационной войны и отражается, в первую очередь, на ментальном здоровье. Скрываясь за маской анонимности, кибернасильник не может быть пойман в короткие сроки, что позволяет держать его жертвы в постоянном страхе.

Кроме того, кибервойна опасна массовым распространением и широкой оглаской угроз. Важно сказать о том, что данные угрозы могут возникать в комментариях к видео в различных блогах и социальных сетях. Важно учитывать, что «благодаря жанру интернет-комментариев к новостной публикации новые форматы медиатекста (онлайн издания, социальные сети) обусловили расширение мультимедийного контента. Интернет-комментарии (на форумах, в социальных сетях, блогах) задают новые ракурсы оценки события и усиливают проблематику медиатекста» [Моисеенко 2023: 123].

В частности, кибертравлей можно назвать отношение к кандидату Э. Макрону в комментариях к видео с дебатами, так как пользователи писали в его адрес нелестные отзывы, с использованием лексем с негативной коннотацией, например: *Franchement je voulais voter Macron mais au vue de son arrogance et de son mépris je vais certainement changer d'avis il m'a convaincu qu'il allait être pire que ces cinq dernières années* / Честно, хотела голосовать за Макрона, но из-за его высокомерия и пренебрежительности я точно изменю свое мнение, он убедил меня в том, что будет еще хуже, чем было эти пять лет. Лексема *pire* в данном примере является оппозицией лексемы *meilleure*, употребленной по отношению к кандидату М. Le Pen: *Marine a été clairement la meilleure, face à un Macron agressif et méprisant* / Марин была явно лучшей,

в сравнении с демонстрирующим агрессию и презрение Макроном. Лексемы *arrogance* / высокомерие, *mépris* / презрение, *méprisant* / презрительный, высокомерный *agressif* / агрессивный выражают отрицательную оценку, создавая в глазах читателей негативный образ кандидата.

Использование данных лексем может быть выгодно конкурентам с целью манипулирования сознанием интернет-пользователей. Э. Макрона, на тот момент кандидата в президенты, представили как человека высокомерного, презирающего своих сограждан в отличие от М. Le Pen, в адрес которой употребляется сравнительная степень прилагательного *bonne* / хорошая – *meilleure* / лучшая, которая несет в себе положительную оценку, и призывает к сравнению с Э. Макроном, о котором в предыдущем комментарии употреблена лексическая единица с негативной коннотацией *pire* / худший.

В ряде статей встречаются единицы *cyberterrorisme* / кибертерроризм и *cybercriminalité* / киберпреступность. Кибертерроризм и кибератаки, упоминаемые в одном контексте, стали самой актуальной темой для обсуждения во время выборов, так как именно интернет-атаки могут повлиять на результат, что демонстрирует пример: *A quelques mois du scrutin, des pirates tentent déjà d'infiltrer les systèmes informatiques des protagonistes de la campagne, et mener des cyberattaques à caractère politique* / За несколько месяцев до выборов хакеры уже пытаются проникнуть в компьютерные системы избирательных кампаний кандидатов с целью проведения кибератак политического характера.

Проведенный анализ показал, что ведение войны в интернете сопровождается такими же агрессивными средствами, как и при традиционной войне, что подтверждается использованием лексем, относящихся к семантическому полю понятия *война*, но с приставкой *cyber-*, что позволяет говорить о новой форме существования и функционирования аксиологической диады «*paix – guerre*»

Специфика кибервойны состоит в том, что ее оружие может безнаказанно применять любой пользователь, к тому же, перед

неограниченной аудиторией, что позволяет считать информационную войну не менее опасной, чем войну в традиционном ее понимании. Травля и атаки в интернет-пространстве осуществляются с помощью использования лексических единиц, выражающих резко отрицательную оценку, с помощью которых создается отрицательный образ объекта нападков в глазах остальных пользователей, что позволяет манипулировать мнением читателей и деморализовать противника.

Проведенный анализ компонентов аксиологической диады «*paix – guerre*» в различных типах дискурса показал традиционное понимание компонентов данной диады на примере пословичного дискурса, эволюцию восприятия представленных компонентов на примере песенного дискурса, а также их современное видение на примере медиадискурса. Верификация полученных данных была проведена путем анкетирования французских граждан в онлайн режиме.

3.4. Восприятие носителями современного французского языка ценностной диады «*paix – guerre*»: верификация результатов

С целью выявления главных ценностей современного французского общества и анализа восприятия компонентов аксиологической диады «*paix – guerre*» по отдельности было проведено анкетирование на платформе Google Forms.

Прежде чем изложить результаты анализа отметим, что существует ряд исследований, проведенных среди французов для выявления их ценностных ориентаций. Одним из самых известных аксиологических исследований является труд П. Брешона *Les valeurs des Français: évolutions de 1980 à 2000 / ценности французов: эволюция с 1980 по 2000 гг. (2000 г.)*.

Необходимо упомянуть опрос О.Н. Георгиевой, в котором упоминается 29 ценностей и 8 антиценностей французов [Георгиева 2008: 129]. Среди ценностей были выявлены: *bonsens* (здравомыслие), *connaissance* (познание), *instruction* (образование, просвещение), *esprit* (рассудок, сознание), *mémoire* (память), *clarté* (ясность ума); *avenir* (будущее), *enfance* (детство); *changement*

(перемены), *progrès* (движение вперед), *activité* (деятельность, активные действия); *don* (дар), *génie* (гений), *caractère* (характер), *vertu* (добродетель), *goût* (хороший вкус, чувство стиля); *art* (искусство), *travail* (работа), *charité* (благотворительность); *femme* (женщина), *homme* (мужчина), *mariage* (брак), *civilisation* (цивилизация, культура), *vie* (жизнь), *Dieu* (Бог), *miracle* (чудо), *paradis* (рай), *richesse* (богатство), *rêve* (мечта). Интересно, ни в 2004 году, ни в 2008 году французы не назвали ценность *paix* / мир.

3.4.1. Методика проведения анкетирования

Нами был проведен опрос, в котором приняли участие 55 респондентов: 33 мужчины, 20 женщин, двое не захотели указывать свой пол (рисунок 1). Возраст респондентов составил от 20 до 39 лет. Род деятельности информантов был различным, но, в основном, это были служащие и студенты из городов Париж, Страсбург, Авиньон, Гренобль, Лион.

Анкетирование проводилось методом не включенного опроса (с помощью интернет-технологии Google Forms). Каждому из респондентов обеспечивалась анонимность ответов. Анкетирование закрытого типа предполагает выбор ответов из предложенных вариантов. Анкетирование открытого типа предполагает самостоятельное конструирование ответа респондентом [Долженко 2015: 109]. Проведенное нами анкетирование относится как к открытому типу, так и закрытому. В анкете было предложено 20 вопросов, среди которых: вопросы с выбором ответа из приведенного списка и вопросы на самостоятельное заполнение графы ответа, с помощью которых определялся возраст, пол и род деятельности; оценочные вопросы, где необходимо было оценить ряд понятий *travail* / работа, *famille* / семья, *religion* / религия, *paix* / мир, *amour* / любовь, *amitié* / дружба, *argent* / деньги, *patrie* / родина), по пятибалльной шкале. Формулировки вопросов представлены в **Приложении 1**. Цель данных вопросов — определить место понятия *мир* в понятийно-ценностной иерархии. Далее респондентам было предложено дать определение вышеуказанным понятиям.

Опрос осуществлялся на французском языке, территориально исследовательские мероприятия проводились в дистанционном формате в анонимном порядке: респонденты не указывали своих имен или контактных данных. Оригинал анкеты находится в открытом доступе [<https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSfoFqbYAn7H8meSqJG0z1j7X6ekV9gMBnNESSYYTVGbYTLZQ/viewform>].

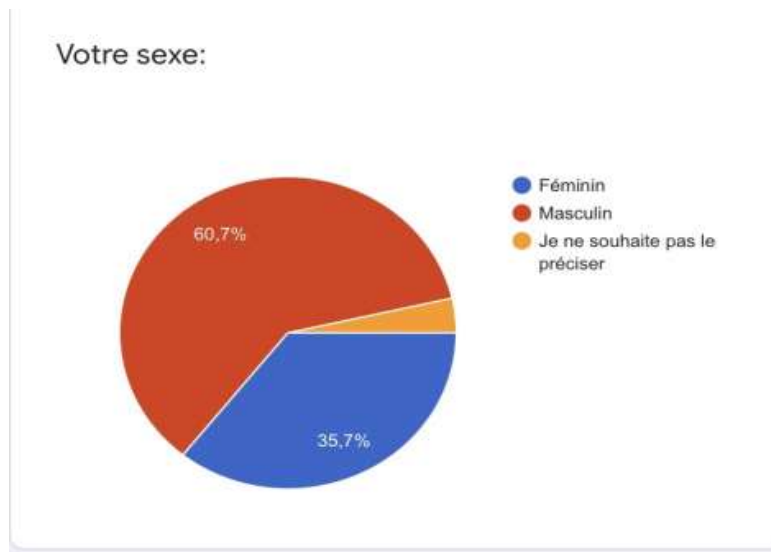

Рисунок 1. Распределение французских респондентов по половому признаку

Формат опросника, организованного в виде отдельных вопросов по каждому направлению, был выбран в связи с дистанционной формой анкетирования респондентов: каждый вопрос давался отдельно во избежание ситуаций неверного или частичного толкования вопросов и получения максимально статистически верной и однородной информации.

3.4.2. Результаты анкетирования

Для ранжирования ценностей представителей современного французского общества, респондентам было предложено оценить анализируемые понятия по шкале от 1 до 5, где 1 – наименее важное понятие, 5 – наиболее важное. Результаты обработки ответов на оценочные вопросы, где показатель «5» - удельный вес (часть от целого) среди всех ответов,

представлены на графике 1 в процентном соотношении. Последовательность понятий представлена по наибольшему количеству ответов «5».

График 1.

Понятие/оценка (в баллах)	1	2	3	4	5
la famille (семья)	0,0%	0,0%	3,6%	21,4%	75%
la paix (мир)	3,6%	0,0%	10,7%	17,9%	67,9%
l'amour (любовь)	0,0%	9,1 %	10,7%	21,4%	67,9%
l'amitié (дружба)	0,0%	3,6%	17,9%	21,4%	57,1%
le travail (работа)	0,0%	0,0%	17,9%	60,7%	21,4%
la patrie (родина)	0,0%	25%	32,1%	25%	17,9%
l'argent (деньги)	0,0%	3,6%	42,9%	39,3%	
La religion (религия)	53,6%	17,9%	17,9%	3,6%	7,1%

Результаты опроса позволили сделать вывод о том, что для французов приоритетным понятием (ценностью) является *famille* / семья (75 %), второе место по количеству пятибалльных оценок занимает *amour* / любовь и *paix* / мир (67,9%). Последнюю позицию на шкале занимает *religion* / религия, которую большинство информантов оценило на оценку «1» (53,6 %).

Показательным, на наш взгляд, является и общее количество реакций на указанные стимулы, и то, какое понятие находится ближе всего к абсолютному значению «5», что также свидетельствует о степени важности соответствующих понятий и соответствующих ценностей в языковом сознании опрошенных. Для выявления самого близкого понятия к абсолютному показателю «5» были взяты полученные проценты ответов с оценкой «1», «2», «3», «4», «5», и затем данные показатели были сложены. В соответствии с полученными значениями была выстроена следующая шкала: *famille* / семья (4,754), *amour* / любовь (4,714), далее следуют понятия *paix* / мир (4,468), *amitié* / дружба (4,32), *travail* / работа (4,032), *patrie* / родина (3,358), *argent* / деньги (3,646), *religion* / религия (1,93).

Обратимся далее к формулировкам, характеризующим понятие *paix* / мир (*la paix pour vous c'est.../мир для вас – это...*). Практически во всех ответах он оценивается как *important* / важный (19 раз), *fondamental* / основной: *fondamental pour vivre en harmonie* / основной фактор для того, чтобы жить в гармонии, *primordial* / первостепенный (3 раза), *nécessité* / необходимость, что демонстрирует безусловную важность и ценность понятия «мир» для французов.

В ряде ответов прослеживается страх упустить, потерять или не достигнуть состояния мира. Приведем несколько примеров подобных комментариев: *une chance de vivre dans des conditions plus correctes qu'il faut conserver* / возможность жить в наиболее правильных условиях, которые нужно сохранять, *nécessaire mais difficile à atteindre. Il ne faut pas une simple paix, mais une paix durable et bien construite* / необходимо, но трудно достижимо. Нужен не просто мир, а лишь мир длительный и правильно выстроенный; *compliqué à définir. Un but à atteindre, pour soi pour les autres* / сложно объяснить. Цель, которую надо достичь для себя и других; *inatteignable mais nécessaire* / недостижимо, но необходимо, *éphémère* / эфемерно. Данные респонденты воспринимают мир как явление недолговечное, временное.

В ряде ответов упоминается лексема *guerre* / война, которая характеризуется как явная антиценность, противопоставляемая миру. Респонденты противопоставляют состояние мира и войны: *Le résultat de la guerre* / результат войны; *commençons par la guerre, c'est très très moche, tu peux mourir à chaque moment, ne pas revoir les gens que tu aimes et qui t'aiment* / начнем с войны, это очень, очень ужасно, ты можешь умереть в любой момент, не увидев людей, которых ты любишь и которые любят тебя; *tuer des inconnus qui sont comme c'est dégueulasse et dur mentalement* / убивать незнакомых людей, которые такие же, как и мы, это отвратительно и тяжело морально; *la paix permet une grande sérénité d'esprit* / мир предоставляет нам как спокойствие духа; *la paix permet aux sociétés d'évoluer et de progresser, la guerre*

de régresser / мир позволяет обществам развиваться и достигать прогресса, тогда как война – регрессировать.

Таким образом, данные ответы позволяют выделить сопредельные ценности *жизнь, любовь, развитие*, и, через антонимические отношения – соответствующие им антиценности, либо подразумевающиеся, либо упоминаемые респондентами, и представленные соответствующими лексемами (*tuer* / убивать, *aimer* / любить, *évoluer* / эволюционировать, *progresser* / развиваться (достигать прогресса), *régresser* / регрессировать. Отрицательная оценка войны выражена с помощью оценочных лексем (*moche* / плохой, ужасный, *dégueulasse* / отвратительный, *dur* / тяжелый), как и положительная оценка мира (*sérénité d'esprit* спокойствие духа, значение в данном случае усиливается прилагательным *grand* / большой), которая прослеживается и в других синонимичных ответах: *tranquillité d'esprit* / спокойствие духа. Для некоторых французов мир рассматривается сквозь призму индивидуальности – как гармония с самим собой: *être en paix avec soi-même* / быть в мире с самим собой, *la paix avec soi-même et envers les autres c'est essentiel* / мир с самим собой и по отношению к другим – это главное.

Таким образом, проведенный опрос информантов, представляющих возрастную категорию от 20 до 39 лет, обоих полов, позволил выявить важную роль аксиологической диады «*paix – guerre*» в системе ценностных ориентаций представителей современного французского общества. Достижение состояния мира, в большинстве случаев понимаемое метафорически (как здоровье, внутренняя гармония, спокойствие), представляется респондентам очень важным. Потребность в данном состоянии подтверждает количество человек, оценивших на оценку «5» понятие *paix* (67,9%), а также высокое значение реакций на данный стимул и его приближенность к абсолютному показателю «5» (4,468). В ряде случаев респонденты противопоставляют состояние мира состоянию войны, которая характеризуется ими как антиценность, противопологаемая миру.

Выводы по 3 главе

В результате анализа функционирования диады «*paix – guerre*» во французском фольклорном, песенном дискурсах и медиадискурсе установлено следующее.

1. Аксиологическая диада «*paix – guerre*» представлена в более чем 70 пословицах, зафиксированных в современных словарях и актуальных для современных носителей французской лингвокультуры (каждая пословица содержит лексический компонент, прямо или образно отражающий концепты «*paix*» и «*guerre*»). Показательно при этом, что концепт «*paix*» не является в французской пословичной картине мира доминантным в рамках диады «*paix – guerre*» (не образует отдельную группу пословиц, поскольку в словарях отсутствует соответствующая рубрика). В свою очередь, концепт «*guerre*» реализуется во французской пословичной картине мира как доминантный в рамках диады «*paix – guerre*» (отражается в интернет-словаре в рамках специальной рубрики «*La guerre et les armes*»). Доминирующий характер концепта «*guerre*» в французской пословичной картине мира в рамках диады «*paix – guerre*» подтверждает еще и тот факт, что лексема *paix* автономно встречается только в 20% французских пословиц (в остальных случаях только в сочетании с лексемой *guerre*). Концепт «*paix*» реализуется в 25 пословицах как в своем первичном смысле (как состояние согласия, отсутствия вражды и т.п.), так и в различных коннотациях, передающих многообразие отождествляющихся с миром позитивных ценностей («покой», «счастье», «любовь», «добро», «победа» и др.). Концепт «*guerre*» реализуется в 47 пословицах как в прямом смысле, так и в переносном (посредством предметно-образных концептов «*soldat*», «*ennemi*», «*sièges et batailles*», «*armée*» в рамках подрубрики «*La guerre*», а также концептов «*arc*», «*couteau*», «*armure*», «*étendard*», «*lance*», «*épée*» в рамках подрубрики «*Les armes*»). Концепт «*guerre*» в пословицах противопоставляется позитивным ценностям («здоровье», «мудрость» и др.), однако в своем предметно-образном выражении может приобретать позитивную оценку (когда речь идет о

важности оружия, о важности хорошего командира и т.д.). Аксиологическая диада «*paix – guerre*» в французской пословичной картине мира соотносится с сопредельными ценностными диадами «победа – поражение», «дружба – вражда», «богатство – бедность», «храбрость – трусость» и др., непосредственно отождествляется с ценностными диадами «жизнь – смерть», «счастье – несчастье», «добро – зло», что демонстрирует разнообразие парадигматических связей в традиционных представлениях французов о ценностях и антиценностях.

2. Аксиологическая диада «*paix – guerre*» представлена в более чем 100 французских песнях военной тематики (с 1960 по 2015 гг.), а также 50 песнях о мире против войны (с начала XX по XXI вв.), которые представлены на популярных интернет-платформах и отражают актуальную для современных носителей французского языка песенную культуру (в тексте каждой песни содержатся лексические компоненты *paix* и/или *guerre*). Концепты «*paix*» и «*guerre*» в одинаковой степени вербализованы в песенных текстах лексемами *paix* и *guerre* (соответственно, 51% и 49%), при этом обе лексемы использовались почти в 40% текстов песен, что указывает на высокую степень их корреляции в песенном дискурсе. Концепт «*paix*» реализуется во французских песнях преимущественно как первичная, абсолютная, объективная позитивная ценность в оценочных контекстах, построенных только по двум семантическим моделям: «без войны не может быть и мира» и «для того, чтобы прийти к состоянию мира, нужно пройти через что-то страшное». При этом мир оценивается как нечто «несбыточное», «утопическое», «неуловимое, как молния», но одновременно «желаемое», «светлое», «прекрасное» и т.п. Концепт «*guerre*» в песнях реализуется в амбивалентных оценочных контекстах (не только как первичная, абсолютная, объективная антиценность, но и как вторичная, относительная, субъективная позитивная ценность), в основном в оценочных контекстах, построенных, соответственно, по двум семантическим моделям: «любовь и война» (ценность и антиценность) и «солдат на войне» (позитивная ценность). При этом война

оценивается как тождественное «ужасу», «смерти», «несчастью», «разлуке», «усталости», «бесцельной трате времени» и противопоставленное «счастью», «молодости», «надежде», «бесконечному времени». Аксиологическая диада «*paix – guerre*» соотносится в песенном дискурсе с сопредельными диадами «любовь – ненависть», «родина – чужбина», «дружба – вражда», «семья – одиночество» и отождествляется с диадами «жизнь – смерть», «рай – ад», «счастье – несчастье». В песенном дискурсе концепты аксиологической диады «*paix – guerre*» устойчиво коррелируют, однако представлены неравнозначно в своем проявлении как ценности (ценность мира оценивается через антиценность войны, что указывает, во-первых, на зависимость позитивной оценки мира от негативной оценки войны, во-вторых, на обесценивание позитивной ценности мира самого по себе, и в-третьих, на амбивалентную негативно/позитивную оценку антиценности войны).

3. Аксиологическая диада «*paix – guerre*» широко представлена в текстах французских СМИ на различных интернет-платформах и репрезентирует актуальное для современных носителей французского языка отношение к миру и войне (разовый поисковый запрос по лексемам *paix* и *guerre*, выдал соответственно 87 и 96 текстов статей, содержащих данные лексические компоненты). С концептом «*paix*» в французском медиадискурсе коррелируют концепты «*prospérité*», «*accord*», «*victoire*», «*liberté*», а с лексемой *paix* тесно связаны в оценочных контекстах лексемы *ramener*, *revenir*, *souhaiter* (которые указывают на стремление вернуть мир, надежду на его возвращение, восприятие его как желаемого). С концептом «*guerre*» в французском медиадискурсе коррелируют концепты «*violence*», «*terrorisme*», «*attentat*», «*victime*», «*attaque*», «*crime*», «*assassinat*», «*lutte*», которые по-разному распределены в оценочных контекстах (первые четыре отождествляются с войной, а последние четыре с ней только соотносятся). Аксиологическая диада «*paix – guerre*» в медиадискурсе манифестирует традиционное противопоставление мира и войны как первичных, абсолютных, объективных, общечеловеческих, этических, соответственно, ценности и антиценности. При

этом в современном французском медиадискурсе выделились в качестве самостоятельных концепты «cyberguerre» и «cyberpaix», которые образовали новую аксиологическую диаду. Доминантным концептом в новой диаде выступает концепт «cyberguerre», вербализируемый посредством целого ряда неологизмов с префиксом *cyber-* (*cyber-harcèlement*, *cyberviolence*, *cybermenace*, *cyberterrorisme*, *cybercriminalité* и т.д.).

4. Анкетирование на платформе Google Forms с целью выявления главных ценностей современного французского общества и их соотнесения с отдельными компонентами аксиологической диады «paix – guerre» показало, что в числе первичных, абсолютных, объективных, позитивных ценностей современных молодых французов (возрастом от 20 до 39 лет) второе место по количеству самых высоких оценок после концепта «famille» (75 %) занимает концепт «paix» (67,9 %), как и концепт «amour» (67,9 %) в кругу иных позитивных духовных и материальных ценностей «amitié», «travail», «patrie», «argent», что зафиксировано впервые в подобного рода опросах респондентов. Показательным явилось и общее количество реакций на стимул *paix*, и его приближенность к абсолютному показателю «5» (4,468), что свидетельствует о важности данного понятия в языковом сознании респондентов. При этом концепт «guerre» прямо вербализуется лишь в отдельных ответах и только в противопоставлении концепту «paix», что противоречит их корреляции в рамках аксиологической диады «paix – guerre» в паремиологическом и песенном дискурсах, которые отражают традиционное (присущее более старшему поколению) восприятие и оценивание социальной действительности (когда мир определяется не как самостоятельно значимая ценность, а только по отношению к войне как доминирующей антиценности).

В большинстве ответов концепт «paix» оценивается как *important* / важный, *fondamental* / основной, *primordial* / первостепенный, характеризуется как *nécessité* / необходимость, а концепт «guerre» вербализуется с помощью оценочной лексики (*moche* / плохой, ужасный, *dégueulasse* / отвратительный, *dur* / тяжелый). Показательно, что во многих ответах концепт «paix»

манифестируется в ярко индивидуальном плане (*tranquillité d'esprit* / спокойствие духа, *être en paix avec soi-même* / быть в мире с самим собой, *la paix avec soi-même et envers les autres c'est essentiel* / мир с самим собой и по отношению к другим – это главное), тогда как концепт «guerre» воспринимается как исключительно социальный феномен.

Верификация результатов исследования диады «paix – guerre», полученных с помощью анкетирования, в целом подтвердила ее важную роль для представителей современного французского общества. Сопоставительный анализ функционирования аксиологической диады «paix – guerre» в трех видах дискурса и в ответах респондентов, заключающийся в изучении лексической сочетаемости ее компонентов, выявлении сопредельных ценностей и эволюции символики, показал ряд пересечений: ценности *amour* / любовь и *amitié* / дружба реализуются в паремиологическом и песенном дискурсах; ценность *famille* / семья – в песенном дискурсе и медиадискурсе. Во всех типах материала присутствует лишь частичное пересечение сопредельных ценностей, что свидетельствует скорее об отсутствии, чем о наличии влияния определенного вида текста на формирование сознания молодых французов.

Необходимо подчеркнуть, что анализ материала трех видов дискурса выявил эволюцию функционирования как рассматриваемой диады, так и отдельных ее элементов, представляющих как четкую оппозицию, так и диалектическое взаимодействие в зависимости от времени создания текста-источника и специфики историко-культурного контекста. Опрос показал не столько традиционное понимание мира в оппозиции войне и как отсутствие конфликтов, сколько его метафорическое восприятие как здоровья и внутренней гармонии, состояние психологического комфорта и стабильности.

Заключение

1. Представления о ценностях неразрывно связаны с осмыслением бытия человека как реального и как ценностно ориентированного. Под ценностью понимается результат социальной или индивидуальной оценки того или иного проявления бытия человека, которое оценивается либо положительно (как важное, значимое, полезное), либо отрицательно (как неважное, незначимое, бесполезное). Соответственно, формируются наборы собственно ценностей и антиценностей, которые в совокупности образуют ценностную картину мира социума (и каждого индивида). Ценности и антиценности коррелируют между собой и образуют не формальные оппозиции, а детерминированные сложными диалектическими отношениями диады, в которых отражена амбивалентность восприятия и осмысления бытия человека, а также динамический характер его оценки в рамках аксиологической картины мира.

Аксиологическая диада «мир – война» относится к универсальным, духовным, этическим, объективным, первичным, абсолютным, амбивалентным бинарным ценностным оппозициям, включающим позитивный и негативный компоненты. В каждой лингвокультуре аксиологическая диада «мир – война» этнокультурно и социокультурно детерминирована коннотациями в плане ценностно ориентированного восприятия и осмысления, языкового и речевого отражения как целиком данной бинарной оппозиции, так и каждого из ее концептуальных компонентов.

2. Основным средством выражения и сохранения ценностей является язык, основным инструментом репрезентации ценностей в котором является категория оценки, формирующая аксиологический компонент языковой семантики. Аксиологическая семантика не всегда формально выражена внутри отдельных языковых единиц, однако всегда маркирована в тексте (в речи).

Языковая репрезентация аксиологической диады «paix – guerre» в оценочных контекстах различных видов дискурса дает возможность проследить не только бинарную оппозицию, но и глубину диалектического взаимодействия ее компонентов, которое зависит от специфики национально-языковой картины мира, комплекса социокультурных и лингвокультурных факторов, того или иного исторического периода, в рамках которого порождаются вербальные оценочные контексты.

3. В разных видах дискурса используются различные средства порождения и воспроизведения оценочных контекстов. Наиболее репрезентативными в аксиологическом плане видами дискурсов являются фольклорный, песенный, массово-информационный (медиадискурс).

В фольклорном дискурсе благодаря как его основным функциям (мировоззренческой, дидактической и морализаторской), так и характерной для народной речи яркой оценочности в передаче фактов действительности зафиксированы константные (традиционные) ценности и антиценности, которые детерминируют культурную, социальную и ментальную идентичность данного народа.

Песенный дискурс, являясь общественно значимым способом хранения и передачи исторически обусловленных социальных и культурных воззрений, установок, стереотипов, норм, выступает объективным индикатором отражения и формирования ценностей и антиценностей, характеризует как их актуальный состав, так и эволюцию в данном социуме.

В медиадискурсе отражается и формируется общественное мнение по наиболее важным вопросам социальной и культурной жизни, что делает его важнейшим источником фиксации не только наиболее значимых на сегодняшний день ценностей и антиценностей, но и актуального отношения к ним представителей данного этноса.

4. Ценности и антиценности в рамках фольклорного дискурса наиболее репрезентативно представлены в паремиологическом дискурсе, в котором сконцентрированы все основные функции фольклора и особенности народной

речи. Паремиологический дискурс до настоящего времени во многом сохраняет актуальность своего содержания, отражает константные (минимально подверженные влиянию времени) ценностные доминанты национальной картины мира.

Аксиологическая диада «*paix – guerre*» широко представлена в актуальных французских паремиях (поговорах), в которых количественно и содержательно доминирует компонент «*guerre*» (лексема *paix* употребляется автономно и в сочетании с лексемой *guerre* в соотношении один к пяти).

Компонент «*paix*» выступает в паремиях не как автономная ценность, а только как позитивное противопоставление антиценности «*guerre*». Компонент «*guerre*» манифестируется как антиценность (противопоставляется традиционным ценностям), однако в ряде предметно-образных соотнесений приобретает позитивную оценочность.

Аксиологическая диада «*paix – guerre*» во французских паремиях образует многочисленные парадигматические связи с различными аксиологическими диадами на основе прямого тождества («жизнь – смерть», «счастье – несчастье», «добро – зло») либо коррелятивной близости («победа – поражение», «дружба – вражда», «богатство – бедность», «храбрость – трусость»).

5. Песенный дискурс, будучи явлением не столько эстетическим, сколько социальным, объективно отражает наиболее значимые социокультурные процессы и их общественную оценку (в этом плане песенный дискурс аксиологически близок паремиологическому дискурсу).

Аксиологическая диада «*paix – guerre*» весьма широко и разноаспектно представлена в французских военных песнях и песнях о мире, в которых оба компонента диады имеют достаточно высокую степень корреляции (в 40% случаев вербализуются совместно).

Компонент «*paix*» в песнях выступает как однозначно позитивная первичная, абсолютная и объективная ценность, при этом отличается противоречивостью оценок. Компонент «*guerre*» имеет амбивалентную

реализацию не только как первичная, абсолютная, объективная антиценность (в противопоставлении концепту «любовь»), но и как вторичная, относительная, субъективная позитивная ценность (в соотнесении с образом солдата на войне), при этом «guerre» оценивается как явление отрицательное.

Аксиологическая диада «paix – guerre» в французских песнях образует многочисленные парадигматические связи с различными аксиологическими диадами на основе прямого тождества («жизнь – смерть», «рай – ад», «счастье – несчастье») либо коррелятивной близости («любовь – ненависть», «родина – чужбина», «дружба – вражда», «семья – одиночество»).

6. Ценности и антиценности в рамках массово-информационного дискурса (медиадискурса) наиболее репрезентативно представлены в его современной электронной форме существования, которая порождает феномен медиасреды, характеризующейся отсутствием информационных границ и способностью и динамично развиваться, отражая актуальные общественные явления и их многополярные оценки разными группами носителей данной лингвокультуры.

Аксиологическая диада «paix – guerre» широко представлена в текстах электронных французских СМИ, в которых оба компонента имеют одинаковую степень вербализации (как совместно, так и по отдельности).

Компонент «paix» в медиадискурсе характеризует оценочная семантика концептов «prospérité», «accord», «victoire», «liberté», в лексема *paix* образует наиболее типичные синтагматические связи с лексемами *ramener*, *revenir*, *souhaiter* (маркирующими стремление вернуть мир, надежду на его возвращение, восприятие его как желаемого).

Компонент «guerre» в медиадискурсе характеризует оценочная семантика концептов «violence», «terrorisme», «attentat», «victime» (с которыми война прямо отождествляется) и концептов «attaque», «crime», «assassinat», «lutte» (которые с войной сравниваются).

По модели аксиологической диады «paix – guerre» в современном французском медиадискурсе сформировалась и активно функционирует новая

аксиологическая диада «cyberpaix – cyberguerre», в которой доминирующим является компонент «cyberguerre», вербализованный рядом неологических единиц тождественной деривационной модели.

7. В восприятии современных французов компоненты аксиологической диады «paix – guerre» под влиянием социально и культурно значимых событий и явлений последних лет (терроризм, пандемия, семейное насилие и др.), трансформировались как в лингвокультурном, так и в лингвокогнитивном плане, приобрели новые смыслы, так и новые ценностные коннотации.

Анкетирование представителей молодого поколения французского общества (в возрасте от 20 до 39 лет) показало, что доминирующим компонентом аксиологической диады «paix – guerre» стал компонент «paix» (в отличие от более старших поколений французов, в массовом сознании которых доминирует компонент «guerre», что ярко представлено в паремиологическом и песенном дискурсах). При этом в иерархии главных ценностей молодых французов концепт «paix» занимает второе место после концепта «famille», наряду с концептом «amour», что указывает на их устойчивую корреляцию. Ценностная семантика концепта «paix» манифестируется в ярко индивидуалистическом плане (как состояние души, отсутствие внутреннего конфликта личности), что демонстрирует изменение приоритетов в ценностном наполнении диады «paix – guerre» в современной французской лингвокультуре, эволюцию ценностей французского общества в сторону более глубокого и личностного стремления к миру и гармонии в жизни.

Проведенный анализ также показал, что молодое поколение французов выделяет компонент «paix» как доминирующий и функционирующий в трех типах дискурса, что позволяет выявить изменение в приоритетах по сравнению с более старшими поколениями и может указывать на тенденции к изменениям в общественном сознании, заключающиеся в преимущественном стремлении к миру, его устойчивую корреляцию с позитивными духовными и

материальными ценностями и меньшую степень проявления ассоциативных связей с войной.

При сопоставлении функционирования аксиологической диады «*paix – guerre*» и ее компонентов в различных типах дискурса и в ответах респондентов был сделан вывод о том, что контекст употребления диады расширил свои границы в сторону метафорического восприятия ее элементов, однако ни один из видов дискурса существенно не повлиял на формирование ценностных ориентаций поколения молодых французов.

8. Перспективы проведенного исследования состоят в дальнейшем анализе аксиологической семантики рассмотренных нами, а также других видов дискурса во французском и в других языках, на примере иных аксиологических доминант в том числе в сопоставительном аспекте, что позволит установить степень приближенности менталитета определенного языкового сообщества к сложившемуся в коллективном сознании идеалу и может составить важный вклад в лингвоаксиологию.

Литература

1. Абакумова, О. Б. Пословицы в языке, сознании, коммуникации : монография / О. Б. Абакумова. – Санкт-Петербург : Алеф-пресс, 2012. – 354 с.
2. Абакумова, О.Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / Абакумова Ольга Борисовна. – Орел, 2013. – 375 с.
3. Абушенко, В.Л. Аксиология / В. Л. Абушенко // Всемирная энциклопедия : Философия XX век / глав. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – Москва : АСТ ; Минск : Харвест, Современный литератор, 2002. – С. 21–23.
4. Авидзба, А.В. Медиадискурс как составляющая информационного пространства / А. В. Авидзба // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2016. – № 1 (21). – С. 35–40.
5. Акопов, Г.Л. Феномен информационных войн в сети «Интернет» и его воздействие на современную политику / Г. Л. Акопов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2011. – № 1. – С. 86–102.
6. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология : ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 288 с.
7. Алефиренко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке : учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Флинта : Наука, 2005. – 416 с.
8. Алефиренко, Н.Ф. Методические основания исследования проблемы вербализации концепта / Н. Ф. Алефиренко // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2004. – № 2. – С. 60–66.
9. Алтруова, А.Ш. Фольклорный дискурс как особый тип коллективной речевой деятельности / А. Ш. Алтруова, Г. Р. Нурекешова // International scientific review of the problems and prospects of modern science and education : Collection of scientific articles LVI International correspondence

scientific and practical conference, Boston, USA, 24–25 марта 2019 года. – Boston, USA: PROBLEMS OF SCIENCE, 2019. – С. 58–62.

10. Андрианова, Н.С. Структура концепта “guerre” на материале фразеологизмов военной сферы французского языка / Н. С. Андрианова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 6-1 (84). – С. 49–52.

11. Андрюхина, М.С. «Аксиологическая оценка» как один из базовых концептов лингвокультурологии и теории культуры / М. С. Андрюхина // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 3. – С. 54–58.

12. Анисимов, В.Е., Калининкова Е.Д. Корреляционный анализ как метод верификации исследования номинативного поля концепта / Е.Д. Калининкова, В.Е. Анисимов // Когнитивные исследования языка. – 2021. – №4(47). – С. 334-341.

13. Антонова, Е.Н., Бредис, М.А. и др. Паремология без границ. Монография. – Под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. – Москва: Российский университет дружбы народов, 2020. – 244 с.

14. Антонова, Е.Н. Поликультурная полярность добра и зла в паремологическом субдискурсе / Е. Н. Антонова // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 3(46). – С. 103-106.

15. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1988. – 341 с.

16. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Большая рос. энцикл., 1998. – С. 136–137.

17. Арутюнова, Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н. Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики. 1982 / отв. ред. В. П. Григорьев ; Академия наук СССР, Институт русского языка. – Москва : Наука, 1984. – С. 5–23.

18. Аскольдов, С.А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста : Антология / под ред. проф. В. П. Нерознака. – Москва : Academia. 1997. – С. 267–279.
19. Астафурова, Т.Н. Англоязычный песенный дискурс / Т. Н. Астафурова, О. В. Шевченко // Дискурс-Пи. – 2016. – № 2 (23). – С. 98–101.
20. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 5-е изд. – Москва : Либроком : URSS, 2009. – 569, [2] с.
21. Ахренова, Н.А. Теоретические основы интернет-лингвистики / Н. А. Ахренова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 10 (28). – С. 22–26.
22. Бабаянц, В.В. Ценности как объект лингвокультурологической рефлексии / В. В. Бабаянц // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6-1 (24). – С. 32–35.
23. Баженова, Е.А. Аксиологическое пространство научного текста / Е. А. Баженова // Аксиологические аспекты современных филологических исследований : Тезисы докладов международной научной конференции, (Екатеринбург, 15–17 октября 2019 года). – Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 13–14.
24. Байрамова, Л.К. Аксиологический французско-русский фразеологический словарь: словарь ценностей и антиценностей / Л. К. Байрамова, Д. Р. Москалева. - Казань : ИЯЛИ им. Г. И. Ибрагимова АН РТ, 2011. - 121 с.
25. Байрамова, Л.К. Отражение в библейских текстах ценностей и антиценностей и отсутствие некоторых их корреляций с эпизодами современной жизни / Л. К. Байрамова // Филология и культура. – 2014. – № 4 (38). – С. 25–28.
26. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Linguistique generale et linguistique française : монография / Ш. Балли. – 2-е изд., стер. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 416 с. – (Лингвистическое наследие XX века).

27. Балляр, М. Proverbe et traduction // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2009. №2.
28. Баркович, А.А. Функциональность диады «Коммуникативный - коммуникативный»: дискурсивный аспект / А. А. Баркович // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – № 5 (37). – С. 37–52.
29. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Собрание сочинений: в 5-ти т. / М. М. Бахтин. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – Т. 5. – С. 159–206.
30. Безкоровайная, Г.Т. Лингвокультурологический потенциал фразеосимвола: общее и национально-специфическое (на материале фразеологизмов с компонентом-символом меч/sword/le glaive в русском, английском и французском языках) / Г. Т. Безкоровайная, О. В. Ломакина, А. С. Макарова // Филология и культура. – 2017. – № 4 (50). – С. 6–10.
31. Беккер, Е.В. Аксиология и лингвоаксиология в современном гуманитарном научном дискурсе (на примере исследования концепта "человек" в русской и китайской культурах) / Е. В. Беккер, О. Б. Панова // Евразийский Союз Ученых. – 2015. – № 4-12 (13).
32. Белоусова, К.И. Языковая картина мира / К. И. Белоусова, М. А. Бергер, Е. В. Тетерина // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2013. – Т. 2, № 9. – С. 237–238.
33. Бердяев, Н.А. Русская идея : Основные проблемы русской мысли XIX века ; Судьба России / Н. А. Бердяев. – Москва : Шевчук, 2000. – 540 с.
34. Богомоллов, Н.А. От Пушкина до Кибирова : статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии / Н. А. Богомоллов. – Москва : Новое литературное обозрение, 2004. – 624 с.
35. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. Т. 2 / редкол. С. Г. Бархударов, Е. А. Бокарев [и др.]. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 391 с.

36. Болдырев, Н.Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 1 (34). – С. 5–13.
37. Бондарко, А.В. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л. : Наука, 1990. 262 с.
38. Борботько, В.Г. Общая теория дискурса (Принципы формирования и смыслопорождения) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Борботько Владимир Григорьевич. – Краснодар, 1998. – 250 с.
39. Бочина, Т.Г. Стилистические приемы контраста как система с полевой структурой / Т. Г. Бочина // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2010. – № 1 (19). – С. 25–29.
40. Бочина, Т.Г. Пословица на века молвится, избранные труды по русской паремиологии / Т. Г. Бочина. – Казань : Издательство Казанского университета, 2023. – 286 с.
41. Бредис, М.А. Отражение морально-этических норм в поговорках о деньгах и богатстве (на материале русских, латышских, латгальских, литовских, немецких и английских пословиц) / М. А. Бредис // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы : Труды и материалы международной конференции (Казань, 31 октября – 03 ноября 2016 года). – Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2016. – Т. 1. – С. 68–74.
42. Бредис, М.А. Представления о денежных отношениях в пословицах (на материале русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Бредис Михаил Алексеевич. – Москва, 2017. – 346 с.
43. Бредис, М.А. Человек и деньги: очерки о пословицах русских и не только / М. А. Бредис. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2019. – 296 с.

44. Буряковская, В.А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе : монография / В. А. Буряковская. – Волгоград : Перемена, 2014. – 227 с.
45. Ван Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с
46. Вартанова, Е.Л. Медиаэкономика зарубежных стран / Е. Л. Вартанова. – Москва : Аспект Пресс, 2003. – 335 с.
47. Венедиктова, Л.Н. Концепт «Война» в языковой картине мира (сопоставительное исследование на материале английского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Венедиктова Людмила Николаевна. – Тюмень, 2004. – 180 с.
48. Верещагин, Э.М. Язык и культура : три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров ; под ред. и с послесл. Ю. С. Степанова ; Гос. Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – Москва : Индрик, 2005. – 1037 с.
49. Вешнинский, Ю.Г. Аксиология постсоветского культурного пространства на рубеже тысячелетий : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Вешнинский Юрий Григорьевич. – Москва, 2010. – 161 с.
50. Виндельбанд, В. Философия культуры : избранное / В. Виндельбанд. – Москва : ИНИОН, 1994. – 349 с.
51. Виноградов, С.Н. К лингвистическому пониманию ценности / С. Н. Виноградов // Русская словесность в контексте мировой культуры : материалы Международной научной конференции РОПРЯЛ (Нижний Новгород, 03–05 октября 2007 года) / Российское общество преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ) ; редкол. : Л. И. Ручина (отв. ред.). – Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2007. – С. 93–97.
52. Водяницкая, А.А. Экспланаторный потенциал лингвистической аксиологии: анализ академических дискурсивных практик, Москва 2022. – 407 с.

53. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – Москва : Едиториал УСССР, 2002. – 280 с.

54. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

55. Выжлецов, Г.П. Рациональность и ценность: специфика и основные этапы взаимодействия / Г. П. Выжлецов // Инновационное образование и экономика. – 2015. – № 18. – С. 54–57.

56. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин ; отв. ред. Г. В. Степанов. – 9-е изд. – Москва : URSS : Ленанд, 2016. – 137 с. – (Лингвистическое наследие XX века).

57. Гапутина, В.А. Медиадискурс моды: процессы, феномены, эффекты: монография / В. А. Гапутина. – Москва : РИОР, 2021. – 160 с. – (Научная мысль).

58. Гасимова, Г.М. Роль ценностной диады МИР-ВОЙНА в языковой картине мира представителей французского общества: традиции и современность / Г. М. Гасимова, Н. Ю. Нелюбова, Т. Е. Финская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – Т. 13, № 1. – С. 156–173.

59. Гасимова, Г.М. Концепт РОДИНА в языковом сознании турецких мигрантов второго поколения во Франции / Г. М. Гасимова // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 3 (46). – С. 124–127.

60. Генисаретский, О.И. Художественно-ценностные истоки стиля (философско-эстетический анализ) / О. И. Генисаретский // Проблема единства современного искусства и классического наследия : сб. науч. ст. / АН СССР, Ин-т философии, Филос. о-во СССР; отв. ред. В. А. Целиков. – Москва : Б. и., 1988. – С. 81–100.

61. Георгиева, О.Н. Ценности и «антиценности» французской и русской лингвокультур как базовые единицы аксиологической картины мира /

О. Н. Георгиева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2008. – № 2 (8). – С. 126–130.

62. Гердер, И.Г. Трактат о происхождении языка / Abhandlung über den ursprung der sprache / И. Г. Гердер ; вступ. ст. В. М. Жирмунского ; пер. с нем. Г. Ю. Бергельсона. – 2-е изд. – Москва : URSS : ЛКИ, 2007. – 156 с. – (История лингвофилософской мысли).

63. Гибатова, Г.Ф. Аксиология в языке / Г. Ф. Гибатова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 2 (121). – С. 127–132.

64. Гинецинский, В.И. Основы теоретической педагогики : учеб. пособие / В. И. Гинецинский. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1992. – 154 с.

65. Горбань, И.В. Роль паремий в речевых актах : на материале языка русской художественной литературы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Горбань Ирина Владимировна. – Саратов, 2010. – 26 с.

66. Гостева, И.В. О понятии «дискурс» и дискурсивных сторонах концепта / И. В. Гостева // Дискурс-Пи. – 2013. – № 1-2 (11-12). – С. 122–126.

67. Гранин, Ю. Д. О гносеологическом содержании понятия «оценка» / Ю. Д. Гранин // Вопросы философии. – 1987. – № 6.

68. Григорьева, Т. В. Метафорическая оппозиция чистый – грязный как способ языковой интерпретации действительности / Т. В. Григорьева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 1–1 (31). – С. 56–58.

69. Гриченко, Л. В. Паремический дискурс: становление понятия, основные характеристики / Л. В. Гриченко // Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – № 4. – С. 109–116. – DOI 10.18522/2070-1403-2021-87-4-109-116.

70. Гудкова, К. В. К вопросу об антонимических и бинарных оппозициях / К. В. Гудкова // Вестник Санкт-Петербургского университета.

Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2012. – № 3. – С. 68–71.

71. Гумбольд, В. Ф. Язык и философия культуры / В. Ф. Гумбольдт. – Москва : Прогресс, 1985. – 451 с. – (Языковеды мира).

72. Данилова, С. А. Типология дискурса / С. А. Данилова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 1. – С. 345–349.

73. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Москва : Прогресс, 1989. – 310 с.

74. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь) : учеб. пособие / Т. Г. Добросклонская. – Москва : Флинта : Наука, 2008. – 263 с.

75. Долженко Ю.Ю., Позднякова А.С. Онлайн анкетирование как современный и эффективный способ исследования // ТДР. 2015. №1.

76. Джабраилова, В.С. Медийный дискурс как объект лингвистического исследования / В. С. Джабраилова, М. П. Фомичева // Тенденции развития науки и образования. – 2019. – № 46-3. – С. 56–61. – DOI 10.18411/lj-01-2019-57.

77. Дубовицкая, Е.Ю. Концепт-сценарий *ВОЙНА* и средства его вербализации в английском и русском языках / Е. Ю. Дубовицкая // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 3 (42). – С. 117–121.

78. Дуняшева, Л.Г. Лингвокультурные особенности конструирования гендера в афроамериканском песенном дискурсе: на материале жанров блюз и рэп : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Дуняшева Лилия Гаффаровна. – Нижний Новгород, 2012. – 24 с.

79. Дускаева, Л.Р. Медиатекст / Л. Р. Дускаева // Медиалингвистика в терминах и понятиях : словарь-справочник / Л. В. Балахонская, А. А. Беловодская, А. В. Болотнов [и др.]. – Москва : ФЛИНТА, 2018. – С. 74–79.

80. Еливанова, А.М. Инверсия как средство формирования текстовых стратегий во французской прозе: диахронический подход / А. М. Еливанова // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 1 (32). – С. 391–394.
81. Емельяненко, В.Д. Информационные войны в Интернете и ценностно-мировоззренческие основания духовного мира человека / В. Д. Емельяненко, В. Д. Игнатенко // Альманах современной науки и образования. – 2016. – № 1 (103). – С. 28–35.
82. Ермакова, Э.В. Борьба с терроризмом в Европе: утопия или упущенная возможность / Э. В. Ермакова // Теории и проблемы политических исследований. – 2018. – Т. 7. – № 1А. – С. 69–80.
83. Ермолина, Е.О. Эмоционально окрашенная лексика в материалах СМИ по борьбе с международным терроризмом / Е. О. Ермолина // Вестник Московского государственного университета печати. – 2015. – № 2. – С. 135–143.
84. Ефимов, В.И. Общечеловеческие ценности / В. И. Ефимов, В. М. Таланов. – Москва : Академия Естествознания, 2010. – 249 с.
85. Желтухина, М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Желтухина Марина Ростиславовна. – Москва, 2004. – 358 с.
86. Желтухина, М.Р. Медиадискурс / М. Р. Желтухина // Дискурс-Пи. – 2016. – № 3-4 (24-25). – С. 292–296.
87. Загрязкина, Т.Ю. Madame - Monsieur - Mademoiselle: Гендер и пол сквозь призму языка и культуры / Т. Ю. Загрязкина // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 4. – С. 9–37.
88. Заложных, В.В. Типология дискурса в лингвистике: фрактальный подход / В. В. Заложных // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2017. – № 3.
89. Зененко, Н.В. Параметры системного анализа институционального дискурса разных этнокультур / Н. В. Зененко // Вестник Московского

государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2023. – № 3. – С. 39-47.

90. Зюзина, И.А. Фрагмент ценностной составляющей лингвокультурного концепта “country” / И. А. Зюзина // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2014. – № 1 (15).

91. Иванов, Е.Е. Аспекты эмпирического понимания афоризма / Е. Е. Иванов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2019. – Т. 10. – № 2. – С. 381–401.

92. Клушина, Н.И. Трансформация медийных жанров в коммуникативном пространстве Интернета / Н. И. Клушина, М. В. Иванова // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – № 3(88). – С. 121-129. – EDN UBIWDJ.

93. Ивин, А.А. Ценность / А. А. Ивин // Философия. Энциклопедический словарь / под. ред. А. А. Ивина. – Москва : Гардарики, 2004.

94. Ивин, А.А. Аксиология : научное издание / А. А. Ивин. – Москва : Высшая школа, 2006. – 390 с.

95. Ивин, А.А. Современная аксиология: некоторые актуальные проблемы / А. А. Ивин // Философский журнал. – 2010. – № 1 (4). – С. 66–78.

96. Ильин, В.В. Аксиология / В. В. Ильин. – Москва : Изд-во МГУ, 2005. – 216 с.

97. Ильина, В.А. К вопросу о классификации ценностей и антиценностей / В. А. Ильина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 3 (858). – С. 46–53.

98. Итс, Р.Ф. Введение в этнографию : учебное пособие / Р. Ф. Итс. – Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. – 160 с.

99. Кабирова, Г.У. Оценка как языковой концепт / Г. У. Кабирова // Актуальные вопросы филологических наук : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). – Чита : Молодой ученый, 2011. – С. 85–87.

100. Каган, М.С. Мир общения : Пробл. межсубъект. отношений / М. С. Каган. – Москва : Политиздат, 1988. – 315 с.
101. Кадачиева, Х.М. Ценность как философская и лингвистическая категория / Х. М. Кадачиева, А. Б. Абдулкадырова // Современные исследования социальных проблем. – 2018. – Т. 10, № 4-3. – С. 54–68.
102. Каминская, Т.Л. Экспликация ценностей в российском медиадискурсе: колумнист и адресат / Т. Л. Каминская // Восточноевропейское обозрение. – 2017. – Т. 8, № 2. – С. 367–377.
103. Карасик, В.И. Концепт как единица лингвокультурного кода / В. И. Карасик // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 10. – С. 4–11.
104. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – С. 166–205.
105. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллектив. моногр. / под ред. Е. Ф. Серебрянниковой. – Москва : ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.
106. Карасик, В.И. Лингвокультурные ценности в дискурсе / В. И. Карасик // Иностранные языки в высшей школе. – 2015. – № 1. – С. 25–35.
107. Карасик, В.И. Ценности как культурно значимые ориентиры поведения / В. И. Карасик // Гуманитарные технологии в современном мире : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конференции (Калининград, 30 мая – 01 июня 2019 года) / сост. : Л. М. Гончарова, Т. В. Нестерова, Э. А. Китанина. – Калининград : Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019. – С. 22–25.
108. Иная ментальность : монография / В. И. Карасик [и др.]. – Москва : Гнозис, 2005. – 352 с.

109. Карасик, В.И. Аксиогенная ситуация как единица ценностной картины мира / В. И. Карасик // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1 (47). – С. 65–75.
110. Клаузевиц, Карл фон. О войне : пер. с нем. / Карл Клаузевиц. – Москва : Эксмо ; Санкт-Петербург : Мидгард, 2007. – 861 с.
111. Ковшова, М.Л. Культурно-национальная специфика фразеологизмов и вопросы экспликации их культурных смыслов / М. Л. Ковшова // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 4 (30). – С. 90–102.
112. Кожемякин, Е.А. Институциональные дискурсы: программа сравнительного исследования / Е. А. Кожемякин // Человек. Сообщество. Управление. – 2007. – № 2. – С. 96–106.
113. Кожемякин, Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е. А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 12 (83). – С. 13–21.
114. Колистратова, А.В. Эволюция фольклорного дискурса в британо-английском контексте ситуации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Колистратова Алевтина Владимировна. – Иркутск, 2012. – 21 с.
115. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г. В. Колшанский. – Москва : КомКнига, 2005. – 232 с.
116. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский; отв. ред. А. М. Шахнарович. – 2-е изд., доп. – Москва : Эдиториал УРСС, 2005. – 120 с.
117. Кононова, И.В. Структура лингвокультурного концепта: методы выявления и механизмы семантизации / И. В. Кононова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – Т. 7. – № 1. – С. 49–60.
118. Кохан, И.Н. Китайские этнические паремии о характере, личности и отношении к жизни в дискурсе англоязычных СМИ Китая / И. Н. Кохан // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – № 4 (29). – С. 264–268.

119. Коцюбинская, Л.В. К вопросу об аксиологии в лингвистике / Л. В. Коцюбинская, О. А. Кузина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2015. – № 1. – С. 59–67.
120. Кремлев, Ю.С. О месте музыки среди искусств / Ю. С. Кремлев. – Москва : Музыка, 1966. – 63 с.
121. Крюкова, Г.А. Концепт. Определение объема содержания понятия / Г. А. Крюкова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 59. – С. 128–135.
122. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века: сборник научных статей. - М. : Институт языкознания РАН, 1995. - С. 144–238.
123. Кубрякова, Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
124. Кузнецов, В.Г. Развитие дихотомий Ф. де Соссюра в Женевской лингвистической школе / В. Г. Кузнецов // Фердинанд де Соссюр и современное гуманитарное знание : сб. статей / Центр гуманит. науч.-информ. исслед.; Отд. языкознания; редкол.: В. Г. Кузнецов (отв. ред.), Е. О. Опарина, С. А. Ромашко. – Москва : ИНИОН РАН, 2008. – С. 66–83.
125. Куликов, Ю.Н. О сущности и природе художественной ценности / Ю. Н. Куликов // Современное искусствознание: Методологические проблемы / ред. А.Я. Зись. – Москва : Наука, 1994.
126. Куляскина, И.Ю. Аксиология: место в системе знаний / И. Ю. Куляскина // Региональные проблемы. – 2001. – № 5. – С. 107–110.
127. Лазутина, Т.В. Ценностный мир в искусстве музыки / Т. В. Лазутина // Вестник Бурятского государственного университет. Философия. – 2009. – С. 247–249.
128. Ларина, Т.В. Прагматика эмоций в межкультурном контексте / Т. В. Ларина // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 1. – С. 144–163.

129. Лингвистика и аксиология. Этносемиотрия ценностных смыслов / Е. Ф. Серебренникова, Н. П. Антипов, Ю. А. Ладыгин [и др.]. – Москва : Тезаурус, 2011. – 352 с.

130. Ломакина, О.В. (2010) Паремии в текстах Л. Н. Толстого: лингвокультурологический комментарий // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. № 6. С. 217–221

131. Ломакина, О.В. Фразеологические средства вербализации концепта «смерть» в творчестве Л.Н. Толстого / О. В. Ломакина // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 37. – С. 780–785.

132. Ломакина, О.В. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) / О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // Русин. – 2018. – № 4 (54). – С. 303–317.

133. Ломакина, О.В. Текст художественной литературы как основа для интернет-мема: из опыта анализа современных рецептов / О. В. Ломакина, Н. Ю. Нелюбова // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 437. – С. 36–44.

134. Ломакина, О.В. Варьирование крылатых единиц как способ расширения репрезентантов концепта (на материале газетных заголовков 2020–2022 гг.) / О. В. Ломакина, А. А. Хохлов // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2022. – № 1 (37). – С. 72–80.

135. Лосев, А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. – Москва, 1995. – 320 с.

136. Лосский, Н.О. Ценность и бытие / Н. О. Лосский. – Москва : АСТФ, 2001. – 864 с.

137. Лотце, Р.Г. Микрокосмос / Р. Г. Лотце // Радости жизни. Микрокосмос / Д. Леббок, Г. Лотце ; пер. с нем. К.Т. Солдатенкова. – Минск : БелЭн, 2006. – С. 291.(С. 108)

138. Макарова, А.С. Амбивалентность функционального потенциала крылатого выражения – Шарли / А. С. Макарова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2017. – Т. 6. – № 4. – С. 566–577.
139. Малько, Е.С. Языковая картина мира: опыт осмысления / Е. С. Малько // Общество и право. – 2012. – № 2 (39).
140. Мамедова, А.О. Символы войны и мира в советском политическом плакате и карикатуре периода "холодной войны" / А. О. Мамедова // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 1. – С. 110–115.
141. Мамонтов, А.С. Система ценностей в аспекте национально ориентированной лексикографии (на примере русско-монгольских сопоставлений) / А. С. Мамонтов, Э. Цэдэндоржийн, В. В. Богуславская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. – 2019. – Т. 23. – № 1. – С. 200–222.
142. Маркелова, Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке / Т. В. Маркелова // Филологические науки. – 1995. – № 3. – С. 67–79
143. Маркелова, Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке / Т. В. Маркелова. – Москва : Московский гос. ун-т печати им. Ивана Федорова, 2013. – 297 с.
144. Мартынова, Ю.А. Лингвопрагматический аспект формирования системы ценностей в политическом дискурсе // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. №1.
145. Марьянчик, В.А. Аксиологическая функция неологизмов медиаполитического дискурса (на материале газетных публикаций начала XXI века) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Марьянчик Виктория Анатольевна – Архангельск, 2005. – 18 с.
146. Маслова, В.А. СТРАННИК в русской лингвокультуре: ценность, концепт, образ? / В. А. Маслова // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. – 2015. – № 3. – С. 23–31.

147. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие / В. А. Маслова. – 3-е изд., испр. – Москва : Флинта : Наука, 2007. – 293 с.

148. Маслова, В.А. Культурный символ и его роль в создании национальных ценностей / В. А. Маслова // Язык. Ментальность. Культура. – Москва, 2010. – Т. 1. – С. 65–67.

149. Маслова, С.В. Бинарные оппозиции в современном массовом сознании / С. В. Маслова, А. В. Усова // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2014. – № 4 (14). – С. 152–155.

150. Матвеева, Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. – 562 с.

151. Мельничук, В.А. Аксиологическая динамика русской лексики (конец XVIII – начало XXI в.) : дис. канд. филол. наук : 10.02.01 / Мельничук Виктория Александровна. – Санкт-Петербург, 2017. – 212 с.

152. Мироненко, Е.А. К вопросу о фольклоризме / Е. А. Мироненко // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2008. – № 6. – С. 78–85.

153. Мирошников, Ю.И. Аксиология: концепция эмотивизма / Ю. И. Мирошников. – Екатеринбург : Институт философии и права УрО РАН, 2007. – 164 с.

154. Митителло, В. Человек в мире музыки / В. Митителло. – Самара : Изд-во СамГУ, 1996. – 149 с.

155. Моисеева, А.А. Аксиологические проблемы современной лингвистики / А. А. Моисеева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 8-2. – С. 74–76.

156. Моисеенко, Л.В. Коммуникативные реакции в Интернете как отражение общественного мнения / Л. В. Моисеенко // Испанистика в эпоху цифровизации : материалы V Международного Конгресса испанистов России, Восточной Европы и Центральной Азии, Москва, 20–22 октября 2021 года /

Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2023. – С. 122-130.

157. Мокиенко, В.М. Народная мудрость: русские пословицы / В. М. Мокиенко, Т. Никитина. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2011. – 414 с.

158. Нагоева, Л.Х. Ценностные ориентации: понятие и феномен / Л. Х. Нагоева // Новые технологии. – 2011. – № 4. – С. 286–289.

159. Найдыш, В.М. Ценности познания и гуманизация науки / В. М. Найдыш. – Москва : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1992. – 238 с.

160. Николина, Н.А. Национально-культурные традиции русского речевого поведения в зеркале автобиографической прозы / Н. А. Николина // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности : коллектив. моногр. / отв. ред.: Н. А. Купина, М. Б. Хомяков. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – С. 433–450.

161. Нелюбова, Н.Ю. Особенности ценностных ориентиров носителей французского и русского языков и их представление в пословицах (на материале словарей) / Н. Ю. Нелюбова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – № 5. – С. 79–88.

162. Ничипорчик, Е.В. Аксиологический портрет женщины в итальянских и русских паремиях (в поисках субъекта оценки) / Е. В. Ничипорчик // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – № 4 (26). – С. 181–195.

163. Ничипорчик, Е.В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях: лингвокогнитивный, сопоставительный и социопсихолингвистический аспекты : автореф. дис. д-ра филол. наук : 10.02.19 / Ничипорчик Елена Владимировна. – Минск, 2016. – 54 с.

164. Новикова, Е.В. Особенности изучения понятий «ценность», «норма» и «оценка» в лингвистике / Е. В. Новикова // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. – 2019. – № 3 (18). – С. 9. – EDN GLPCWF.

165. Овсиенко, Т.В. Лингвокультурные особенности немецкоязычного песенного фольклора (на примере охотничьих, солдатский и колыбельных песен) / Т. В. Овсиенко, Л. С. Караманян // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9, № 4(33). – С. 263–266.

166. Овчарова, Т.Н. О природе ценностей / Т. Н. Овчарова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2004. – № 1 (3). – С. 477–494. – EDN HQTGAL.

167. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд. – Москва, 1999.

168. Омеличкина, Е.О. Реализация лингвокультурного типажа «heros combattant» в художественном дискурсе: на материале французского языка: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Омеличкина Елена Олеговна. – Кемерово, 2013. – 215 с.

169. Оришак, О.В. Опыт сопоставительного изучения концептов война и la guerre в русской и французской языковых картинах мира / О. В. Оришак // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2008. – № 2. – С. 35–48.

170. Остапчук, К.С. Понятие естественной справедливости в трудах Аристотеля в контексте современных проблем правопонимания / К. С. Остапчук // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 9.

171. Оценка и коммуникация: руководство для студентов и аспирантов / сост. Г. И. Приходько. – В.: Новая Книга, 2013. – 168 с.

172. Палий, А.А. Аксиологические концепции в трудах русских писателей, философов, критиков / А. А. Палий // Вестник Омского университета. – 2004. – № 1. – С. 84–87.

173. Паремнология без границ : монография / Е. Н. Антонова, М. А. Бредис, Т. Е. Владимирова [и др.]. – Москва : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2020. – 244 с.

174. Пашкова, Е.А. Песенный дискурс в общем контексте культуры / Е. А. Пашкова // Молодой ученый. – 2018. – № 27 (213). – С. 184–186.
175. Пелипенко, А.А. Проблемы изучения культурного наследия в условиях глобализации / А. А. Пелипенко. – 2006. – С. 382–404.
176. Плотницкий, Ю.Е. Лингвостилистические и лингвокультурные характеристики англоязычного песенного дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Плотницкий Юрий Евгеньевич. – Самара, 2005. – 183 с.
177. Покровская, А.Н. Художественные ценности в изменяющемся мире / А. Н. Покровская ; под ред. В. М. Конона ; АН БССР, Ин-т философии и права. – Минск : Навука и тэхніка, 1990. – 118 с.
178. Потапчук, М.А. Песенный дискурс как коммуникативный процесс / М. А. Потапчук // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 2 (293). – С. 140–143.
179. Потапчук, М.А. Концепт «Война» в русском языке и культуре / М. А. Потапчук // Челябинский гуманитарий. – 2011. – № 4 (17). – С. 48–52.
180. Потенбня, А.А. Мысль и язык : собр. тр. / А. А. Потенбня. – Москва : Лабиринт, 1999. – 268 с. – (Классика мировой гуманитарной мысли).
181. Прозерский, В.В. Критический очерк эстетики эмотивизма / В. В. Прозерский. – Москва : Искусство, 1983. – 175 с.
182. Прокошенкова, Л.П. Дискурсивный анализ и его роль в современной лингвистике / Л. П. Прокошенкова, И. Б. Гецкина // Вестник Чувашского университета. – 2006. – № 4. – С. 451–456.
183. Прохоров, Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс : учеб. пособие / Ю. Е. Прохоров. – 2-е изд., испр. – Москва : Флинта : Наука, 2006. – 220 с.
184. Пушкин, А.А. Способ организации дискурса и типология языковых личностей / А. А. Пушкин // Язык, дискурс и личность : межвуз. сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т ; редкол.: И. П. Сусов (отв. ред.) [и др]. – Тверь : ТГУ, 1990. – С. 50–60.
185. Пысина, И.С. Языковые особенности молодежного англоязычного песенного дискурса / И. С. Пысина // Идеи. Поиски. Решения : сб. ст. и тез. XII

Международ. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, Минск, 26 окт. 2018 г. В 7 т. Т. 2 / БГУ ; редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 105–113.

186. Райскина, В.А. Лингвоаксиологическая концептуализация средневекового рыцарства (на материале художественного и научно-исторического дискурсов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Райскина Валерия Александровна – Москва, 2020. – 26 с.

187. Рассел, Б. Человеческое познание: его сфера и границы : статьи / Бертран Рассел ; пер. с англ. Н. В. Воробьева. – Москва : ТЕРРА - Кн. клуб : Республика, 2000. – 463 с.

188. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре : пер. с нем. / Генрих Риккерт. – Москва : Республика, 1998. – 410 с.

189. Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова [и др.]; отв. ред. Б. А. Серебренников; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва : Наука, 1988. – 212 с.

190. Романова, Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность : монография / Т. В. Романова. – Нижний Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. – 309 с.

191. Русакова, О.Ф. Основные теоретико-методологические подходы к интерпретации дискурса / О. Ф. Русакова // Антиномии. – 2007. – № 7. – С. 5–34.

192. Рянская, Э.М. Языковые средства реализации аттрактивности в предтекстовых образованиях (на материале французского и русского языков) / Э. М. Рянская, Е. А. Фоменко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, № 6. – С. 2012-2016. – DOI 10.30853/phil20220323. –

193. Савенкова, Л.Г. Воспитание человека в пространстве мира и культуры: Интеграция в педагогике искусства : монография / Л. Г. Савенкова. – Москва : МАГМУ- РАНХиГС, 2011. – 156 с.

194. Сальникова, Ю.А. Аксиологические аспекты медиадискурса : монография / Ю. А. Сальникова. – Биробиджан : Издательский центр ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2014. – 157 с.

195. Светоносова, Т.А. Сопоставительное исследование ценностей в российском и американском политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Светоносова Татьяна Александровна. – Екатеринбург, 2006. – 174 с.

196. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир ; пер. с англ. и общ. ред. и введение. ст. А. Е. Кибрик. – Москва : Прогресс, «Универс», 1993. – 565 с.

197. Серебренникова, Е.Ф. Этносемиотрия как способ лингвистического аксиологического анализа / Е. Ф. Серебренникова // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов : коллектив. моногр. / Е. Ф. Серебренникова, Н. П. Антипов, Ю. А. Ладыгин [и др.]. – Москва : ТЕЗАУРУС, 2011. – С. 49–76.

198. Серио, П. Анализ дискурса во Французской школе (Дискурс и интердискурс) / П. Серио // Семиотика: Антология / сост. Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2001.

199. Сидоров, В.А. Аксиология журналистики: опыт становления новой дисциплины / В. А. Сидоров, К. Р. Нигматуллина, С. Н. Ильченко. – Санкт-Петербург : Роза мира, 2009. – 174 с.

200. Синячкин, В.П. Общечеловеческие ценности как инструмент анализа языкового сознания членов общества / В. П. Синячкин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2010. – № 2. – С. 62–66.

201. Словарь философских терминов / науч. ред. В. Г. Кузнецов. – Москва : ИНФА-М, 2007. – 731 с.

202. Словарь философских терминов / науч. ред. В. Г. Кузнецова. – Москва : ИНФРА-М, 2005 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). – XV, [1], 729, [1] с. – (Библиотека словарей «ИНФРА-М» : БСИ).

203. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : специальность 10.02.19 «Теория языка» : дис. д-ра филол. наук / Слышкин Геннадий Геннадьевич. – Волгоград, 2004. – 323 с. – EDN NOFPNJ.

204. Слышкин, Г.Г. Ассоциативная модель лингвокультурного концепта / Г. Г. Слышкин // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск: Актуальные проблемы гуманитарных наук. – 2004. – № 2. – С. 158–163.

205. Снитко, Т.Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах / Т. Н. Снитко. – Пятигорск : Изд-во Пятигорского лингв. ун-та, 1999. – 158 с.

206. Собанцев, А.А. Ценность и лингвистическое значение как ценность / А. А. Собанцев // Сумма философии. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. – Вып. 5. – С. 157–162.

207. Соколова, О.В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR / О. В. Соколова. – 2-е изд. – Москва : Гнозис, 2014. – 304 с.

208. Соловьев, В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории : сочинения: в 2 т. Т. 2. / В. С. Соловьев. – Москва, 1990.

209. Соловьева, Е.А. Концептуальные особенности французского военного песенного дискурса (корпусное исследование) / Е. А. Соловьева // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – Т. 18, № 2. – С.13–27.

210. Сорокин, Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90-е годы XIX века / Ю. С. Сорокин. – Москва ; Ленинград : Наука, 1965. – 566 с.

211. Старикова, Е.Н. К вопросу о категории оценки в языке / Е. Н. Старикова, С.Н. Колесник // Вестник Киевского университета. Романо-германская филология. – 1988. – Вып. 22. – С. 56–59.

212. Старостина, Ю.С. Лингвоаксиологические аспекты англоязычной стилизованной коммуникации: система позитивно-оценочных средств / Ю. С. Старостина, А. А. Харьковская // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2020. – № 52. – С. 66–80.

213. Степанов, А.А. Война и мир в смысловом пространстве философии: методологический аспект / А. А. Степанов // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2007. – № 1 (64). – С. 30–35.

214. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Акад. проект, 2001. – 989, [1] с.

215. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 1985. – 171 с.

216. Стернин, И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры / И. А. Стернин // Этнокультурная специфика языкового сознания / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Эйдос, 1996. – С. 98–112.

217. Столович, Л.Н. Красота. Добро. Истина : Очерк истории эстет. аксиологии / Л. Н. Столович. – Москва : Республика, 1994. – 463 с.

218. Сторожева, Е.М. Коннотация и ее структура / Е. М. Сторожева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 13. – С. 113–118.

219. Сусык, С.Ю. Реализация концепта "ТЕРРОРИЗМ" в дискурсе печатных средств массовой информации : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Сусык Светлана Юрьевна; [Место защиты: Челяб. гос. ун-т]. – Челябинск, 2008. – 206 с.

220. Сысоев, В.А. Бинарные оппозиции в языке и речи / В. А. Сысоев.

221. Тарасов, Е.Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей / Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2012. – № 15. – С. 8–17.

222. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 284 с.

223. Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко, Е. И. Беляева, Л. А. Бирюлин [и др.] ; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.] ; АН СССР, Ин-т языкознания. – Ленинград : Наука : Ленингр. отд-ние, 1990. – 262 с.

224. Теппеева, Д.Р. Фольклорный песенный дискурс как транслятор лингвокультурной информации / Д. Р. Теппеева // Современный ученый. – 2020. – № 1. – С. 246–252.

225. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово, 2000. – 624 с.

226. Тресиддер, Д. Словарь символов : пер.с англ. С. Палько. – Москва : Фаир-Пресс, 1999. – 448 с.

227. Третьякова, Л.Н. Военная концептосфера и концепт меч в языковой картине мира русского человека на фоне других лингвокультур / Л. Н. Третьякова // Русистика. – 2010. – № 2. – С. 21–28.

228. Трубецкой, Н.С. Классификация оппозиций // Основы фонологии / Н. С. Трубецкой ; пер. с нем. А. А. Холодовича. – Москва : Аспект Пресс, 2000.

229. Федоров, В.А. Французский синтаксический концепт «наличие / отсутствие чего-либо / кого-либо» с конструкцией $IL \ Y \ A$ / В. А. Федоров // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2014. – Т.10, №3-2. – С. 241–244.

230. Философия : Энцикл. слов. / под ред. А. А. Ивина. – Москва : Гардарики, 2004. – 1072 с.

231. Финская, Т.Е. Репрезентация атрибутов современной войны во французском медиадискурсе: специфика номинации / Т. Е. Финская // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака : сб. статей по итогам VI междунар. конф. (Москва, 22–26 марта 2021 года). – Москва: Спутник+, 2021. – С. 457–464.

232. Фоменко, И.Б. Концепт ВОЙНА в русской и китайской языковых картинах мира / И. Б. Фоменко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, № 3. – С. 910–917.

233. Фомина, Ю.А. Аспекты изучения языковой оценки / Ю. А. Фомина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 20. – С. 154–161.

234. Фрумкина, Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? / Р. М. Фрумкина // Язык и наука в конце 20 века. – Москва, 1995. – С. 74–107.

235. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – Киев : Ника-Центр, 1996а. – 208 с

236. Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет /М. Фуко. – Москва : Касталь, 1996б. – 448 с.

237. Фуксон, Л.Ю. Проблема интерпретации и ценностная природа литературного произведения: монография / Л. Ю. Фуксон. – Кемерово, 1999. – 128 с.

238. Хасанова, Н.Ф. Проблема антиценностей в аксиологической лингвистике / Н. Ф. Хасанова // Казанская наука. – 2018. – № 10. – С. 151–153. – EDN YNGCDR.

239. Хроленко, А.Т. Лингвофольклористика. Листая годы и страницы / А. Т. Хроленко. – Курск, 2008. – 229 с.

240. Хроленко, А.Т. Введение в лингвофольклористику : учеб. пособие / А. Т. Хроленко. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 190 с.

241. Хурматуллин, А.К. Понятие дискурса в современной лингвистике // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2009. – № 6. – С. 31–37.

242. Цуккерман, В.А. Музыкальные жанры и основы музыкальных форм / В. А. Цуккерман. – Москва : Музыка, 1964. – 159 с.

243. Чернявская, Е.А. Оценка и оценочность в языке и художественной речи: На материале поэтического, прозаического и эпистолярного наследия А. С. Пушкина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Чернявская Елена Анатольевна – Брянск, 2001. – 18 с.

244. Чеснокова, О.С. Гастрономический тезаурус испанцев и басков через призму юмористического дискурса / О. С. Чеснокова, Ю. В. Фернандес Санчес // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 425. – С. 50–58.

245. Шелер, М. К психологии английского этоса и лицемерия / Макс Шелер ; пер. с нем., примеч. и коммент., сопровод. статья А. Н. Малкин. – Москва : МСЛ, 2022. – 142 с.

246. Шелер, М. Проблемы социологии знания / Макс Шелер ; [перевод, комментарии, послесловие А. Н. Малинкин]. – Москва : Ин-т гуманитарных исслед., 2011. – 302 с.

247. Шумарина, М.Р. Метаязыковая рефлексия в фольклорном тексте / М. Р. Шумарина // Филологические науки. – 2010. – № 5-6. – С. 56–65.

248. Эмер, Ю.А. Современный песенный фольклор: когниции и дискурсы / Ю.А. Эмер. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. – 266 с.

249. Эмер, Ю.А. Концепт "война" в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ / Ю. А. Эмер // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2012. – № 4 (20). – С. 58–67.

250. Эмер, Ю.А. Фольклорный дискурс: когнитивно-дискурсивное исследование / Ю. А. Эмер // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 2 (27). – С. 50–60.

251. Эслами, З.Р. Идентичность, вежливость и дискурсивные практики в меняющемся мире / З. Р. Эслами, Т. В. Ларина, Р. Пашмфоруш // *Russian Journal of Linguistics*. – 2023. – Т. 27, № 1. – С. 7–38.

252. Ю, Е.Д. Языковая репрезентация жестов рук и тактильной коммуникации в литературном невербальном дискурсе (на материале испанского языка) / Е. Д. Ю // *Вестник Иркутского государственного технического университета*. – 2012. – № 10 (69). – С. 386–390.

253. Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики : сб. науч. трудов / редкол. : В. К. Андреева, В. И. Карасик, Е. В. Мещерякова, О. В. Коротеева. – Волгоград : Перемена, 1999. – 196 с.

254. Якушина, Р.М. Динамические параметры оценки (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Якушина Роза Михайловна. – Уфа, 2003. – 24 с.

255. Янченко, Я.М. Лингвистический аспект исследований песенного дискурса: актуальность и многоаспектность / Я. М. Янченко // *Мир науки. Социология, филология, культурология*. – 2019. – Т. 10. – № 4. – С. 28.

256. Andreani, G. La guerre contre le terrorisme, le piège des mots / G. Andreani. – 2003.

257. Anisimova, E.D., Anisimov, V.E., Denisenko, V.N. PAROEMIA IN THE CONTEXT OF MODERN FRENCH PUBLIC INTERNET ADVERTISING // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2023. №1.

258. Baud, M. La cyberguerre n'aura pas lieu, mais il faut s'y préparer / M. Baud // *Politique étrangère*. – 2012. – n° 2. – P. 305–316.

259. Bréchon P. Les valeurs des Français. Evolution de 1980 à 2000. Paris: Armand Colin, 2000, 280 p

260. Bréchon, P, Gonthier, F., Astor, S. (dir.) (2019) La France des valeurs. Quarante ans d'évolutions. Presses universitaires de Grenoble. 381 p.

261. Cattaruzza, A., Dorier, E. Postconflit : entre guerre et paix ? / A. Cattaruzza, E. Dorier // *Hérodote*. – 2015. – 2015/3 (n° 158). – P. 6–15.

262. Charaudeau, P. Une éthique du discours médiatique est-elle possible ? / P. Charaudeau // *Communication*. – 2010. – Vol. 27/2 – P. 51–75.
263. Choi, Yong-Ho. La valeur en discours chez Saussure / Yong-Ho Choi // *L'Information Grammaticale*. – 2002. – N. 95. – P. 50–53.
264. Corner, J. The Scope of Media Linguistics / J. Corner. – *BAAL Newsletter*, 1998. – 188 p.
265. CNRTL. – URL: <https://www.cnrtl.fr/definition/anti-> (дата обращения: 23.04.2022).
266. Crystal, D. *Encyclopedia of the English Language* / D. Crystal. – Cambridge University Press, 1994.
267. Gaulin, A. *La Chanson comme discours* / A. Gaulin. – 1995. – Vol. 27, № 3.
268. Gee, J. P. *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method* / J. P. Gee. – London ; New York : Routledge : Taylor and Francis Group, 2005. – 176 p.
269. Goddard, C. *Cultural Scripts* / C. Goddard // *Culture and Language Use* / G. Senft, J.-O. Ostman & J. Verschueren (eds.). – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2009. – P. 68–80.
270. Helgorsky, F. *Norme et Histoire* / F. Helgorsky // *Le français moderne*. – 1982. – № 1. – P. 15–41.
271. Le Robert Dico en ligne. – URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/definition/guerre> (дата обращения: 23.04.2022).
272. Leduc, A. Une mise en lumière des mutations militaires de la fin du Moyen Âge / A. Leduc // *Artefact*. – 2016. – № 4. – P. 307–311.
273. Loraux, N. *La guerre dans la famille* / N. Loraux // *Clio: A Journal of Literature, History, and the Philosophy of History*. – 1997. – № 5.
274. Mieder, W. *Proverbs: A Handbook* / W. Mieder. – Westport : Greenwood Press, CT, 2004. – 305 p.

275. Musée canadien de la guerre canadien War museum. – URL: <https://www.museedelaguerre.ca/cwm/exhibitions/navy/galery-f.aspx@section=2-E-1-a&id=6&page=0.html> (дата обращения: 15.02.2021).

276. O’Keeffe, A. Media and Discourse Analysis / A. O’Keeffe // The Routledge Handbook of Discourse Analysis / eds : J. Gee, M. Handford. – London : Routledge, 2011. – P. 441–454.

277. Pecman, M. L’enjeu de la classification en phraséologie / M. Pecman // Actes du congrès EUROPHRAS 2004 / Société européenne de phraséologie, Université de Bâle, 26-29 août 2004. – Baltmannsweiler : Schneider Hohengehren Verlag, 2004. – P. 127–146.

278. Pietralunga, C. «Nous sommes en guerre»: face au coronavirus, Emmanuel Macron sonne la « mobilisation générale» / C. Pietralunga, A. Lemarié // Le Monde. – 2020.

279. Proverb // The New Encyclopaedia Britannica. – Chicago et al. : Encyclopaedia Britannica, 1994. – Vol. 9. – P. 749.

280. Saussure, F. de. Écrits de linguistique générale / F. de Saussure ; édition préparée par Simon Bouquet et Rudolf Engler. – 2002.

281. Tabone-Weil, D. La guerre dans les couples: guerre amoureuse, guerre destructrice? / D. Tabone-Weil // Revue française de psychanalyse. – 2016. – № 80 (1). – P. 171.

282. Tenenbaum, E. Le piège de la guerre hybride / E. Tenenbaum // Focus stratégique. – 2015. – № 63.

283. Tenenbaum, E. Les Nouvelles guerres sont-elles pires? / E. Tenenbaum // Après-demain. – 2015. – № 36.

284. Интернет-словарь пословиц Internaute. – URL: <https://www.linternaute.fr/proverbe/> (дата обращения: 23.04.2022).

285. Французская газета Le Figaro. – URL: <https://www.lefigaro.fr/actualite-france/en-direct-nice-l-auteur-d-une-attaque-meurtriere-interpelle-20201029> (дата обращения: 23.04.2022).

286. Французская газета France Info. – URL: https://www.francetvinfo.fr/sante/maladie/coronavirus/pas-de-calais-un-homme-tue-sa-femme-et-ses-deux-enfants_3903579.html (дата обращения: 23.04.2022).
287. Французская газета Le Monde. – URL: https://www.lemonde.fr/planete/article/2020/08/22/de-nice-a-lille-la-france-se-convertit-au-port-du-masque_6049607_3244.html (дата обращения: 23.04.2022).
288. Французская газета France bleu. – URL: <https://www.francebleu.fr/>
289. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/prava-cheloveka/droit-des-femmes/> (дата обращения: 23.04.2022).
290. URL: [Les programmes des candidats pour l'élection présidentielle 2022 \(francetvinfo.fr\)](#) (дата обращения: 23.04.2022).
291. URL: [Présidentielle : la France à l'épreuve des cyberattaques - ladepeche.fr](#) (дата обращения: 23.04.2022).
292. URL : [Présidentielle 2022 : face au risque de cyberattaque, « la plus grande prudence » est de mise \(sudouest.fr\)](#) (дата обращения: 23.04.2022).

Приложение 1. Формулировки вопросов для анкетирования

Votre âge: *

- moins de 20 ans
- 20 à 39 ans
- 40 à 59 ans
- 60 à 74 ans
- 75 ans et plus

Votre sexe: *

- Féminin
- Masculin
- Je ne souhaite pas le préciser

Évaluer l'importance de la religion de 5 à 1: *

Religion

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5

Évaluer l'importance de la paix de 5 à 1: *

Paix

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5

Évaluer l'importance de l'amour de 5 à 1: *

Amour

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5

Évaluer l'importance de l'argent de 5 à 1: *

Argent

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5

Évaluer l'importance de l'amitié de 5 à 1: *

Amitié

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5

Évaluer l'importance de la patrie de 5 à 1: *

Patrie

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5

Le travail pour vous c'est...

Votre réponse

L'amitié pour vous c'est...

Votre réponse

La famille pour vous c'est...

Votre réponse

L'argent pour vous c'est...

Votre réponse

La religion pour vous c'est...

Votre réponse

La paix pour vous c'est...

Votre réponse

La patrie pour vous c'est...

Votre réponse

L'amour pour vous c'est...

Votre réponse

Envoyer

Effacer le formulaire